ПИОНЕР 4

АПРЕЛЬ ● 1977 ● ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

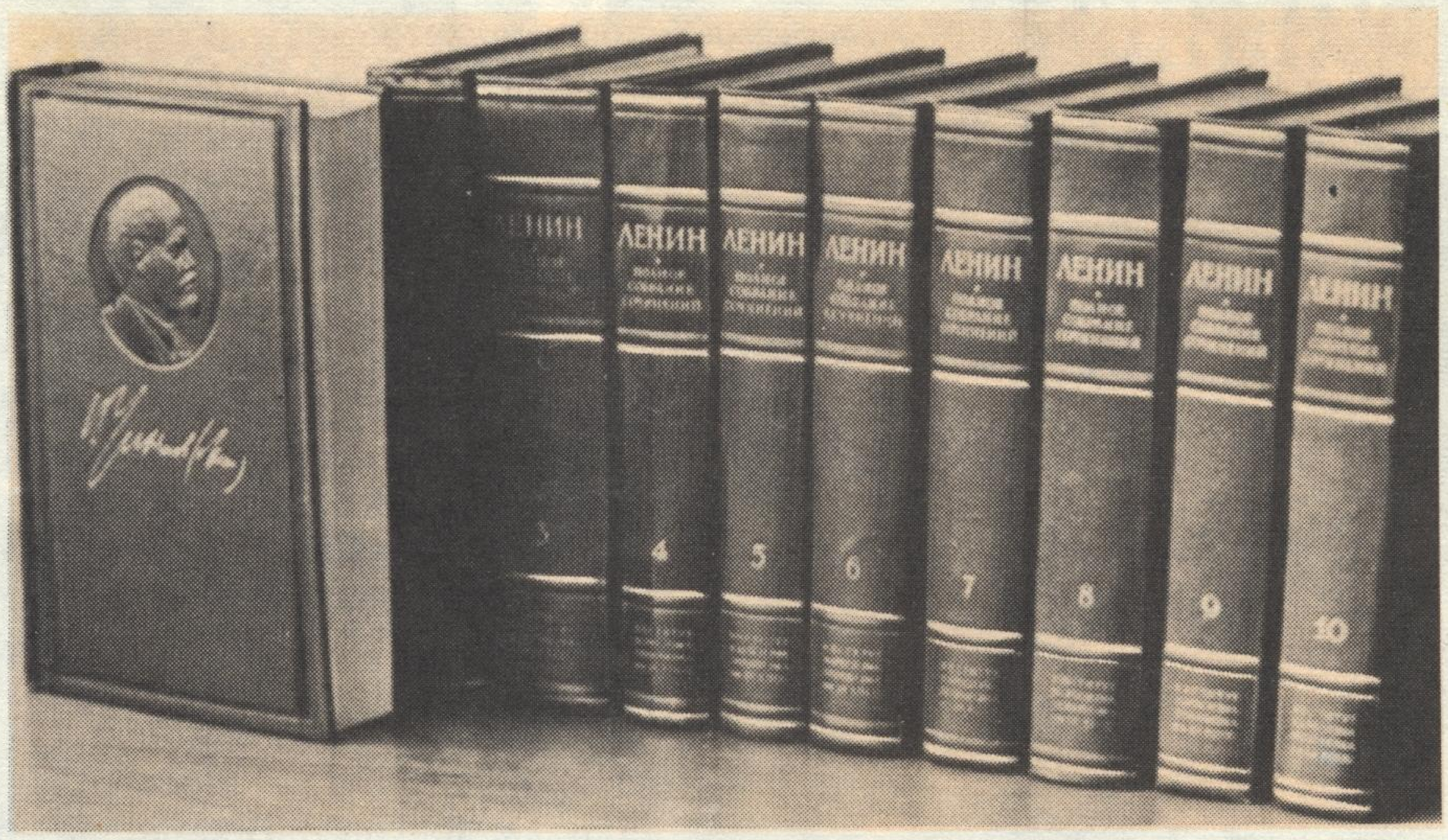

В. И. ЛЕНИН В РАБОЧЕМ КАБИНЕТЕ В КРЕМЛЕ.
Москва, 4 октября 1922 год.

12 825 000
ленинских книг и брошюр
были изданы во всем мире с 1917 года.
6 302 000
книг Владимира Ильича
вышли на языках народов СССР

22 АПРЕЛЯ — ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ В. И. ЛЕНИНА

ИНТЕРВЬЮ АПРЕЛЯ

Имени ЛЕНИНА

Есть на земле рукотворное чудо, созданное умом и талантом человека, — книга. Она сохраняет на века мысли, знания и чувства людей. Библиотеки, где собраны тысячи, десятки тысяч, миллионы томов, — сокровищницы. В нашей стране двери сокровищниц-библиотек открыты для всех. И самая большая в СССР и крупнейшая в мире — Государственная библиотека имени В. И. Ленина. Каждое утро сюда приходят восемь тысяч читателей.

Я спросил у директора Государственной библиотеки имени В. И. Ленина **Николая Михайловича СИКОРСКОГО**: а что в этой сокровищнице самое ценное?

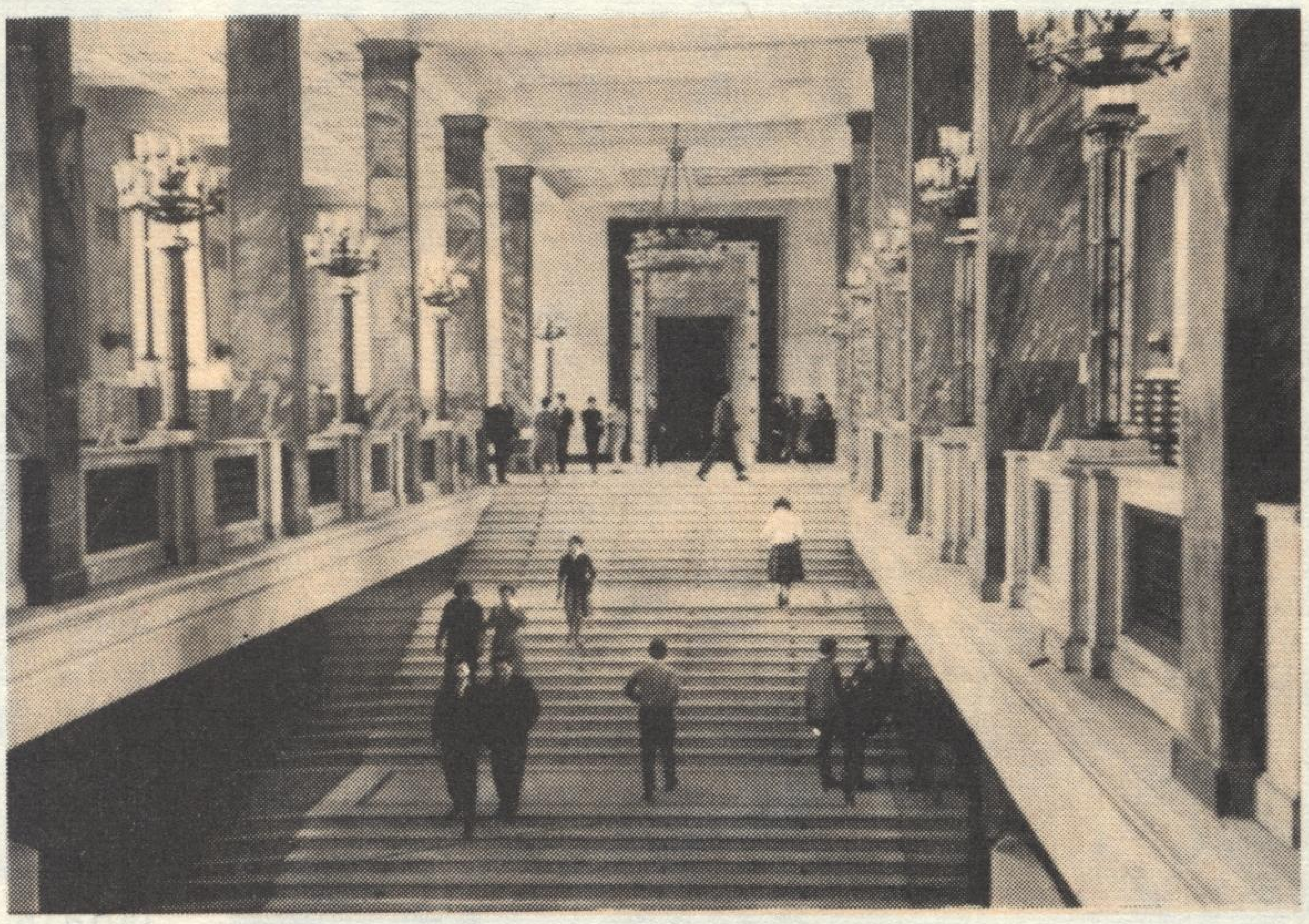
— Еще в 1913 году Владимир Ильич писал, что гордость и слава публичной библиотеки не в том, сколько в ней редких книг и рукописей, а в том, «как широко обращаются книги в народе, сколько привлечено новых читателей, как быстро удовлетворяется требование на книгу». Эти ленинские слова стали для нас и для всех библиотечных работников страны заветом.

Особую ответственность, конечно, чувствуем мы, потому что с жизнью и работой Владимира Ильича неразрывно связана судьба нашей библиотеки.

...Знали бы вы, сколько препятствий чинило царское правительство созданию публичных библиотек в России! Сколько унижений испытали создатели и работники библиотек, выпрашивая, словно милостыню, деньги на ремонт, содержание помещения, покупку новых книг. Тесно было книгам в крупнейшей по тем временам Московской публичной библиотеке Румянцевского музея.

Но вот свершилась революция. Еще отчаянно сопротивлялся старый мир, а молодое советское

Восемь тысяч читателей приходят каждый день в Государственную библиотеку имени В. И. Ленина.

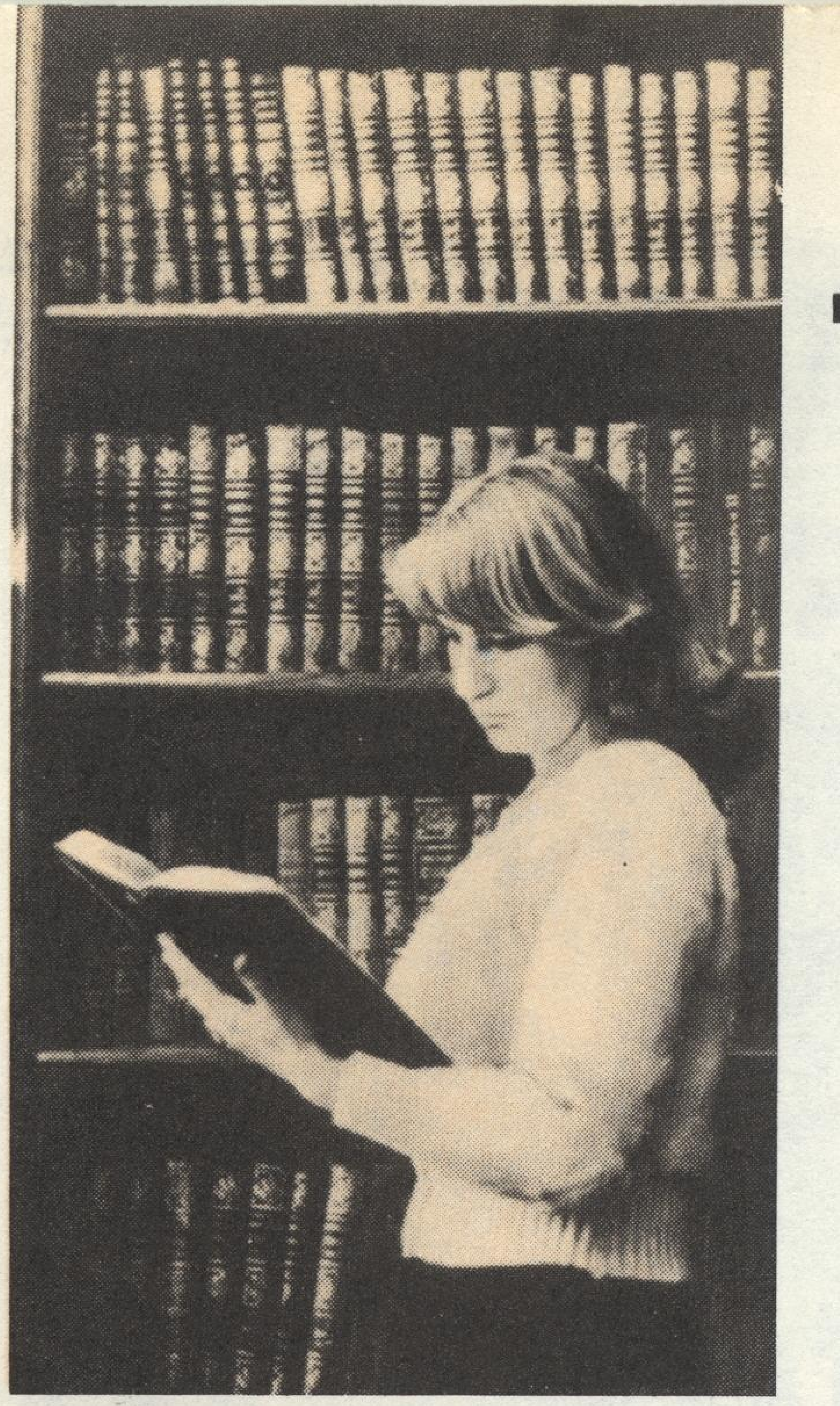
Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

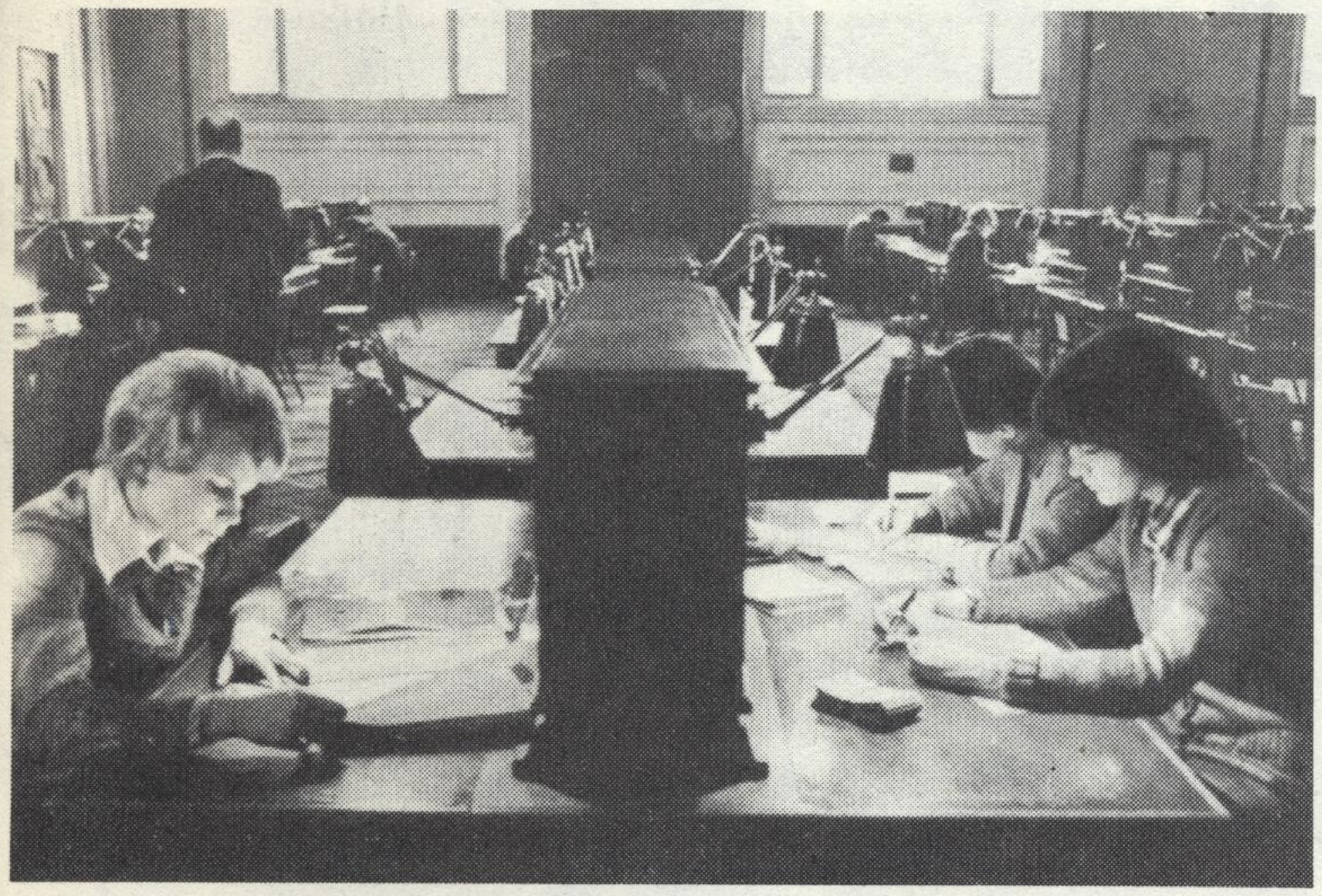
АПРЕЛЬ 4

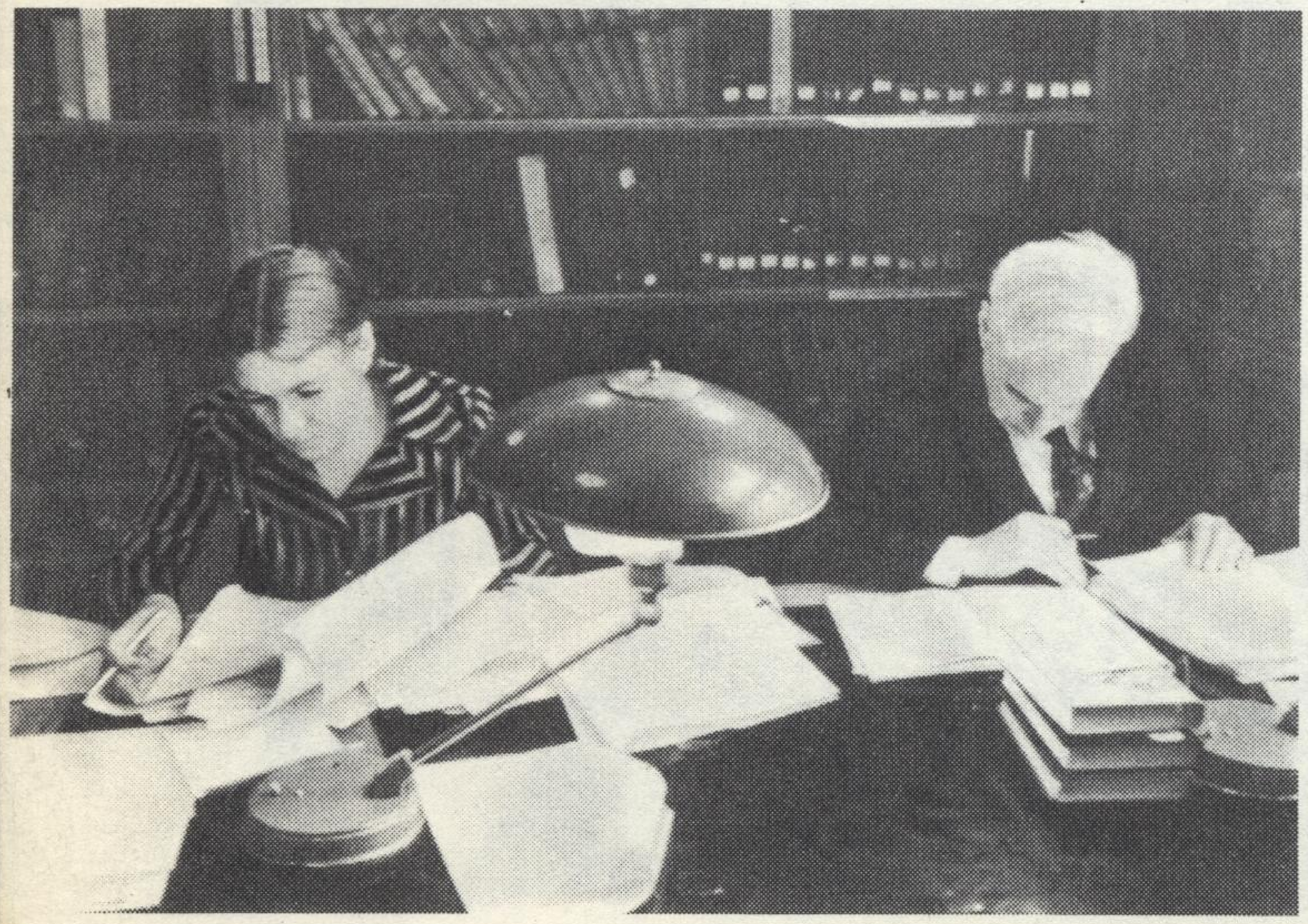
Москва 1977 г.
Издательство «Правда»

Фотографии **Н. МАТОРИНА**

В библиотеке у каждого человека — молод он или убелен сединой — особое настроение. Он наедине с книгой.

правительство, сам Владимир Ильич Ленин уже думали о хранении и умножении книжных богатств страны. Ленинским декретом «Об охране библиотек и книгохранилищ» все национализированные книжные собрания были взяты под охрану государства.

Книгам, библиотекам Ленин всю жизнь уделял первостепенное внимание. Куда бы ни забрасывала его трудная судьба революционера, всюду он бывал в библиотеках, брал там книги, работал в читальном зале.

Мысли и работы Владимира Ильича о том, как сделать книгу всенародным достоянием, о развитии библиотечного дела ценим не только мы, советские работники культуры, но и многие наши зарубежные коллеги. В год 100-летия нашей библиотеки в Москве проходил Международный конгресс Всемирной книжной ассоциации. С докладами о роли ленинского наследия в работе библиотек выступали на конгрессе многие зарубежные делегаты.

...С первых дней Советской власти родилось в нашей стране особое отношение к книгам, к библиотекам.

Шла гражданская война. Стыли от холода дома. Из-за нехватки угля останавливались фабрики и заводы. Но Совет Народных Комиссаров выделял топливо для библиотек, в читальных залах и в книгохранилищах было тепло.

20 марта 1919 года Владимир Ильич Ленин подарил библиотеке восемь своих книг: «Государство и революция», «Главная задача наших дней», «Очередные задачи Советской власти» и другие свои произведения, изданные в первые годы Советской власти.

Владимир Ильич сам был очень аккуратным читателем нашей библиотеки. У нас хранится копия его записки с просьбой прислать словари: греческого языка, греческо-немецкий, французский, русский и английский, лучшие философские словари тоже на разных языках. Все эти книги Ильич просил выдать ему всего на один день! И еще Ленин сделал приписку: «Если, по правилам, справочные издания не выдаются на дом, то нельзя ли получить на вечер, на ночь, когда библиотека закрыта. Верну к утру». И Владимир Ильич четырежды подчеркнул последнюю фразу... Назавтра Ильичу очень нужно было написать предисловие к новому изданию своей книги «Материализм и эмпириокритицизм».

Закончилась гражданская война, народ приступил к мирному строительству. В 1925 году в читальный зал библиотеки пришло 275 тысяч человек, и это был новый читатель — рабочий, крестьянин, молодой советский служащий.

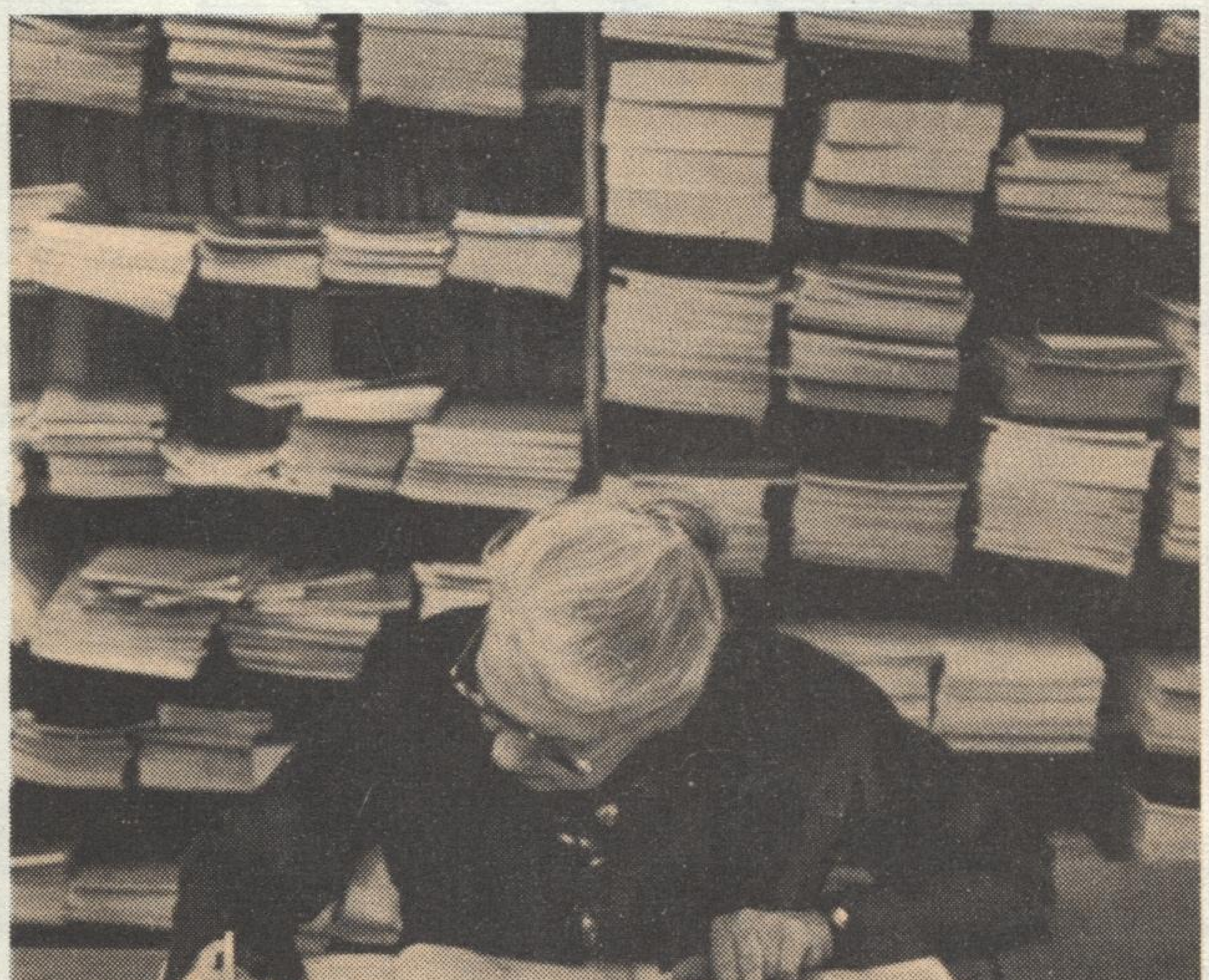
После смерти Владимира Ильича Ленина работники библиотеки, коллегия Народного Комиссариата просвещения обратились к правительству с просьбой: присвоить крупнейшему книгохранилищу имя вождя революции.

Не забыть нам подвига работников библиотеки в годы Великой Отечественной войны. Как бы ни было трудно, библиотека продолжала работать. По ночам сотрудницы дежурили на кры-

Это один из двадцати двух
читальных залов библиотеки.

В книгохранилищах нетрудно заблудиться.
Найти нужную книгу среди тридцати миллионов томов
помогают каталоги.

ше, тушили зажигалки, а утром снова выдавали книги читателям. В суровом 1942-м, когда даже многие школы в столице не работали, работники библиотеки открыли специальный читальный зал для детей...

Победной весной 1945 года, ровно через 20 лет после присвоения библиотеке имени Ленина, советское правительство наградило ее высшей наградой Родины — орденом Ленина...

Сегодня Государственная библиотека имени В. И. Ленина — это 30 миллионов книг, это 22 читальных зала, это стеллажи, протянувшиеся на многие километры. Это восемь тысяч читателей в день. И, заметьте, каждый просит выдать ему не одну книгу, а несколько, как правило. И, конечно, мы не представляем своей работы сегодня без техники. В залах, где хранятся книги, поддерживаются постоянная температура и влажность воздуха. От своей книжной полки книги едут к читателю по подвесной железной дороге со скоростью 12 километров в час в специальных ящиках-вагончиках. Длина дороги — 450 метров. Найти нужные книги помогают каталоги — они похожи на паспортные столы, в них записаны «адреса» всех поступивших в библиотеку книг: зал, в котором хранится книга, стеллаж, полка.

В библиотеку поступают все советские издания. Мы разыскиваем книги, изданные в прошлые годы, если их почему-либо нет у нас. Библиотека обменивается книгами со многими странами мира.

Наша библиотека стала научно-исследовательским учреждением: ее знания и опыт помогают работать всем библиотекам страны.

Многогранна деятельность Ленинской библиотеки. Но есть у нас особый, почетный долг — донести ленинскую книгу, ленинскую мысль до читателей. Мы часто организуем выставки ленинских книг, выступления писателей и ученых. Стараемся сохранить для будущих поколений первые, самые ценные издания работ Владимира Ильича, мыслью и духом которых движется все прогрессивное человечество.

Ленинское наследие необычайно велико. По количеству книг, изданных во всем мире в 1975 году, на первом месте — произведения Владимира Ильича: 16 828 тысяч экземпляров книг! И мы гордимся тем, что советские и иностранные читатели (а их приходит к нам до тысячи в день) так внимательно читают книги Ленина.

...Идут в Ленинскую библиотеку рабочие и студенты, ученые и школьники, люди из разных уголков страны, из-за рубежа. В Государственной библиотеке имени В. И. Ленина они получают книги на своем родном языке. Проходя по улице Фрунзе, мимо старого входа в библиотеку, читатели останавливаются перед мемориальной доской.

«Владимир Ильич Ленин в августе 1893 и феврале 1897 года занимался в библиотеке Румянцевского музея».

КНИГА БЫЛА ВЕЧНЫМ СПУТНИКОМ ИЛЬИЧА.

Наше имя— ОКТЯБРЯТА

Чеканит шаг знаменосец, ликует звонкий горн, торжественна дробь барабана. В школе № 16 города Калининграда, Московской области,— праздник. Первоклассников принимают в октябрята.

Нетерпением горят лица тех, кому еще не успели прикрепить на форму звездочку. А пионеры серьезны и сосредоточенны. Хотя волнуются, наверное, не меньше. И для них этот день очень важный: шефство над октябрятами — одно из главных поручений пионерам от комсомола.

Актовый зал украшен флагами, шарами, на сцене школьный хор, со всех сторон — поздравления, поздравления, поздравления... Вместе с подарками каждая звездочка получает флажок. И сразу взрослеют первоклассники. Теперь они не просто малыши, ученики самого младшего класса, они октябрята, будущие пионеры. Многому они научатся, многое поймут до того дня, когда повяжут им красные галстуки. И все октябрятские годы будут рядом с ними их вожатые — надежные товарищи, веселые выдумщики, никогда не унывающие пионеры.

М. МАТВЕЕВА

Фотографии В. ПОСТНИКОВА

Неистовый

Любовь **ВОРОНКОВА**

ПОВЕСТЬ

Продолжение. Начало в № 3.

Ночь пролетела в веселых снах. День был неимоверно долог, и, казалось, вечер не наступит никогда.

Вечер все-таки наступил. Но когда Хамза пробрался к хаузу, то вместо Зубейды за водой пришла ее мать. Зачерпнула воды и ушла.

Хамза ждал. Стала гуще тьма. Гасли один за другим огоньки во дворах.

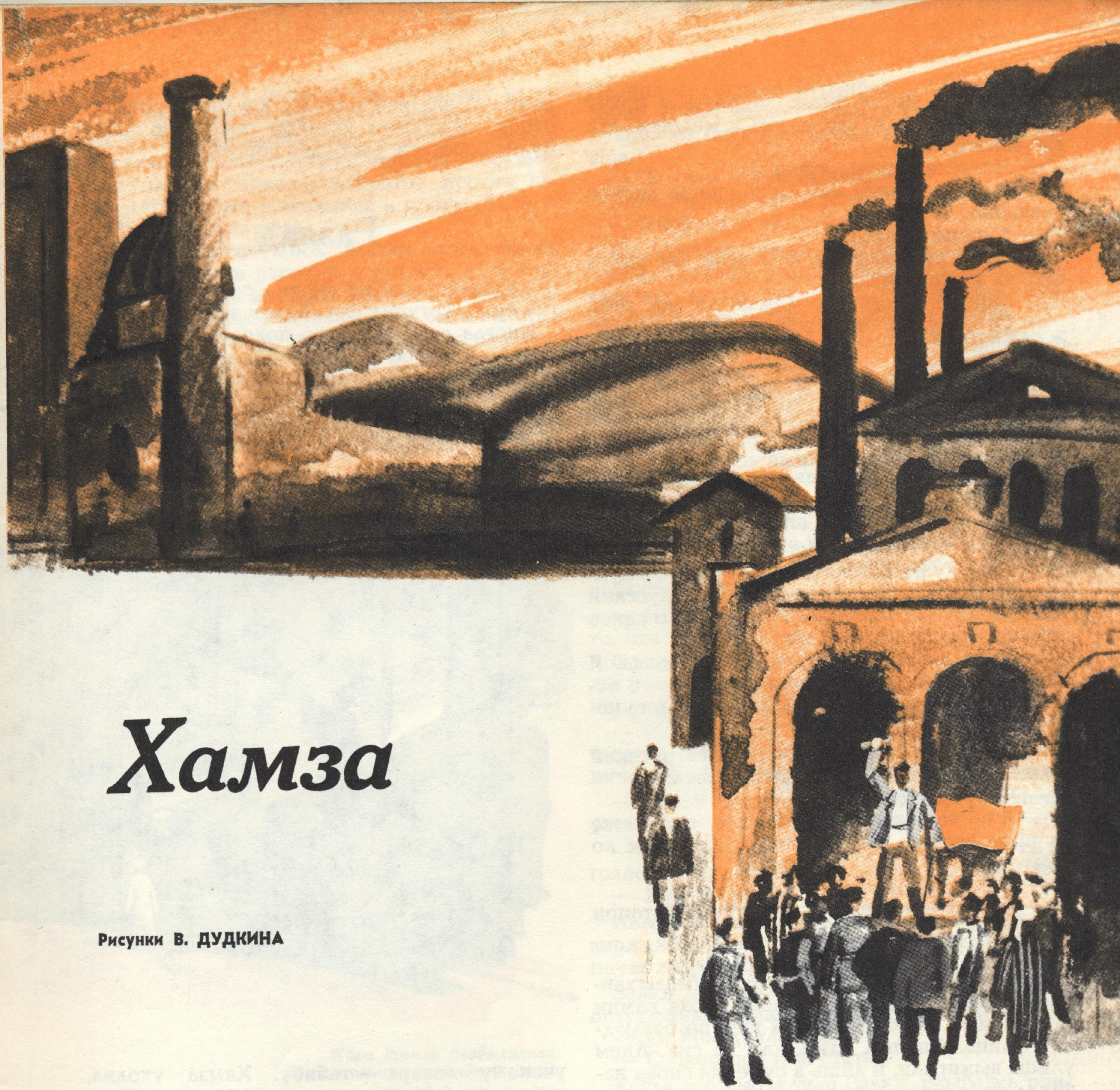
Хамза понял, что Зубейда не придет.

Однако дни проходили, и жизнь брала свое.

У композитора Фазилчи возле его окон был маленький, густой и тенистый сад, сохранявший прохладу даже в жаркие полуденные часы. Хамза, которого беспокойная тоска гнала из дома, часто заглядывал в этот садик. Вот и сейчас он подошел к зеленой калитке, открыл. Калитка скрипнула. И тут же послышался голос Фазилчи:

— Хамзахон, входите, входите!

Цветущий розовый куст, шатер чинары над головой, горячий чайник с зеленым чаем, две

Хамза

Рисунки В. ДУДКИНА

пиалы, лепешка... Хамза почувствовал, что тоска, томившая его с утра, отступает.

— Я только что записал на ноты старую узбекскую песню,— сказал Фазилча,— женская песня. Послушайте, Хамзахон.

Фазилча взял дутар. Песня была протяжной, печальной, песня бесправной невольницы, купленной мужем, как покупают корову или овцу. Хамза, от природы музыкальный, тотчас уловил мотив. Они запели вдвоем под нежный звон дутара...

— Почему, ну, почему наш народ так несчастен? — сказал Фазилча, отложив дутар.— Что надо сделать, чтобы пробудить его?

— Я думаю, что наше несчастье в том, что народ наш неграмотен,— ответил Хамза,— просвещенный человек не даст так угнетать себя! Вот и Фуркат об этом говорит. Помните его стихи «О достоинствах науки»?

«А теперь времена наступили благие,—
Наш теперешний век — это время России.
...Она пестует знанья с великим стараньем
И во всем поступает по их предписаньям.
Чудной силой науки открыта она!»

Так кончались стихи.

Фазилча, задумавшись, молчал.

— Вот видите, Фазилча,— сказал Хамза,— это пишет узбек, мусульманин. Как нам, мусульманам, дружить с русскими, если они неверные?

— Я думаю,— осторожно ответил Фазилча,— нельзя делить людей на мусульман и неверных. И среди неверных есть нашему народу друзья. И среди мусульман есть враги.

— А как же узнать правду? Как узнать, что творится на свете?

— Надо читать, Хамза.

— Читать! Вот я читаю Фурката и прячу его под матрас. А что читаю в медресе, это вы знаете.

— Читайте газеты, журналы.

— А где я возьму их? Лишь иногда достаю случайно.

— Можно выписать.

— Отец не позволит. Вот если бы выписать на чужое имя...

— Можно. Я сделаю, Хамза, на мое имя.

— О! Спасибо. Жертвой мне быть за вас, Фазилча!

— Надо пойти в русскую школу. Вот Назиржан учится в русско-туземной.

— Отец и на это не согласится.

— Поговорите, Хамзахон, еще раз с отцом, он же умный, образованный человек!

— Поговорю.

...Сталось так, как и предполагал Хамза.

— В русскую школу? — Отец сразу нахмурился.— Что за мысли кипят у тебя в голове? Зачем ишану русский язык? Ты ведь не в купцы готовишься. Это купцам нужен русский язык, они ездят торговать в Россию. Но какое тебе-то дело до всего этого, Хамза?

— Хочу знать русскую культуру, дада. Я не смогу стать образованным человеком, если русская наука и литература будут мне неизвестны!

— Но разве хазрат[1]-ишан знает русский язык? А он могущественный человек!

— Но, дадажон...

— Я не хочу кяфира у себя в доме. Кто же из правоверных пойдет тогда лечиться ко мне?

— Но, дадажон...

— Вот ко мне уже идут. Ступай, отопри калитку.

Лето уходило, но жара стояла бездыханная. В полдень, когда, казалось, даже камни задыхались от жары, Хамза шел по безлюдной улице. Он шел один, как во сне. Днем улицы вымирали, и лишь в сумерки снова начиналась жизнь в городе.

И вот, как бывает во сне, из голубой калитки появилась легкая фигурка под темной паранджой. Хамза остановился, не веря своему счастью и боясь ошибиться. А если это не Зубейда? Большой скандал — затронуть чужую женщину на улице!

Но женщина, быстро проходя мимо, отогнула чачван, черный глаз сверкнул из-под него.

— Хамза, не ходите к хаузу. Я думаю о вас. Я помню...

— Но когда же, Зубейдахон?

— Я скажу. Ждите.

Темная паранджа пролетела мимо. Он, не ожидая этой встречи, не заметил, как забрел на эту улицу. «Помню. Думаю о вас...»

Жизнь заиграла, запела, засверкала звездами... Душа воспрянула. Трудно бороться с отцом, со старым укладом семьи. Но Хамза будет бороться. Он будет бороться!

Разлад

Хамза больше не спорил с отцом. Однако он не уступил ему. Хамза затих.

Иногда отцу казалось подозрительным такое молчаливое смирение Хамзы. Хотелось понять: чем живет сын? Где он бывает? О чем думает? Но Хамза редко и ненадолго появлялся на мужской половине дома, да и мешали больные, которые непрерывно шли к

ученому лекарю — табибу. Хамза уходил, приходил, но ни с чем не обращался к отцу. Вот и сейчас он дома, отец видел, как промелькнул во дворе его яркий ферганский халат.

Хамза незаметно пробрался в чулан, где хранились котлы, кунганы, кувшины и съестные припасы. Запер дверь, развязал поясной платок и бережно вынул из-под халата несколько газет и журналов: Фазилча сдержал обещание. Пристроившись у маленького окошка, через которое еле проникал свет, Хамза с замиранием сердца развернул газету.

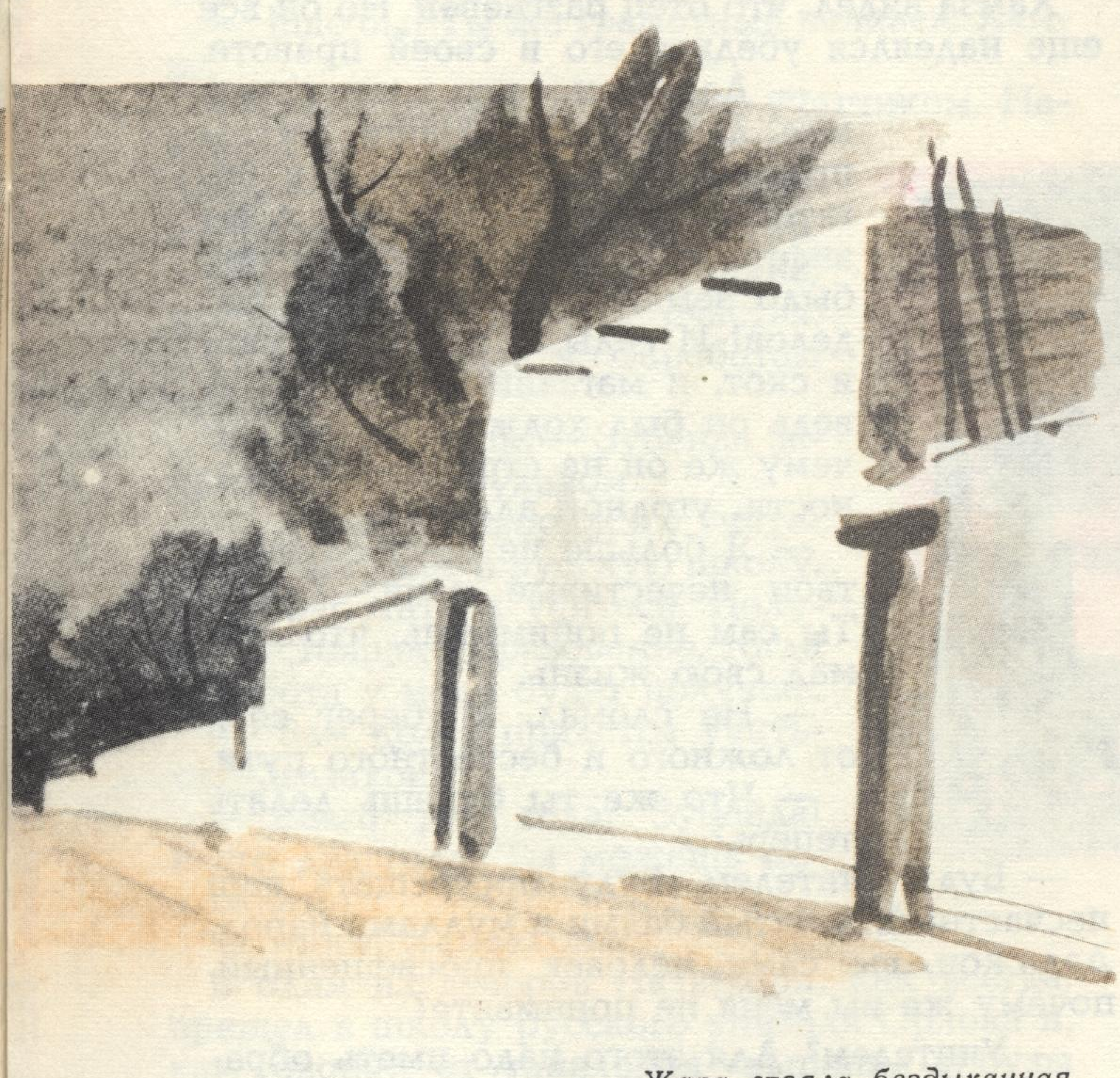
Он читал жадно, читал все подряд. Шум жизни, бурлящей вокруг, шум событий, о которых он ничего не слышал за стенами медресе, высказывания и мысли людей, озабоченных судьбой Туркестана,— все это обрушилось на него с газетных страниц. Забастовки рабочих. Выступления русских марксистов против догм религии, которая держит

[1] Хазрат — титул высокопоставленного лица, святой.

темных людей в рабстве. Выступления идеологов местной буржуазии — джадидов, которые разжигали национальную вражду между русскими рабочими и тружениками-узбеками. Выступления социал-демократов против великодержавного шовинизма и против буржуазного национализма...

Многое прояснялось, многое становилось на место. Не на русских и узбеков, а на трудящихся любой национальности и эксплуататоров любой национальности — вот как стал делиться мир. И не убивать надо кяфира, как настойчиво твердит коран, а бороться вместе с ним против «белого царя», против самодержавия и против своих местных угнетателей.

Разобраться во всем этом было трудно.

Жара стояла бездыханная, Хамза шел по безлюдной улице, шел один, как во сне.

Хамза осваивал постепенно, но твердо. Он походил на человека, который был слеп и теперь начинает прозревать.

У друзей Хамзе было хорошо. Затаив от домашних свои думы и волнения, он направился к Махмуду Тараше. Белая глухая улица, все еще раскаленная солнцем, вела прямо к двухэтажному дому, где наверху, в летней комнате — балахане никогда не запирается дверь. В последнее время он крепко подружился с Махмудом, у которого было такое смешное прозвище: Тараша, Лучинка, — за то, что Махмуд был тощим.

— А, Хамза!

— Салам, друзья!

— Салам, салам, Хамза!

У Хамзы темным золотом засияли глаза. И Назиржан здесь, и Буранбай, и Махмуд Саттаров. И сам хозяин Махмуд Тараша — очень худой, но очень изящный юноша. И кто-то еще...

— А у нас гость, Хамза!

Хамза остановился в изумлении.

— Убайдулла-ака!

На курпаче среди молодежи сидел поэт Завки. Смуглое лицо, тронутое морщинами, веселые карие глаза с голубыми белками, ферганская тюбетейка на бритой голове.

Хамза почтительно поклонился, прижав к сердцу правую руку.

— Это Хамзахон, — сказал Махмуд поэту, — он тоже пишет стихи.

— Оставь, Махмуд. Какие там стихи, когда здесь сам Завки!..

— А вы читали Завки? — с лукавой усмешкой спросил поэт.

— Читал. Конечно, читал.

— И даже то, что не печаталось?

— Больше то, что не печаталось.

Завки засмеялся.

— Именно так! Ведь большая часть из того, что я написал, не печаталась. Но я вижу, это не мешает людям читать мои сатиры! Что же вам понравилось, что запомнилось?

— Многое. Особенно «Аксаб Эрмас»[1].

— Хамза! — с упреком сказал Махмуд Саттаров. — Как же это ты сам читаешь, а нам ничего не говоришь? Мы тоже хотим знать!

— Давайте попросим Убайдуллу-ака почитать нам!

— Пожалуйста, Убайдулла-ака! — в один голос отозвались друзья. — Очень просим вас!

— Ну что ж, слушайте.

Хамза присел на край курпачи рядом с Назиржаном. Поэт помедлил и, опустив глаза, начал негромко читать свои стихи.

Завки замолчал. Молодые люди сидели, как оглушенные. Лишь слабые восклицания:

— О, Убайдулла-ака!

— О, жертвой мне стать...

Когда все умолкли, а Завки, улыбаясь прищуренными глазами, поглаживал серебристую бороду, Хамза тихо сказал:

— Простите меня, Убайдулла-ака, но я хотел бы спросить...

— Спрашивайте, Хамза.

— Я бы хотел знать: вы верите в то, что сказано в этих стихах? Или вы написали их для утешения народа?

— Да, я в это верю, — ответил Завки, — и не только верю, я это знаю. Наступают иные времена, хорошие времена. Царизм будет уничтожен, а с ним и наши баи, наши муллы и ишаны, которые кланяются царским сатрапам в ноги, помогая угнетать свой родной народ! Это будет.

— А у нас тут свой будущий ишан! — Буранбай подмигнул друзьям и засмеялся.

---

[1] «Аксаб Эрмас» — «возможно».

Румянец вспыхнул на щеках Хамзы. Он не знал, что сказать. Вступился Назиржан:

— Он ведь не сам выбрал себе эту дорогу!

— Конечно, не сам! — поспешил вмешаться Тараша.— Если отец прикажет, то...

— Да,— задумчиво сказал Завки,— семейные традиции у нас крепки. Не всегда правы дети. Не всегда правы и отцы.

— У нас народ совсем неграмотный,— сказал Хамза,— как же ему понять, что он сам может изменить свою тяжелую жизнь? Как он может поверить вам, Убайдулла-ака, или другим просвещенным людям, что не все то правда, чему учит имам? Школы нужны. Нам всем нужно образование. Настоящее.

— Это так,— сказал Завки,— образование, просвещение. Но чтобы получить их, народу нужна свобода.

Все замолчали, задумались.

— Ну вот, как объяснить проще? — продолжал Завки.— Мы, прогрессивная интеллигенция, за науку. Мы против царизма. Мы за революцию, за права и за власть трудового народа. Довольно, друзья!— помолчав, закончил он.— Давайте теперь споем. Есть тут у вас какие-нибудь струны?

— А как же? — Тараша встал и снял со стены дутар [1].— Вот они, струны!

— А владеет ли ими кто из вас?

Тараша передал дутар Хамзе.

— Хамзу дутар слушается больше всех!

Хамза тронул струны, и казалось, что дутар сам запел под его рукой.

Этот вечер с Завки словно высветил мысли Хамзы. Многие решения утвердились. Многие колебания устранились. Будущее определилось отчетливей.

Лето уходило. Стояли тихие золотые дни. Наступило время собираться в медресе.

Но когда пришел час надеть одежду муллабачи, Хамза сказал:

— Дадажон, я больше в медресе не пойду.

Прощай, Зубейда!

Осенью отцовский дом для Хамзы наполовину опустел — любимая сестра Ачахон вышла замуж и уехала с мужем в Ургандкбат, в дехканскую семью.

Хамза понимал, сколько горя он причинил своим родным. Он пробовал объяснить отцу, почему для него больше невозможно ходить в медресе.

— Дадажон, поймите, я не могу обманывать народ. Я не могу за каждую свою молитву требовать денег.

[1] Дутар — музыкальный инструмент с двумя струнами.

— Почему же? Молитву имама слышит пророк.

— Я не видел, чтобы когда-нибудь молитва помогла безземельному бедняку обрести хотя бы кусок земли, помогла бы его семье не умереть с голоду.

— Ты забываешь о законе ислама — о предопределении. Если у человека нет земли и он беден, значит, такую судьбу ему определил аллах. Ты оскорбляешь религию, Хамза!

— Дадажон, но вы тоже оскорбляете ее. Если человек болен, значит, так определил ему аллах. Зачем же вы идете против предопределения и лечите его?

— Ты дерзок, Хамза,— печально сказал он,— ты забыл о повиновении. Проси аллаха, чтобы он простил тебя по милосердию своему.

Хамза видел, что отец разгневан. Но он все еще надеялся убедить его в своей правоте.

— Дадажон, как научиться мне лицемерить? Наши муллы призывают не стремиться к богатству, жить в бедности... А вы знаете, сколько у ходжи Ахрара было земли? Тысяча триста наделов! И сады, и виноградники, и скот, и магазины, и бани... А ведь он был ходжа, святой! Почему же он не стремился к бедности, угодной аллаху?

— Я больше не хочу слушать твои нечестивые речи, Хамза. Ты сам не понимаешь, что сломал свою жизнь.

— Не сломал, а уберег себя от ложного и бесчестного пути.

— Что же ты будешь делать теперь?

— Буду учителем. Буду просвещать наш несчастный, забитый баями и муллами народ. Дадажон, вы сами человек просвещенный, почему же вы меня не понимаете?

— Учителем? Для этого надо иметь образование. А ты бросил медресе. Я столько денег потратил и на худжру, и на дорогие книги, и на подарки мударрисам!

— Я пойду в русскую школу!

— К кяфирам?

— Дадажон, вы же тоже общаетесь с кяфирами. Когда вам нужна помощь, вы идете за советом к русскому врачу.

Отец, который разгневанно метался по комнате, вдруг остановился, грустно посмотрел на Хамзу. И, опустившись на курпачу, сказал тихо, со вздохом:

— Неужели ты не понимаешь, Хамза, что я хотел для тебя лучшей жизни, чем моя? Ты решил иначе. Но помни, что согласия моего на это я не давал. Иди! Нам больше не о чем разговаривать с тобой!

— Дада...

— Иди. И живи как хочешь. Как хочешь!

...Золотые сумерки глядели в окна балаханы. Дутар, забытый, висел на стене.

«Живи как хочешь». А как жить? Не знаю. Отец отвернулся от меня. Мама плачет. Хоть не ходи домой.

— Вот что я думаю, Хамза.— Тараша, как всегда, говорил мягко и негромко.— Станешь работать. А жить будешь здесь. Что мы с тобой, не поместимся вдвоем в такой большой комнате?

— Спасибо, Махмуд.— Хамза вздохнул.— Мне сейчас очень тяжело оставаться дома. Хоть бы Ачахон была здесь...

— А мне-то как хорошо будет с тобой, Хамза! — продолжал Тараша.—Заживем на славу!

— Спасибо,— повторил Хамза.— Завтра же пойду на хлопкоочистительный. Думаю, работа найдется.

— Еще бы! Ты же грамотный человек, Хамза!

Работа нашлась, его взяли учетчиком. Началась новая, необычная жизнь. Днем — работа. Вечером — книги, разговоры, песни под дутар.

И встречи с Зубейдой. Редкие, случайные, но полные счастья.

— Буду работать, заработаю калым за тебя.

— О, Хамзахон! — Зубейда закрывала лицо рукавом.

— Я уже договорился с учителем. Поступлю в русскую школу. Буду работать и учиться. Получу настоящее образование, тогда и работа у меня будет получше.

— Вам долго придется учиться, Хамзахон?

— Всего два года, Зубейда! Всего два года. Ты можешь подождать?

— Могу, Хамзахон...

В один из вечеров Назиржан, как всегда, пришел в школу русского учителя Орлова и, как говорят, от удивления «выронил арбузы из подмышек»: среди учеников сидел Хамза.

— Хамза!

— Назиржан!

Друзья уселись рядом, как сидели когда-то в мактабе.

Теперь Хамзе казалось, что все на свете достижимо. И заработать калым, и устроить дом для Зубейды, и быть счастливым... Заработок пока невелик, но если Хамза постарается, то будет зарабатывать больше. И неужели отец навсегда отвернулся от него? Нет. Если понадобится, он поможет.

Беда подстерегает человека в самые веселые часы его жизни. В этот вечер Хамза, придя с работы, заметил, что Тараша чем-то опечален.

— Что-нибудь случилось, Махмуд?

Тараша как-то странно поглядел на него.

— Не у меня случилось. У тебя...

— У меня? Что же?!

— Я слышал, что затевается свадьба.

У Хамзы сжалось сердце.

— Чья свадьба?

— Говорят, сватают Зубейдахон.

Хамза вскочил и бросился вниз по узкой крутой лестнице. Он бежал не помня себя к заветному хаузу. На этот раз ему не пришлось ждать Зубейду, она уже стояла под чинарой.

— О, Хамзахон...— В голосе ее были слезы.— Дод [1]! Хамзахон! Дод!..

— Говори, Зубейда, что?

— Меня обещали купцу... баю... Старому баю! Дод!

Хамза растерялся. Что делать?

— Ты говорила с матерью? С отцом?

— Говорила! Я в ногах у них валялась! Я на коленях стояла перед ними! Не видят, не слышат ничего... Ничего, кроме его денег!

— Не плачь, Зубейдахон,— сказал Хамза, собравшись с духом,— я поговорю со своим отцом. Он поможет нам. Он найдет денег...

Отец молча открыл ему дверь...

— Что ж? — сказал он, выслушав Хамзу.— Если у тебя есть деньги, женись. А у меня нет средств на твою женитьбу.

— Вы разбиваете мою жизнь, дадажон!

— Ты сам еще раньше разбил ее.

Хакимча-табиб еще поворчал на Хамзу. Еще поспорил. Но, наконец, сдался. Пусть женится. Но когда пошли свататься, родители Зубейдахон отказали: она уже просватана.

Богатая свадьба шумела на всю махаллю. Музыка, песни не умолкали. Звон дутаров и рубабов, как серебряный дождь, заливал улицы. Ой, яр-яр!

«Нам знаком тот берег Зеравшана.
Мы наездники родных степей.
От тяжелой золоченой сбруи
Стерлась шерсть на крупах у коней.
Раньше я стрелой одной ресницы
Сто красавиц сразу убивал,
А сейчас от девичьего взгляда
Воробьем убитым сам упал!
Ой, яр-яр!»

Ему не удалось даже проститься с Зубейдой.

Отшумела свадьба в махалле. Зубейду отвезли в богатый дом старого кокандского купца.

С этого дня между бровями у Хамзы прорезались две морщинки да так и остались на всю жизнь.

---

[1] Дод — крик о помощи.

Горькие дни

Хамза давно не появлялся в отцовском доме. После того как Зубейду выдали замуж, он не смог оставаться в Коканде. Уехал в Наманган, учился на курсах, изучал арабский язык, писал стихи... Потом отправился в Бухару, чтобы там заняться как следует арабским языком. Но в Бухаре шла религиозная резня между двумя сектами ислама. Пришлось бежать сначала в Каган, потом в Ташкент...

Прошло некоторое время, и Хамза снова появился в Коканде.

Дом встретил Хамзу непривычной тишиной. Он прошел в ичкари. Вся семья молча сидела у постели больной матери.

— Мама, мама, это я!

Глаза матери были закрыты. Длинные черные ресницы дрогнули.

— Ты здесь, сынок?

— Здесь, мама, здесь!

Матери вскоре не стало.

А потом в дом вошла молодая мачеха, вторая жена отца. С первой же встречи Хамза понял, что они не будут друзьями,— так неприветлив был ее взгляд, таким недобрым становилось ее лицо, когда ей случалось встретиться с Хамзой.

Это было тяжело. Хамза никак не мог примириться с тем, что в ичкари, где жила его мама, теперь хозяйничает эта чужая, совсем чужая женщина. И все чаще он после занятий уходил к Тараше или к Назиржану.

Однажды Хамза пришел с завода взбудораженный и расстроенный — к этому времени он уже окончательно переселился к Тараше.

— Садись ужинать,— сказал Тараша с тревогой, поглядывая на Хамзу, который нервно ходил взад и вперед по комнате.

— Не могу я есть.

— Что случилось? У тебя неприятности?

— Не у меня... Но, можно сказать, что и у меня. Хозяин нечестно расплачивается с рабочими!

— Неспокойный ты человек, Хамза! — сказал Тараша.— Тебя все касается, тебе все нужно!

— Махмуд! — Хамза сверкнул глазами от возмущения.— Хозяин обманывает рабочих! По-твоему, я должен выполнять его приказания обсчитывать их? Ты же знаешь, что значит для них каждый грош!

— Он создаст дурную славу, и тебя не возьмут ни на какую работу. Что ты будешь делать тогда? — Тараша развел руками.

— Знаю, Махмуд. Все понимаю. Но как молчать?.. О! — Хамза остановился среди комнаты.— Придумал! Напишу стихи про хозяина!

— А за стихи тебе не попадет?

— Как он узнает, что это я написал?

Вскоре по заводу пошли гулять ядовитые строчки. Стихи запомнить было легко, и рабочие со смехом передавали их один другому. Стихи попали в руки управляющего. А из этих рук легли на стол в кабинете хозяина.

— Кто это написал? — спросил хозяин.

Управляющий пожал плечами.

— Ищите среди грамотных. У нас их не так много. А когда найдете, немедленно рассчитайте.

В тот день Тараша, придя с работы, увидел, что Хамза уже дома. Их глаза встретились.

— Что Хамза? Рассчитали?

— Да. Как догадались, не пойму.

— Это уже неважно. Теперь надо думать, что делать дальше.

— Я уже надумал. Уеду в Ташкент. Уж там-то работа найдется. Курсы я закончил. Русский язык знаю. А кроме того, турецкий, арабский, персидский. Неужели пропаду?

Тараша вздохнул, задумался. Ему не хотелось отпускать Хамзу. Не тот у Хамзы характер, слишком пылкий, во все-то ему непременно надо вмешиваться, отстаивать правду... Как он там будет один, без родных, без друзей?

В ночь перед отъездом Хамза совсем не спал. Томила тоска. В эту ночь он написал свои горькие стихи:

«Я был человеком добрых дум,
но у людей дурным прослыл,
был сердцем сахару подобен,
но янтаком[1] сухим прослыл.
Родители чужими стали
и отказались от меня.
Так горестно на белом свете
страдал ли кто-нибудь, как я?
Души невысказанной муки
скрывал ли кто-нибудь, как я?»

[1] Янтак — колючая трава, верблюжий корм.

Снова в Коканде

Никто не знает, сколько нужды и обид пришлось вытерпеть Хамзе в Ташкенте. Сам он никому ничего не рассказывал об этом. Лишь по его стихам можно понять, что не только сам он испытал нужду, и голод, и унижения, но и нагляделся этого же среди городской бедноты.

«Надо учить, просвещать народ. Мы все, получившие образование, обязаны это делать!»

В эти сумрачные годы лучшим его утешением и радостью были книги. Мукими, Навои, Фуркат, Завки... Их чувства, их мысли были близки и понятны ему, это были его учителя, его союзники. Были в его суме и русские классики: Толстой, Пушкин, Чехов, открывшие ему огромный мир, они помогали ему жить в его полуголодном одиночестве.

В доме Тараши наступил праздник, когда Хамза переступил его порог.

Прошло около трех лет. Жизнь не ладилась. И все чаще, все настойчивее появлялась мысль: надо открыть школу и учить народ грамоте — это то, что он в силах сделать, чтобы помочь родной стране.

И Хамза вернулся в Коканд.

Снова белые узкие улицы Коканда, снова ветер бушует по всему городу, взметая желтую пыль. Хамза, загорелый, похудевший, в старом халате с тощей сумой за плечами, шел, подставляя ветру лицо и улыбался. Нет, все-таки хорошо дома!

Куда идти? К Тараше? Или зайти домой? Хамза в раздумье замедлил шаг.

И повернул к дому. Хамза шел домой со смутным чувством в душе: и отца жалко и мачеху видеть не хочется, то-то будет злорадствовать, когда увидит, что не нажил он богатства, что нет у него положения!..

И все-таки это был его родной дом, в котором жили знакомые запахи душистых трав и горьких лекарств, дом, где в маленьких комнатах таились воспоминания детства. Казалось, вот он сидит здесь, у отца, а с женской половины сейчас послышится голос матери, она выйдет и скажет, всплеснув руками:

— Это ты, верблюжонок мой!

Но вышла не мама, а мачеха.

— А! — сказала она.— Вернулся-таки. Видно, в Ташкенте хлеба мало, что такой тощий?

Отец нахмурился и велел ей уйти в ичкари. Она усмехнулась и ушла, проворчав:

— Пожалуйста! Мне и неинтересно...

Родной дом — и не родной. Дети брата Исроила, племянники Хамзы, бегают по комнатам, с любопытством разглядывают его. Брат как будто обрадовался, увидев Хамзу, но Исроил-ака очень сдержанный человек. Поздоровался, улыбнулся — и все.

Поговорили за достарханом[1]. Хамза спросил о сестрах, как живет старшая сестра Хожархон-апа? Как живет Ачахон?

— Ничего, живут.

Пили чай с лепешками. Ели шашлык.

— Так как же? — Отец посмотрел на Хамзу.— Останешься или опять уйдешь?

В его глазах было что-то жалкое, беззащитное, он смотрел на Хамзу, и Хамза видел, что отец боится снова потерять его.

— Останусь,— со вздохом сказал Хамза.

И Хамза остался. Но на другой же день и во все последующие дни он чувствовал, что родной дом — не родной. Ушла из него сердечная теплота, ушла тихая радость, ушла уверенность, что твое место в этом доме, твое по праву.

Зато в доме Тараши наступил праздник, когда Хамза переступил его порог. Услышав о том, что Хамза вернулся к Тараше, один за другим спешили друзья — Назиржан, Буранбай...

— Расскажи, Хамзахон, где был, что видел?

— Был в театре, друзья. Мусульманское общество любителей открыло театр.

— Интересно!

— Очень интересно, друзья! Видел там пьесу джадида Бехбуди «Дискуссия одного француза с бухарским мударрисом». Занятно. И еще одну: «Подаркуш» — «Отцеубийца». Тоже Бехбуди.

— В Ташкенте, конечно, другая жизнь! У них и театр и пьесы.

— Только не те пьесы, которые нужны! — Хамза стал горячиться.— Театр — это могущественная сила! А они ставят такие беззубые, такие никчемные пьесы! Лишь бы развлечься. А можно бы делать огромное дело, показав жизнь нашего народа, не прикрываясь ложью!

— Вот бы и нам! — вздохнул Назиржан.

— У нас нет денег,— с сожалением сказал Тараша.— Да и пьес нет.

— Пьес нет?! — Бурнабай даже вскочил.—

[1] Достархан — скатерть с угощением.

Да Хамза сам напишет. Еще и получше этого Бехбуди!

— А пока нет театра, надо нам устроить хотя бы музыкальный кружок! — сказал Хамза.

Все подняли глаза, посмотрели на стену, где висели музыкальные инструменты: дутар и дойра.

— Да, маловато...— Хамза снял со стены дутар.— Я новую песню знаю. Русскую.

— Веселая?

— Нет. Совсем невеселая. Героическая. Хорошая песня. «Варяг».

— А что такое «Варяг»? Кто такой?

— Корабль так назывался. Во время войны России с Японией. Японцы хотели взять его в плен. А матросы и капитан сказали: погибнем, но врагу не сдадимся.

Хамза заиграл на дутаре, запел:

«Наверх вы, товарищи, все по местам!
Последний парад наступает...
Врагу не сдается наш гордый «Варяг»,
Пощады никто не желает...»

Задушевный голос Хамзы, трагические слова о гибели славного русского корабля взволновали друзей. Чужая песня нашла дорогу к их душе. Спели еще раз все вместе.

— Эх, музыка не та! — вздохнул Хамза.— Была бы у нас мандолина!.. Хороший инструмент, я там выучился играть на ней...

— Может, купим? — нерешительно предложил Буранбай. Он знал, что лишних денег у них ни у кого нет.— Дорогая она?

— Дорогая. Десять рублей.

— А я сегодня жалованье получил,— вдруг сказал Назиржан,— в первый раз. Ровно десять рублей.

— Назиржан? — У Хамзы заблестели слезы.— Давай купим на них мандолину.

— А если мандолина будет,— поддержал и Тараша,— то можно, пожалуй, устроить и музыкальный кружок!

Мандолину купили. Ее малиновый звон зазвучал в балахане. Люди шли мимо, останавливались, слушали... Что там такое? Не рубаб, не саз... И песня незнакомая. А хорошая. И музыка хорошая. Красивая музыка!

Но как ни старались друзья, музыкального кружка не получилось.

Сначала дети учили буквы. Потом старались из букв составить слово.

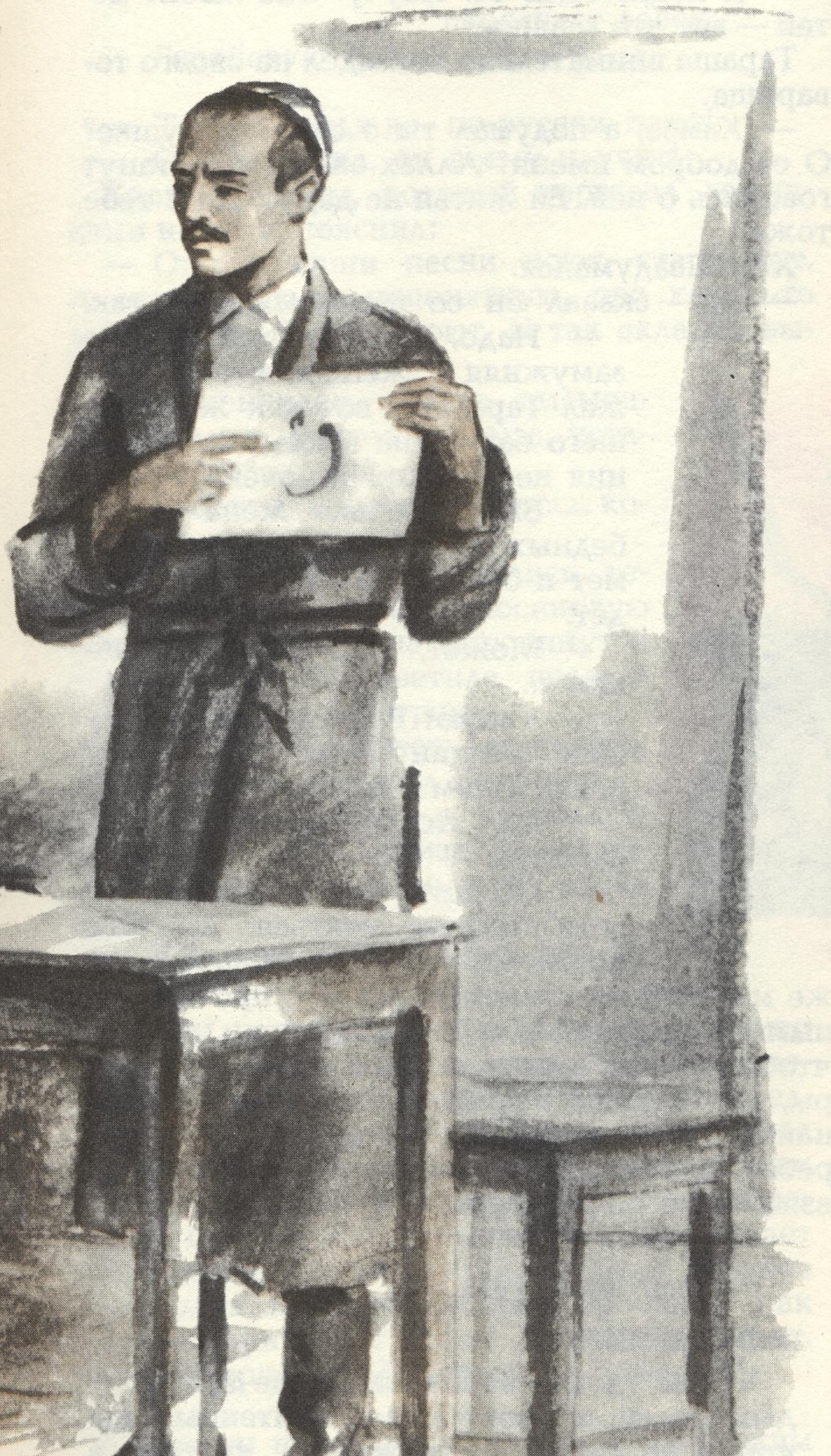
Ксения

Так что ты думаешь делать, Хамза? — спросил отец, устремив на сына черные, с воспаленными веками глаза.

— Думаю, дадажон, открывать школу.

— Товба! Какую школу?

— Буду учить детей.

— Разве без тебя нет школ? Мактабы, курсы...

— Дада, платные школы беднякам недоступны. Разве не видите вы, сколько ребят, неумытых, оборванных, бегают по улице, озорничают, дерутся... Время проходит, и они остаются навсегда неграмотными. Нашему народу нужно просвещение!

— Значит, ты с джадидами?

— Нет. Раньше я думал, что джадиды делают то, чего я добиваюсь. Но я давно уже увидел, что у нас разные дороги. Джадиды — просветители. Но как они испугались, когда в пятом году народ поднял красные флаги! Тут они сразу стали друзьями русских, но не тех русских, что работают на хлопковом заводе, или на железной дороге, или пашут землю! А тех, что служат русскому царю, русским богачам!

Хамза, остановись!

Дада, как могут образованные люди стараться примирить науку с исламом? Вы же знаете, как догмы корана опутали наш народ! Молитвы, посты — и в этом вся жизнь! Наш народ, как перепел в клетке. Вы же знаете, дадажон, как обширна наука, как мир велик, как нужно человеку образование. А попробуйте спорить с любым имамом и доказать ему, что земля круглая и висит в пространстве! Он будет убеждать вас, что земля плоская и держится на роге быка!

Хамза не отступал от задуманного. В соседнем квартале нашелся пустой саманный домишко. Хамза отыскал хозяина, договорился с ним.

— Все равно ваш дом пустует, ака. Позвольте устроить в нем школу! Я бы заплатил вам, если не дорого...

Хозяин махнул рукой.

— Какая там плата! Устраивайте что хотите, все равно дом скоро завалится!

Хамза принес свою новость в балахану.

— Друзья, моя школа открыта.

— Так ты сам и учить будешь?

— Сам, друзья, сам. Это будет бесплатная школа для бедных. Если только поначалу вы поможете мне.

— Поможем.

Комната в саманном доме, была совсем пустая, с подгнившим полом, ни стола, ни парт. Но это неважно, была бы охота учиться.

Как только услышали про школу, сразу пришло человек пятьдесят детей. И маленькие, и побольше, и совсем большие.

— Нужны доски, чтобы стол сделать!

Не успел Хамза сказать, а они уже тащат откуда-то доски.

Пришел после работы Буранбай. Пришел Назиржан. Пришел Махмуд Саттаров после службы — он служил в магазине граммофонов и пластинок. Из досок сколотили стол. Достали чистой рисовой соломы, устлали полы вместо ковра.

И вот школа открыта.

Хамза был счастлив. Детей не загоняли в школу, они сами пришли. Хотели учиться.

Стояла золотая пора ранней осени. Ребята прибегали в школу с утра. Хамза приветливо здоровался с ними и начинал урок. Сначала учили буквы. Потом старались из букв соста-

вить слово. И когда из этих незнакомых значков-букв получалось знакомое, самое обычное слово, учеников охватывало радостное изумление.

— О! Смотрите, «нон» [1]! «Нон» получилось! Нон!

А сегодня совсем необыкновенное чудо свершилось в этой полутемной, плохо натопленной школе, где чуть пошевелишься — шуршит солома, а у стола так тесно, что ученикам приходится сидеть плечом к плечу. Сегодня из этих значков-букв сложилась целая фраза: «Ученье — свет, неученье — тьма».

Хамза отпустил учеников, собрал свои записки, книги. Вышел, запер дверь. Боль, которая издавна точила сердце, ушла куда-то вглубь. Как приятно приносить людям радость, особенно детям!

Обернувшись, он увидел, что под окном школы стоят девочки, закутанные в платки.

— Чего вы ждете? — удивился Хамза.— Почему тут стоите?

Девочки в нерешительности подталкивали друг друга. Наконец та, что повыше, шагнула вперед.

— Хамзахон, мы тоже хотим учиться.

Тонкий голосок прозвучал жалобно и беззащитно.

— Вам надо идти к учительнице, на гузар Таракчи, там есть учительница.

— Там надо много платить, Хамзахон...

— У нас нет денег...

— Ладно. Я подумаю. Идите домой.

Девочки побежали, перегоняя друг друга. Шаги их мелко зашелестели по желтой опавшей листве.

«Учительницу надо,— озабоченно думал Хамза,— учительницу... Была бы со мной она, моя учительница. Моя помощница. Да вот нет ее у меня».

Чувствуя, что тоска снова забирает над ним власть, Хамза заставил себя отогнать ее.

«Поздно теперь сожалеть. Не сумел, не смог добиться. А обещал. Кончено, хватит. О деле думай, Хамза, о деле».

Как-то нечаянно вспомнилась Ксеня.

Много раз, проходя мимо соседнего двора, он видел русскую девушку, светловолосую, тихую. Сосед жил зажиточно. Он держал прислугу, няню для своих детей.

«Какая ласковая»,— думал Хамза, наблюдая, как заботливо эта молоденькая девушка ухаживает за детьми своего хозяина, как нянчит маленьких, как поет тем, что постарше, свои русские песни...

И теперь, когда он шел к Тараше после школы, мысль о Ксении снова возникла. А что, если это она?

— О чем задумался, Хамза? — встретил его Тараша.— Не случилось ли чего?

— Вот о чем я думаю, Махмуд.

Тараша выслушал его внимательно, и доброе, улыбчивое лицо его омрачилось.

— Но как ты это сделаешь, Хамза? Как же это Ксеня — отынча?

— Она же знает узбекский язык!

— Но откуда она знает, как преподавать? Ты получил образование... А она?

— Я подготовлю ее. Научу. Она любит детей — вот что главное!

Тараша внимательно поглядел на своего товарища.

— Хамза, а подумал ты о самой девушке? О ее добром имени? Аллах знает, что станут говорить о ней. Ей житья не дадут. Да и тебе тоже.

Хамза задумался.

— Да,— сказал он со вздохом.— Это так.

— Надо, чтобы отынча была замужняя женщина,— продолжал Тараша,— вот как жена нашего бая — она взяла для обучения нескольких девочек...

— Знаю. Только жена бая из бедных семей девочек не возьмет и бесплатно их учить не будет.

— Может, еще какую женщину...

— Какую? Разве мы видим наших женщин? Разве мы можем войти к ним в ичкари?

— Да, это, пожалуй, пустой разговор.

— Но дети хотят учиться. И дети должны учиться. Должны постигать науку. Иначе как же мы, узбеки, станем наравне с просвещенными народами? Или мы созданы для того, чтобы чистить арыки да ходить, как мардинёры, из усадьбы в усадьбу? Я подумаю, где найти учительницу. А пока днем буду учить ребят, а вечером взрослых. Взрослые тоже взять их в школу просятся.

«27 сентября, 1911 год.

ОБЪЯВЛЕНИЕ.

Чтобы удовлетворить желание тех молодых людей, а также людей почтенных, каковые не имеют возможности учиться в дневное время, открывается вечерняя школа.

В названную школу принимаются лица от шестнадцати до пятидесяти лет. Срок обучения — от двух до четырех месяцев. Дается возможность полностью овладеть грамотой и навыками счета.

Учение начинается с первого октября.

Школа открыта с 7 часов до 11 вечера.

Помещение школы — на гузаре Мир-Ходжи-бек.

Хамза».

[1] Нон — по-узбекски хлеб.

Такие объявления, написанные рукой Хамзы, появились на улицах Коканда. А первого октября к его школе потянулись ученики: и молодые узбеки — рабочие с завода и пожилые люди в чалмах и чапанах. Толпясь у дверей, они ждали, когда закончится в классе хоровое пение, которым завершались дневные занятия.

«Лишь волны морские
прославят вовек
Геройскую гибель «Варяга»...»

— Товба! Гляди-ка, по-русски поют!

— О, Хамза-ака, он всему научит!

Хромой Хаким, который торговал лепешками на углу, пояснил:

— Они и наши песни поют, старинные. А еще какую-то непонятную, про какую-то дубинушку. Разные поют. И так складно выходит!

Урок кончился, ребята высыпали на улицу. Вышел и Хамза, усталый, но довольный.

— Входите, друзья. Садитесь кому где удобно.

Осенние сумерки сгущались, темнело. Хамза зажег керосиновую лампу и поставил на опрокинутое ведро, чтобы она светила подальше. И начал новый урок.

— А нас тоже петь заставите, Хамза-ака? — пошутил Хаким.

— Кто пожелает, с удовольствием! — ответил Хамза с улыбкой.— Только чтоб пели не хуже тех!

— Ну, пожалуй, у нас так не выйдет!

Школу поддерживало «Общество помощи сиротам», которое организовал Хамза. Тетради, учебники, книги приобретались на средства этого общества. Сам Хамза, не получая никакого жалованья, был так же беден, как и его ученики. Но до отказа загруженный работой, он был богат сознанием, что делает такое необходимое дело. Грамотных узбеков всего один и шесть десятых процента. Как можно мириться с этим? А учиться хотят. Вот они, пришли. И шариат не помешал!

Ксеню он повстречал теплым октябрьским утром, в пятницу, когда не было занятий. Желтые, покрытые густой пылью деревья осеняли улицу неподвижными дремлющими ветвями. Девушка шла, задумавшись, скромная, малозаметная, нос точкой, на щеках плотный азиатский загар.

— Ксеня!

Девушка остановилась, вскинув светлые ресницы. Голубые глаза с удивлением уставились на Хамзу.

— Можно мне идти рядом с вами? Я бы хотел поговорить об очень важном деле.

— А почему же нельзя? — ответила Ксеня.— Я ведь не в парандже. Только я спешу на базар...

— А я тоже буду спешить.

Когда Хамза сказал, что хочет пригласить ее в школу учить девочек, Ксеня рассмеялась.

— Да меня саму надо учить! Что я знаю?

— Читать умеете? Писать умеете?

— Ну, читать умею. Писать тоже. Но...

— Вот это нам и надо. Я давно заметил, что вы любите детей. Побольше доброты и терпения, а у вас, Ксеня, и доброты и терпения достаточно.

— Ой, нет, нет, не сумею я! Да и хозяин не отпустит.

— Ну, что ж делать? Тогда придется вам выйти за меня замуж!

Хамза засмеялся. Засмеялась и Ксеня.

— Да, уж видно, что так!

Так бывает. Слово, сказанное в шутку, не пропадает, не забывается, а подобно зерну, брошенному в землю, начинает давать ростки и корни.

«А почему бы мне и в самом деле не жениться на ней? — думал Хамза, вспоминая ее бесхитростный взгляд и белозубую улыбку.— Не красавица? Была одна красавица, да нет ее. Другой такой мне не найти. А эта? Была бы добра — вот главное».

«Что придумал этот Хамза? — удивлялась Ксеня.— Замуж за него. А у самого и дома-то нет. С отцом не ладит. Живет где-то в балахане... Да и родные не позволят: русская ведь я... Ну, да это он так, смеется..»

И тут же подумала: «А смеется он приятно. Милая такая улыбка, и нос морщит так смешно, как маленький... И глаза хорошие, красивые глаза. И сам весь такой — идет, как играет. Легкий... А впрочем, что ж это я? Еще и не сватали, а я уже собралась под венец идти!»

Однако встреча эта не забылась. Стать учительницей... А почему бы и не стать? Учит же она детей своего хозяина читать и писать. Узбекский язык знает. Может и русскому языку учить...

И главное — свобода! Свободно распоряжаться собой, своим временем, какое это счастье! Она так устала жить под вечным надзором строгих хозяйских глаз. Каждый шаг под надзором — разве это не рабство? Правда, ей доверяют и сравнительно хорошо к ней относятся. И все-таки это рабство. Дети иногда капризничают, болеют... И тогда уж ни днем, ни ночью нет покоя. Иногда хозяин бывает не в духе. На ком же сорвать свое дрянное настроение? На Ксене, конечно. А ей только молча сносить обиды. Кто же за нее заступится? И куда же ей деться? У нее есть родные, но где! В далекой России, на Брянщине... Попробуй, докричись до них!

В конце года, скользя по замерзшим лужам, Хамза подошел к отцовскому дому. Калитка была открыта. Маленький племянник гонял по двору круглую ледышку. Он остановился, увидев Хамзу.

— Ойе! Хамзахон пришел!

И побежал в дом с криком:

— Хамзахон пришел! Хамзахон!..

Дверь отворил сам Хакимча-табиб. Он молча стоял на пороге и ждал, когда Хамза подойдет к нему. Хамза глядел на отца, он видел, как побелели у отца виски, какое желтое, усталое у него лицо. Жалость схватила за сердце.

— Дадажон...

— Входи, входи,— сказал отец, и Хамза увидел в его глазах искорки радости,— не стой на холоде. Редкий гость. Почти два месяца не заглядывал... Дорогу, что ли, совсем забыл?

Он пропустил Хамзу и закрыл дверь.

В комнате было тепло и слегка угарно. В углублении на глиняном полу рдели горячие угли, словно гнезда птицы Симург, золотой птицы счастья.

Они уселись на супе[1]. Оба молчали, оба волновались.

— Я слышал, ты нашел хорошую работу, Хамза,— наконец каким-то скрипучим голосом заговорил отец, грея руки над углями.

— Нашел. Очень хорошая работа.

— Много ли заработал?

— Разве только заработком хороша работа?

— Может, поэтому и пришел, что проголодался?

— Я проголодался, это правда. Но я не поэтому пришел, дада. Мне нужна ваша помощь.

— Конечно. Иначе на что тебе родные?

— Дадажон, вы же знаете...— Голос Хамзы дрогнул.

— Ну, ну.— Отец поспешил прервать его, и голос у него смягчился.— Не будем вспоминать обид. Неужели ты думаешь, что мне легко? Ты думаешь, я сплю спокойно, когда знаю, что ты ложишься не поужинав? Или ты думаешь, у меня сердце скачет от радости, что мой сын ночует в чужом доме и как жить дальше не знает?

— Как жить дальше, я знаю, дадажон!

— Прежде всего вернись домой. Вся махалля уже гудит, что я выгнал сына из дома. Почему я должен терпеть этот позор?

— Только поэтому я должен вернуться?

— Эх ты,— вздохнул отец.
— Видно, думаешь, что у меня совсем нет сердца.
Старика можно покинуть...
— Простите меня, дада! — прервал его Хамза.
— Ведь и мне нелегко.

Хакимча пристально посмотрел на сына. Тот выдержал взгляд.

— Эх ты! — вздохнул отец.— Видно, думаешь, что у меня совсем нет сердца. Старика можно покинуть, пусть живет, как хочет, ему ведь человеческие чувства неизвестны...

— Простите меня, дада! — прервал его Хамза.— Простите меня! Ведь и мне нелегко. Вы же, дада, знаете, что говорится обо мне в вашем доме...

Хакимча движением руки остановил его.

— Знаю, знаю. Но я думаю, пора залечить эту рану.

— Я за этим и пришел к вам, дада.

Отец заглянул ему в глаза, но Хамза опустил ресницы.

[1] Супа — глиняное возвышение для сидения.

— Ты хочешь жениться?

— Да.

— Ну что ж, хорошо,— помолчав, сказал отец, и голос его снова заскрипел,— значит, нужны деньги?

— Нет, денег не надо. Только примите мою жену, дада. Та, на ком я хочу жениться,— русская.

— Ой-бой!

— Дада, вы же просвещенный человек!..

— Нет, Хамза, ты, кажется, никогда не устанешь удивлять меня. И огорчать.

— Но что же делать, дада? Вы ни в чем не хотите согласиться со мной.

— Да ведь и ты со мной ни в чем не соглашаешься, Хамза! Неужели для тебя нет узбечки в целом Туркестане?

— Для меня была узбечка, дадажон...

— А других узбечек нет?

Хакимча встал и зашагал по комнате. Он не мог примириться с решением сына. Можно быть другом русского человека, попросить помощи в своем деле или совета. Но ввести в дом русскую жену, неверную, гололицую! Что скажут муллы? Что скажет хазрати-ишан, потомок пророка, который живет здесь, в Коканде! И кто из правоверных придет лечиться к нему, не опасаясь осквернить себя присутствием кяфира в доме?

Однако что же делать? Еще раз обидеть сына?..

— Хорошо,— сказал он со вздохом,— пусть будет так. Женись на ком хочешь.

Решение было принято. Но как осуществить этот брак? Хамза не может венчаться в православной церкви, он мусульманин. Ксеня не может идти к имаму, имам не будет совершать свадебный обряд — она православная.

Хакимча-табиб пытался поговорить об этом с муллой. Тот не захотел и слушать. — Пусть примет мусульманство. Иначе нельзя.

Хакимча написал в редакцию уфимской газеты. Он просил разъяснить ему, как мусульманину оформить брак с русской девушкой.

Отец никому не сказал, что ответили из редакции. Но было ясно: Ксене надо принять мусульманство.

Ксеня была потрясена. Принять мусульманство! Отказаться от своей веры!..

Но одинокая, уставшая от рабской жизни в чужой семье, она все-таки задумалась. Хамза нравился ей, такой мягкий, деликатный, добрый... Бог все знает, все понимает, и он простит.

И Ксеня согласилась. Имам совершил обряд, и Ксеня под своим новым именем — Зухра вошла в дом Хакимчи-табиба.

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ

Раим **ФАРХАДИ**

Почта сизых голубей

Крыша.
Небо.
Голубятня.
Стая сизых голубей.
Я зову: — Сюда, ребята!
Залезайте поскорей!
Поскорей несите письма —
За конвертами конверт,
Письма далеко и близко —
В Ленинград,
Москву,
Ташкент!
Мигом их доставят птицы,
Быстрым лайнерам под стать,
Только бы не ошибиться —
Адрес точно написать...
Пусть всегда —
Зимой и летом,
Как бы ни был путь далек,
Ото всех друзей приветы
К нам приходят
Точно в срок!
Дует ветер,
Солнце светит.
Небо стало голубей.
Хорошо, что есть на свете
Почта
Сизых голубей!

Ветерок

Постучался ночью в дверь
То ли странник, то ли зверь...
Открываю: Ветерок!
Он озяб, устал, промок...
— Ты откуда,
Ты откуда,
Ты откуда, Ветерок?
— Над горами,
Над лесами
Я летел, как самолет.
Я в морях, под парусами,
Плыл среди кипящих вод.
По тропинкам,
По дорогам
Я бежал, как стригунок.
Потому устал немного,
Потому озяб, промок...
— Что топтаться на крылечке,
Проходи
Через порог!
В доме
Возле теплой печки
Спит отважный Ветерок.

МАЛАЯ ПИОНЕРСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

ДРУЖИНА

19 мая 1960 года пионерский парад на Красной площади открыла необычная сводная колонна знаменосцев. Со всех концов страны в Москву приехали представители пионерских дружин, отмеченных за большие дела почетными и памятными знаменами. Пионеры несли знамена, врученные им ветеранами партии, ЦК ВЛКСМ, воинскими частями, заводскими комсомольскими организациями, министерствами.

Галя Кузнецова из Ставрополя несла пионерское знамя, которое спасли от фашистов бойцы 2-й инженерной танковой бригады. Казита Паулаускайте из Литовской ССР шагала с переходящим знаменем вильнюсской комсомольской организации, а Арвалдис Спуля — со знаменем, врученным дружине Кандаковской школы-интерната от имени вождя кубинской революции Фиделя Кастро.

Более ста знамен увидела Красная площадь в дни первого Всесоюзного сбора знаменосцев. Почетные и памятные знамена, кроме дружинного, вручаются лучшим из лучших дружин.

А теперь давайте заглянем в толковый словарь Владимира Даля. Какое значение имеет слово **«дружина»**. Дружина — войско, рать. Наше ополчение в 1812 году состояло из тысячных дружин. Дружина объединяла храбрых и отважных воинов, спаянных крепкой дружбой (недаром корень слова «дружина» — «друг»).

Дружина пионерская — спаянный коллектив единомышленников, друзей, основа всей пионерской организации — всесоюзной дружины.

Что не под силу одному звену, отряду, то под силу дружине. Сколько может собрать металлолома отряд? Тонну, две... А дружина столько, что хватит на электровоз. Сколько может посадить деревьев отряд? Двадцать, сорок, сто... А дружина — целый сад. Из отдельных, небольших дел звеньев, отрядов складываются большие дружинные дела.

Дружины работают в школах, школах-интернатах, детских домах, а летом — во всех пионерских лагерях. Высший орган дружины — **пионерский сбор**. На сборе дружины решаются все главные пионерские дела. На нем избирается совет дружины, куда входят представители всех отрядов. В совет дружины могут избираться комсомольцы, в него входит и старший пионервожатый.

Совет дружины составляет план работы на год, распределяет обязанности, организует соревнование отрядов, подводит его итоги, определяет победителей, дает рекомендацию пионеру для вступления в комсомол. Штаб «Зарницы», совет школьного музея, штаб Тимура, пионерские посты по месту жительства, различные советы клубов работают под руководством совета дружины. В совет выбирают наиболее авторитетных, знающих ребят, умеющих организовать работу отрядов, октябрятских групп.

Впервые пионерские коллективы школ стали называться дружинами в 1942 году.

Шла война. Время было трудное. Все силы народа были отданы победе над врагом. И в ту трудную пору пионерские дружины стали боевыми помощниками старших.

Большинство пионерских дружин носит имена героев революции, войны и труда, имена космонавтов и писателей, таких, как А. Гайдар, Н. Островский, А. Фадеев. **Имя дружине присваивает городской или районный Совет пионерской организации.** У каждой дружины — дружинное знамя, своя летопись пионерских дел. Совет дружины издает стенную газету, выпускает радиогазету.

У нас в стране сейчас 103909 пионерских дружин.

В Книгу Почета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина занесены не только имена пионеров-героев, но и пионерские дружины. За большие трудовые дела первыми этой чести удостоены дружины Кутузовской школы Подольского района Московской области, Муринской школы Всеволожского района Ленинградской области, Троекуровской школы Липецкой области.

Какими делами прославилась ваша дружина? Какие традиции своей дружины продолжаете вы? Как шагают отряды вашей дружины на Марше «Идем дорогой Ленина, дорогой Октября»? «Пионер» ждет ваших писем, ребята!

ДЕНЬ ВЧЕРАШНИЙ И ДЕНЬ СЕГОДНЯШНИЙ

ОКТЯБРЬСКАЯ ЭСТАФЕТА «ПИОНЕРА»

Н. БЕЛОВ

Музей 65-й школы в городе Иванове только начинается. Экспонатов становится все больше и больше. Ребята делают для них специальные застекленные витрины, такие, как в настоящих больших государственных музеях. Вместе с вожатой Верой Кормушкиной они готовят для экспозиции документы, реликвии, фотографии, воспоминания.

...Комсомольский билет двадцатых годов. Выписан он на имя Ольги Сергеевны Пичугиной в январе 1924 года. В то самое время, когда пионерской организации нашей страны было присвоено имя В. И. Ленина. Билет принесла Галя Пичугина, внучка Ольги Сергеевны. К пожелтевшей обложке прикреплен тетрадный листок — рассказ Гали о бабушке... В двадцатые годы Ольга Сергеевна была секретарем райкома комсомола. Вместе со своими товарищами участвовала в создании колхозов, боролась с беспризорностью. Теперь Ольга Сергеевна на пенсии, но, как пишет Галя, «бабушка не может без работы: в товарищеском суде она секретарь».

...Небольшая фотография. Тоже пожелтела от времени. Такие фотографии присылали бойцы с фронта домой. А пока не появлялась возможность отправить фотографию родным, носили ее, обернув в газету, за голенищем кирзовых сапог, чтобы не промокла.

Высокий, стройный молодой человек в гимнастерке, туго перетянутой ремнем.

Дедушка Аллы Малининой. Алла рассказывает, что дедушку сфотографировали сразу после переправы через Оку, когда его дивизия соединилась с кавалерийской армией под командованием генерала Белова. Эта армия участвовала в разгроме гитлеровцев под Москвой.

...Челнок. Важнейшая деталь ткацкого станка. Теперь уже устаревшего станка. Можно сказать, исторического. Этот челнок — подарок будущему музею от Героя Социалистического Труда прядильно-ткацкой фабрики № 2 Елены Георгиевны Амосовой. В годы первых пятилеток передовые ткачихи-стахановки работали на десяти — тринадцати челночных станках. И эта цифра считалась рекордной. А теперь ткачихи работают на сорока трех новейших бесчелночных станках и за одну пятилетку по почину Елены Георгиевны выполняют два пятилетних задания.

За каждым экспонатом — история нашей Родины. В воспоминаниях, записанных пионерами, — судьбы людей разных поколений. Создание музея для ребят становится наукой жизни.

Вот они, самые первые экспонаты музея. На карте, которую ты, к сожалению, не можешь рассмотреть, отмечен весь боевой путь 327-й Ивановской стрелковой дивизии. Ребята дружат с ее ветеранами. Другая фотография дает тебе возможность увидеть торжественный момент, когда знаменитая прядильщица Елена Георгиевна Амосова дарит музею челнок со своим автографом.

О Первом Совете рабочих депутатов и о Евлампии Дунаеве

Ректор Талочного университета — Евлампий Дунаев. Здесь, на Талке, он выступал в дни всеобщей политической стачки.

Ты уже, наверно, читал или знаешь из рассказов взрослых о знаменитой стачке иваново-вознесенских ткачей 1905 года. В Иванове был создан Первый общегородской Совет рабочих депутатов. Стачка продолжалась 72 дня (на один день больше во Франции держалась Парижская коммуна). На реке Талке проходили собрания и митинги рабочих. Руководители стачки — рабочие-большевики разъясняли ткачам идеи Маркса, Энгельса и Ленина, рассказывали о III съезде РСДРП, который проходил в Лондоне. На съезде Владимир Ильич призывал пролетариат России к вооруженному восстанию против самодержавия...

Революционную учебу на реке Талке рабочие называли Талочным университетом.

НИНА ПОЛЬКИНА, ученица 8-го класса «Б» 65-й школы г. Иваново в своем реферате рассказывает об одном из руководителей Первого Совета — рабочем-большевике Евлампии Дунаеве.

ИЗ РЕФЕРАТА НИНЫ ПОЛЬКИНОЙ

...Сыщики следили за каждым его шагом. Но арестовать его им не удавалось: Дунаев появлялся на Талке или в городе в окружении рабочих, которые с оружием в руках защищали ректора своего университета (так называли Дунаева с любовью рабочие и с ненавистью — жандармы). Вот как пишет о Дунаеве управляющий фабрики в доносе своему хозяину: «Талочный университет с ректором Дунаевым действует вовсю. Собирающиеся на реке Талке не ограничиваются теперь обсуж-

VIII Всесоюзный слет победителей похода по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа пройдет 30 августа — 4 сентября в городе Иваново — на родине первых Советов.

Парк имени 1905 года. Там, где проходили маевки иваново-вознесенских ткачей, горит теперь вечный огонь. Пионеры приходят сюда почтить память первых революционеров.

дением чисто фабричных дел, а часто занимаются вопросами государственного значения. Причем ректор и его профессора по забастовкам дозволяют себе возмутительные речи против правительства».

3 июня на берегу Талки рабочие собрались на митинг. И вдруг кто-то крикнул: «Казаки!» С шашками наголо казаки врезались в толпу безоружных людей. То тут, то там мелькала белая фуражка полицмейстера: «Дунаева мне,— кричал он,— тысячу рублей за его голову!» Несколько рабочих из группы боевиков (так называлась рабочая милиция, созданная Советом) стеной загородили, спрятали Дунаева. Дунаев скрылся в лесу. В тот день жандармы арестовывали ткачей. Многие были искалечены и ранены. Но эта жестокая расправа не сломила рабочих. Утром они снова вышли на улицы с красными флагами. Талочный университет продолжал свою революционную работу.

23 июля, в последний день стачки, Дунаев, не побоявшись ни сыщиков, ни ареста, ни ссылки, пришел еще раз на Талку. Его встретили несколько тысяч человек, все ждали, что скажет Евлампий... А он сказал вот что: «Товарищи, мы кончаем стачку. Фабриканты ликуют, но они не победили, а мы не побежденные. Не все наши требования удовлетворены, но мы многого добились. Эта долгая и упорная забастовка сплотила нас, зародила в нас великое чувство классовой солидарности и показала нам, что мы умеем вести борьбу, когда действуем сообща, дружно!»

Из сочинения Лены Кашиной, ученицы 7-го класса «В»

На ткацкую фабрику «Красная Талка» мы ходим часто — и не на экскурсию, а учиться. Ткачихи показывают нам свои станки, рассказывают о секретах своей работы: как быстро заменить пустую шпульку, связать порванную нить, следить за станком, чтобы он работал непрерывно (если не заметишь вовремя, что нить оборвалась, станок останавливается). Старшеклассникам везет: им разрешается поработать на станках, а мы пока об этом только мечтаем. Так интересно, когда прямо из твоих рук выходят пестрые, красивые, разноцветные ситцы. Я всегда думаю: кто нарядится в платье из этих тканей?

Сейчас многие комсомольцы ткацкой фабрики работают на новых станках, и каждый старается сделать свою работу лучше, чтобы люди, которые купят нарядные ткани, могли радоваться их красоте и прочности.

Секретарь комсомольской организации фабрики Люда Тихомирова рассказала нам недавно, что комсомольцы всех цехов встали на ударную трудовую вахту «60-летию Октября — 60 ударных недель». Они решили соревноваться за почетное право подписать Рапорт Ленинского комсомола Центральному Комитету нашей партии. А мы рассказали Люде о нашем школьном музее, который создаем к Октябрьскому юбилею.

О Кронштадтском мятеже и Герасиме Фейгине

«Нас водила молодость в сабельный поход. Нас бросала молодость на Кронштадтский лед...» Помнишь эти строки Эдуарда Багрицкого из его поэмы «Смерть пионерки»? Они написаны об одной из замечательных страниц истории нашей партии, нашей Советской страны. О великом мужестве коммунистов, которые прямо со своего съезда ушли на лед Балтийского залива, чтобы подавить контрреволюционный мятеж. Его подняли белогвардейские офицеры и юнкера в день открытия X съезда партии. Среди красногвардейцев, в группе рабочих Иваново-Вознесенска, шел на штурм крепости Кронштадт коммунист, комиссар и поэт Герасим Фейгин.

РАЯ ГРУЗДЕВА из 8-го класса «Б» рассказывает в своем реферате о Герасиме Фейгине.

ИЗ РЕФЕРАТА РАИ ГРУЗДЕВОЙ

...Кто такой Герасим Фейгин? Это человек, который в 18 лет был комиссаром стрелкового полка. Его избрали делегатом III исторического съезда комсомола. Он слушал Ленина. Центральный Комитет комсомола направил его на партийную работу в Иваново-Вознесенск. В городе ткачей он организовал новые комсомольские ячейки. Вместе с друзьями создал комсомольскую губернскую газету «Юный текстильщик». Первый номер ее вышел 20 декабря 1920 года. Герасим сам активно выступает на страницах газеты, пишет заметки и статьи. Он беспощаден к врагам революции, к тем, кто клевещет на Союз молодежи, на Советскую власть. Публикует стихи, которые знает наизусть вся молодежь Иваново-Вознесенска. Коммунисты города избирают Герасима Фейгина делегатом X съезда нашей партии.

...Атака на крепость Кронштадт началась в ночь с 16 на 17 марта. Непрерывный град снарядов взрывал лед. Бойцы, проваливаясь в ледяную воду, сражались, продолжали идти вперед. Когда они совсем близко подошли к крепости, неожиданно резкий луч прожектора ослепил бойцов. И тогда Герасим Фейгин крикнул тем, кто шел с ним рядом: «Вперед, товарищи! За мной...» —

Герасим Фейгин — поэт, комиссар, коммунист.

А это тот самый снимок, который дедушка Аллы Малининой прислал с фронта.

Сергей Михайлович Шило рассказывает Алле о своей длинной фронтовой дороге, «о боях-пожарищах, о друзьях-товарищах...»

и побежал к крепости с винтовкой наперевес. Вдруг он остановился, словно натолкнулся на что-то невидимое и твердое, и упал...

Похоронили его на Якорной площади Кронштадта. Теперь одна из улиц этого города носит его имя. И у нас в Иванове тоже есть такая улица — имени Герасима Фейгина.

Из сочинения Аллы Малининой, ученицы 7-го класса «А»

Шла осень 1942 года. Враг рвался к Москве. Все крупные электростанции, которые питали столицу электричеством, были разрушены или взорваны. Оставалась только одна — Каширская. Она давала Москве свет, электроэнергию — военному объекту, который продолжал работать в трех километрах от линии фронта. Враг поставил задачу: захватить электростанцию и завод. Каждый день фашисты атаковали позиции наших войск. Бои шли жестокие. В этих боях участвовал мой дедушка. Он рассказывает, что солдаты сутками не спали, но все же стойко отражали все атаки врага. А наши зенитчики метко сбивали фашистские самолеты. И в Москве был свет, а завод продолжал работать.

Об одном из главных лозунгов пятилеток и о почине ивановских ткачей

На этой фотографии Татьяна Одинцова снята сразу же после того, как она отработала свою первую смену на 144 станках.

«Пятилетку — в 4 года!» — тебе хорошо знаком этот лозунг. Знаешь, когда он прозвучал впервые? На XVI съезде партии летом тридцатого года была утверждена программа развернутого наступления социализма по всему фронту. На всех предприятиях страны рождалось и обретало силу социалистическое соревнование.

ВЕРА РЕВАКОВА рассказывает в своем реферате о социалистическом соревновании в Иванове. Через газету «Правда» ивановцы предложили соревноваться всем текстильщикам страны.

На текстильной фабрике имени Ногина в городе Вичуга ткачихи работали на 70 станках — такая была норма. Стахановки Евдокия и Мария Виноградовы (не сестры, однофамилицы) начали работать на 94 станках.

А на меланжевом комбинате «Большевик» в городе Родники ткачиха Татьяна Одинцова переходит с 36 станков на 96 и вызывает Виноградовых на соревнование.

Ткачихи из Вичуги не хотят уступать первенства и встают за 100 станков.

Тогда Татьяна Одинцова вместе со своей сменщицей Ириной Лапшиной прибавляют к этой цифре еще по 44 станка и становятся лидерами соревнования.

На I Всесоюзном совещании стахановцев, которое проходило в Кремле в ноябре 1935 года, Евдокия Виноградова рассказала о своей работе, о своих подругах, о соревновании и объявила: «Буду работать на 150 машинах».

Татьяна Одинцова заявила, что перейдет на 154 станка. Кто-то из президиума, обратившись к Виноградовой, пошутил: «Дуся, смотри, обгоняют...»

Дальше этот разговор продолжался на рабочих местах, за станками. Татьяна Одинцова собрала товарищей по работе: помощника мастера, который налаживает станки и следит за их работой; зарядчицу, которая заряжает в ткацкий станок початки (огромные катушки с нитками); заводчицу, которая заводит нить в станок, словом, всех тех людей, от кого зависит успех совместной работы. Вместе они обсудили, на скольких станках сможет Одинцова работать, если все до мелочей продумать и самым наилучшим образом организовать это дело. Решили: можно попробовать свои силы на 216 станках. Многим тогда это казалось фантастикой.

Татьяна строго продумала свой маршрут (ткачиха за один только рабочий день проходит от станка к станку 18—20 километров), каждое движение, каждую операцию. И наступил такой день — это был день 24 ноября 1935 года, когда она выполнила свое обещание.

Узнав об этом рекорде, Евдокия и Мария Виноградовы и Ирина Лапшина тоже перевыполнили свою норму на 216 станках.

8 декабря 1935 года четырех ткачих — Евдокию Викторовну и Марию Ивановну Виноградовых, Татьяну Ивановну Одинцову и Ирину Алексеевну Лапшину — правительство наградило высшим орденом нашей Родины — орденом Ленина.

Те, кто помнит это время, говорят, что соревнование воспитывало у рабочих новое отношение к труду. Люди лучше узнавали друг друга, делились мастерством, становились друзьями. Рождались новые человеческие отношения.

Из сочинения Саши Логинова, ученика 7-го класса «Б»

С интересом прочитали мы приветствие Генерального секретаря Коммунистической партии Советского Союза товарища Л. И. Брежнева нашей землячке, прядильщице Фурмановской прядильно-ткацкой фабрики № 2 Ивановской области Елене Георгиевне Амосовой.

Нам хотелось понять, какие люди становятся героями, и мы отправились на прядильно-ткацкую фабрику № 2. Елена Георгиевна рассказывала нам, как удалось ей напрясть 610 тонн пряжи, из которой ткачи соткали более трех миллионов метров ткани.

Мы узнали, что связывать нить на месте обрыва «положено» 3,3 секунды. Елена Георгиевна делает эту операцию за 2,3 секунды и экономит всего одну секунду. Нить за смену обрывается примерно 821 раз — вот и получается около 14 минут сэкономленного времени. Катушку с ровницей (толстой нитью, из которой получают более тонкие нити) Елена Георгиевна меняет за 7,8 секунды вместо 11 по норме. Если учесть, что катушек — 700, то это еще 37,3 минуты экономии! Итого, 51 минута за смену. Около часа! Это только два примера. Таких «секретов» мастерства у Елены Георгиевны много.

На прощание Елена Георгиевна подарила нам веретено от станка, на котором она выполнила два пятилетних задания в одну пятилетку, и сказала, что одного желания или энтузиазма мало, чтобы добиться задуманного, необходимы и творческий подход к делу, и точный расчет, и твердый характер, и поддержка товарищей.

* * *

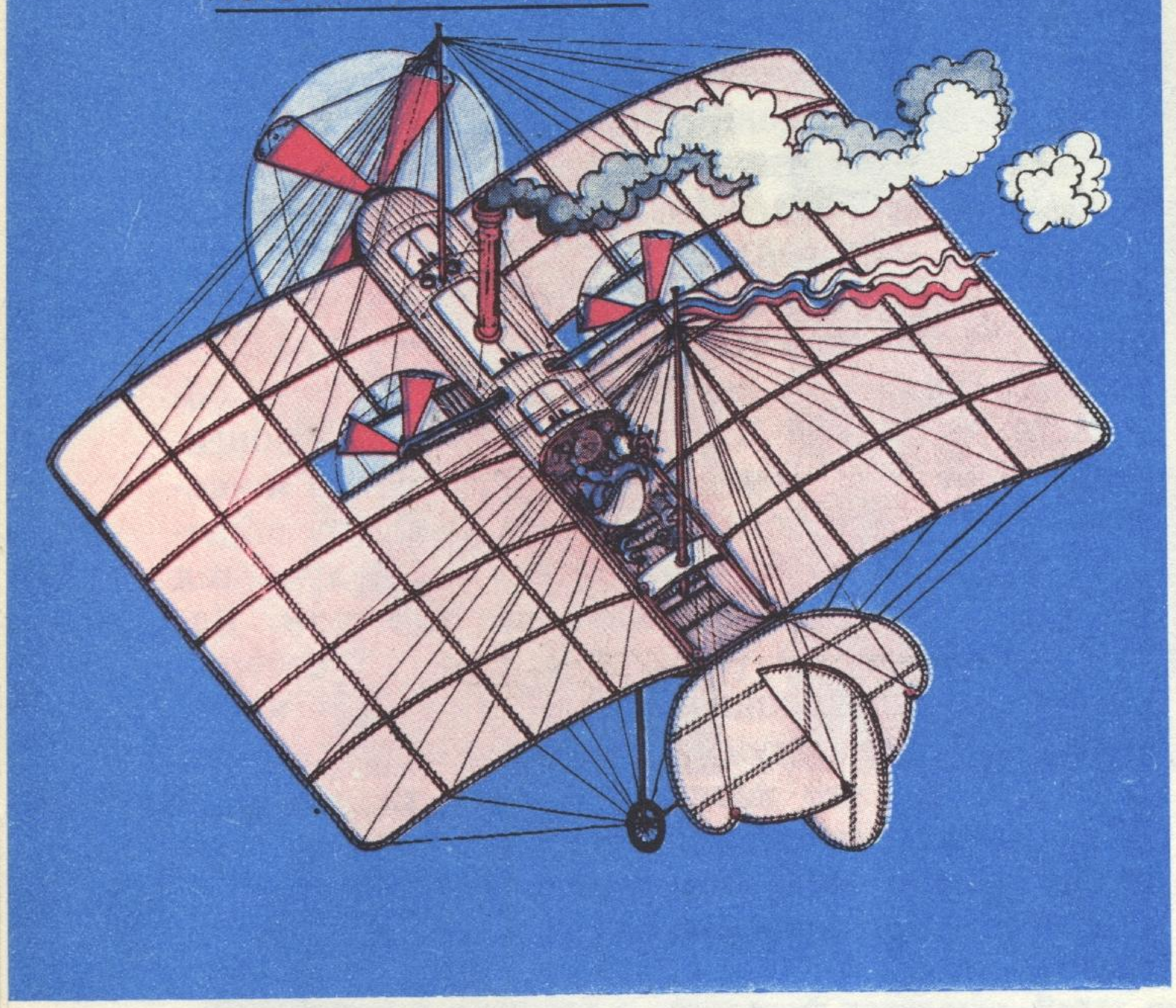
Уезжая из Иванова, я думал о том, что главное в работе ребят, которые включились в «Октябрьскую эстафету «Пионера»?

Создание музея, встречи с людьми, которые делятся с ребятами своими воспоминаниями, сборы, на которых ребята размышляют обо всем, что увидели, узнали, услышали, помогают им определить свое место в жизни, в общем строю.

— Мы поняли,— говорят ребята,— что героями становятся люди, которые меньше всего думают о себе, о своей славе, а больше всего — о благе своей страны и своего народа.

Фотографии В. ПОСТНИКОВА

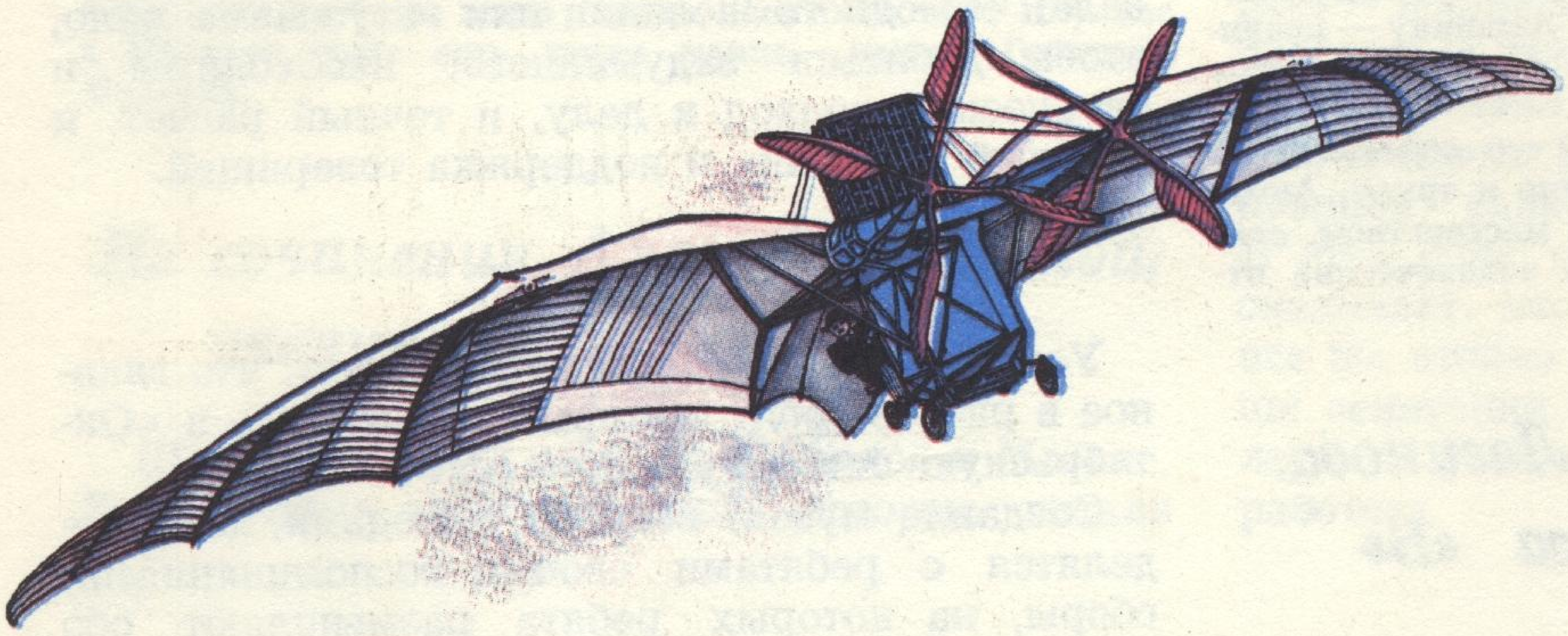

Аэроплан А. Ф. Можайского больше других аппаратов напоминал современный самолет.

12 АПРЕЛЯ — ВСЕМИРНЫЙ ДЕНЬ АВИАЦИИ И КОСМОНАВТИКИ

ЧЕЛОВЕК ПОДНЯЛСЯ В НЕБО

В этом году в издательстве «Детская литература» выходит новая книга по истории авиации — «Человек поднялся в небо». Ее авторы — К. АРОН и художники Э. БЕНЬЯМИНСОН и Б. КЫШТЫМОВ. Предлагаем вам несколько страниц из нее.

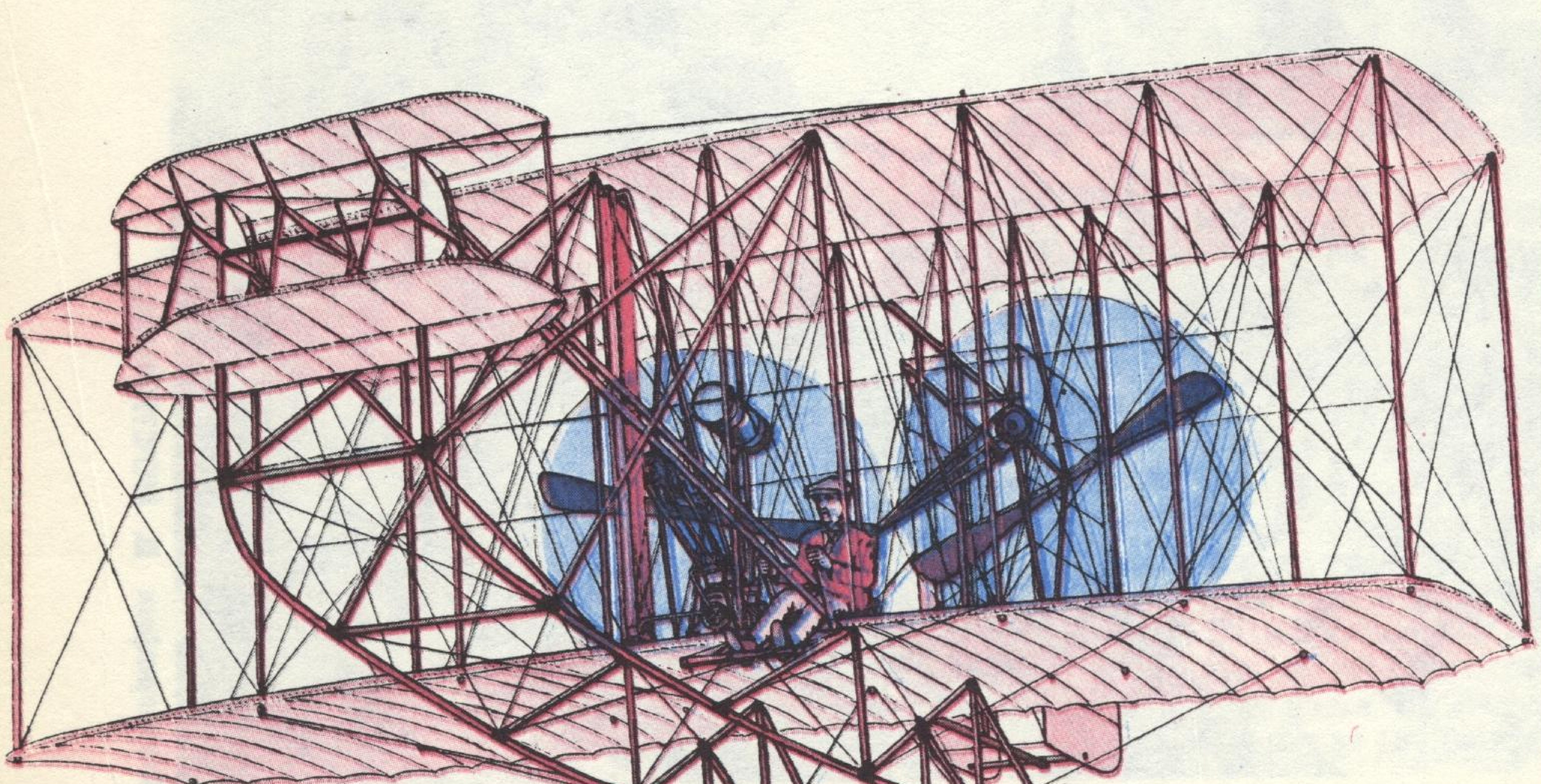
«Авион» Клемана Адера — один из первых самолетов с паровым двигателем.

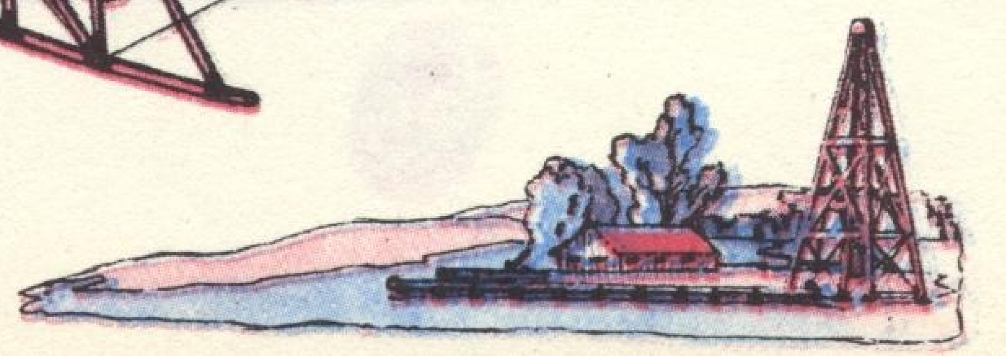
Первый шаг

На широком поле, огороженном забором, толпилась группа офицеров, с интересом разглядывая необычный аппарат — длинную лодку на колесах с двумя прямоугольными крыльями и с хвостом. Три винта — один спереди, два по бокам — соединялись с паровыми двигателями. Это был первый в мире аэроплан, построенный русским офицером Можайским. Все с нетерпением ждали начала испытаний: еще никто никогда не пытался подниматься на аппарате тяжелее воздуха.

Наконец двигатели затарахтели, завертелись винты, окутанный дымом аппарат рванулся с места и, набирая скорость, покатил по рельсам. Вот он подпрыгнул, на секунду повис над землей и вдруг свалился, упал на крыло. Двигатели в то время были слишком слабы, чтобы удержать в воздухе тяжелую машину. Но первый шаг был сделан.

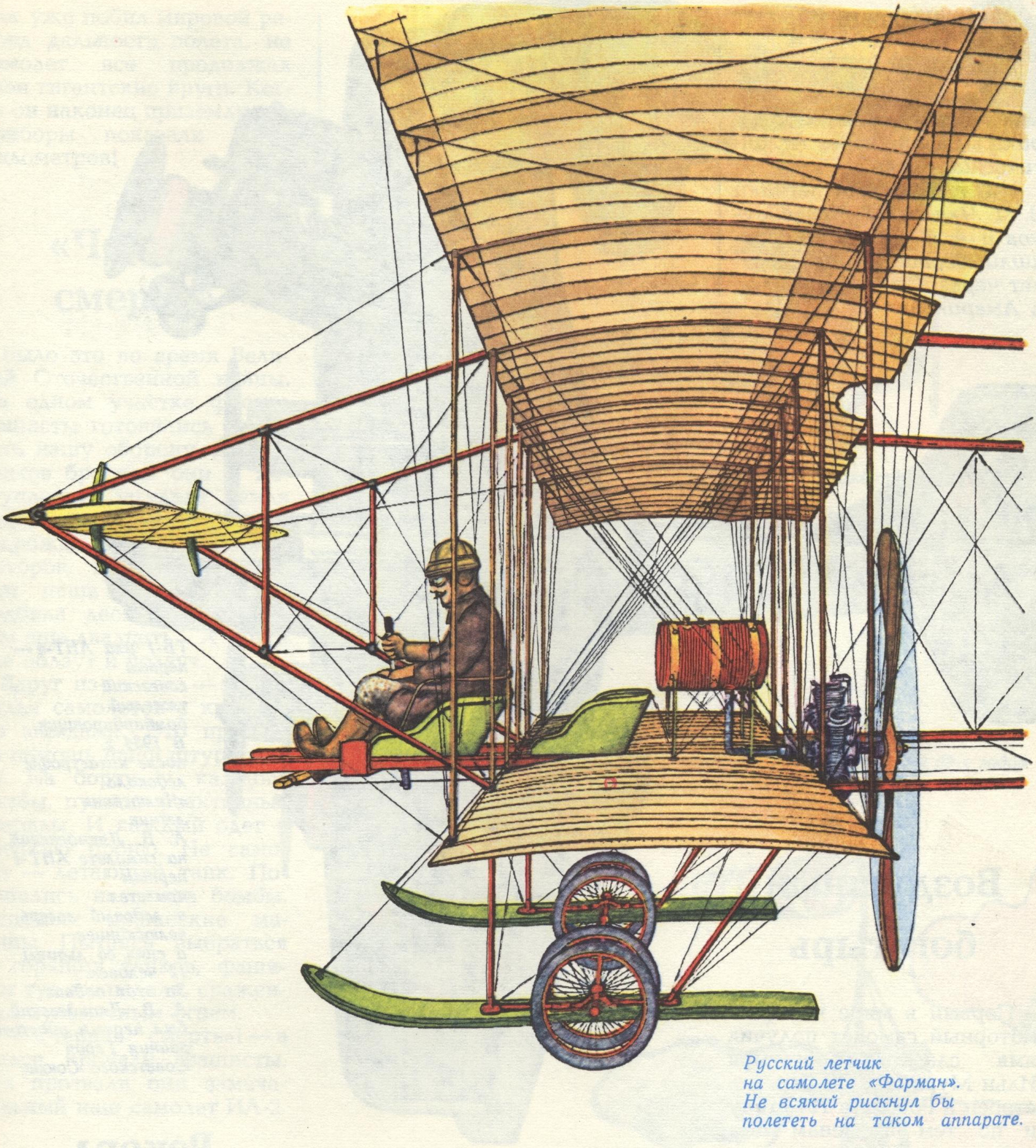
Аэроплан братьев Райт выглядит сейчас непривычно. Мотор и винты у него были сзади, и казалось, будто он летит хвостом вперед.

ВПЕРВЫЕ

1903 г. Американцы Вилбур и Орвилл Райт осуще-

Русский летчик на самолете «Фарман». Не всякий рискнул бы полететь на таком аппарате.

ствили успешный полет на аэроплане с бензиновым двигателем.

1909 г. Французский летчик Луи Блерио перелетел на самолете через пролив Ла-Манш.

1913 г. Русский военный летчик П. Н. Нестеров впервые сделал в воздухе «мертвую петлю». Он первым показал, что такое высший пилотаж.

«Летающая этажерка»

Первые аэропланы часто называли «летающими этажерками». Летать на них было опасно, и требовалась большая смелость, чтобы подняться на таком аэроплане да еще проделывать на нем в воздухе разные фигуры. Видя, как плывет в небе «летающая этажерка», люди замирали от восторга. Особенно радовались мальчишки: они издали узнавали машины знакомых летчиков. «Смотрите, вон и дядя Миша летит!» Так звали мальчишки своего любимца, знаменитого пилота-рекордсмена Михаила Ефимова — первого русского летчика.

ВПЕРВЫЕ

1927 г. Американский пилот Чарльз Линдберг пролетел без посадки из Америки в Европу через Атлантический океан.

1937 г. Советские летчики В. П. Чкалов, Г. Ф. Байдуков и А. В. Беляков совершили беспосадочный перелет через Северный полюс в Америку.

ТБ-1 или АНТ-4 — первый советский тяжелый бомбардировщик. В 1934 г. после катастрофы ледокола «Челюскин» летчик А. В. Ляпидевский на самолете АНТ-4 первым прилетел в ледовый лагерь челюскинцев и снял со льдины 12 человек. За этот подвиг А. В. Ляпидевский был первым удостоен звания Героя Советского Союза.

Воздушный богатырь

Первый в мире четырехмоторный самолет получил имя славного богатыря Ильи Муромца. Он был построен в России в 1913 году и по тем временам был действительно богатырем: мог поднять в воздух пятнадцать пассажиров! Когда самолет с оглушительным ревом пролетал над Петербургом, на улицах приостанавливалось движение, лошади от испуга шарахались в сторону, а люди задирали головы, чтобы посмотреть на диковинную птицу.

Но недолго пришлось ему возить пассажиров. Через год началась мировая война, и «Илья Муромец» сменил снаряжение. В каюту его погрузили бомбы, на хвост поставили пулемет, а рядом с пилотом сел наблюдатель-разведчик.

Когда грянула революция, надел богатырь на свои могучие крылья алые звезды и полетел помогать Красной Армии.

От него, от «Ильи Муромца», и ведут свой род грозные наши бомбардировщики.

Рекорд дальности

Чтобы совершать сверхдальние полеты, в Советском Союзе был построен самолет АНТ-25 с удлиненными крыльями. За штурвал сел известный летчик Михаил Громов.

Трое суток кружил над страной самолет Громова. Приборы четко отсчитывали расстояние: 3000 километров... 5000... 10 000... Лет-

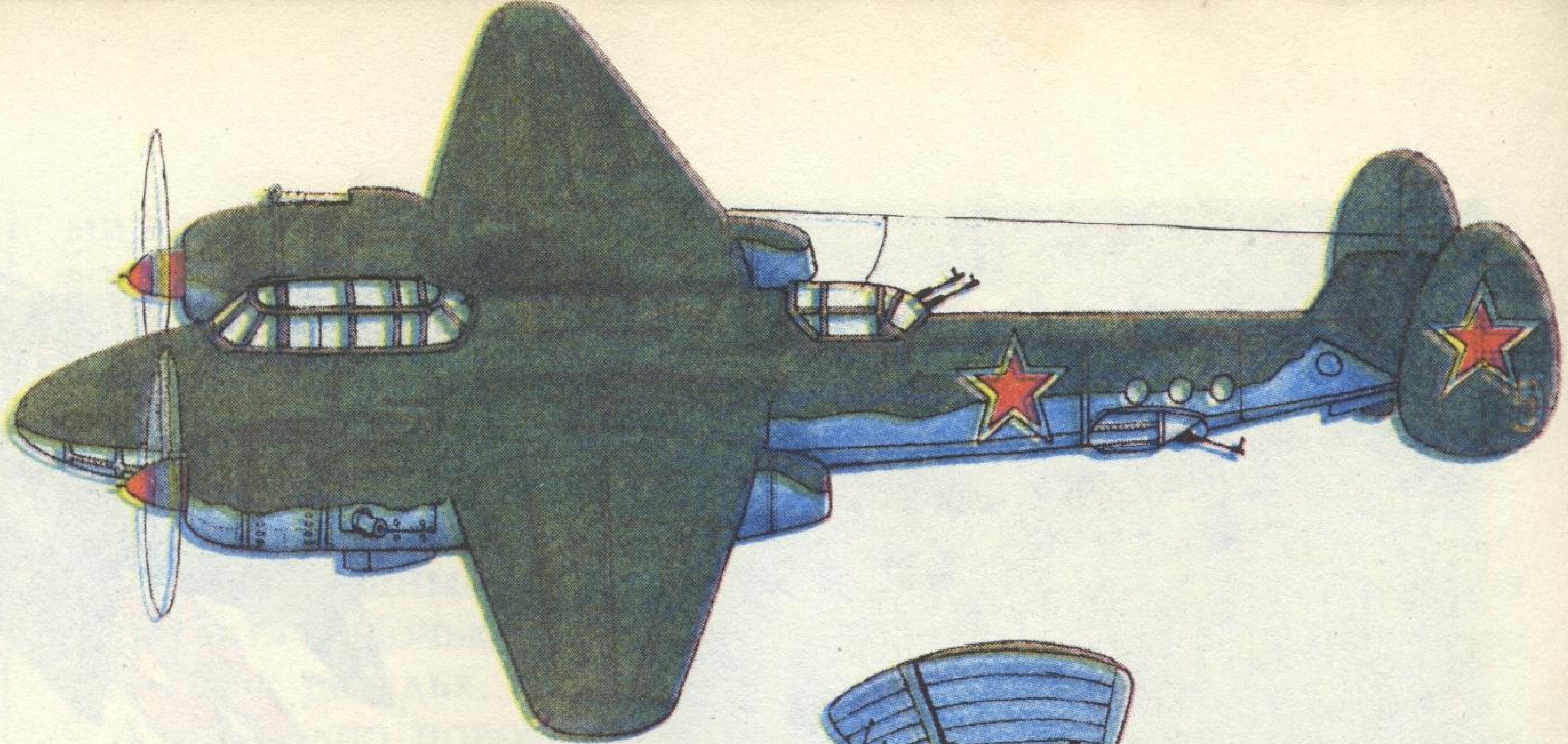
чик уже побил мировой рекорд дальности полета, но самолет все продолжал свои гигантские круги. Когда он наконец приземлился, приборы показали 12 400 километров!

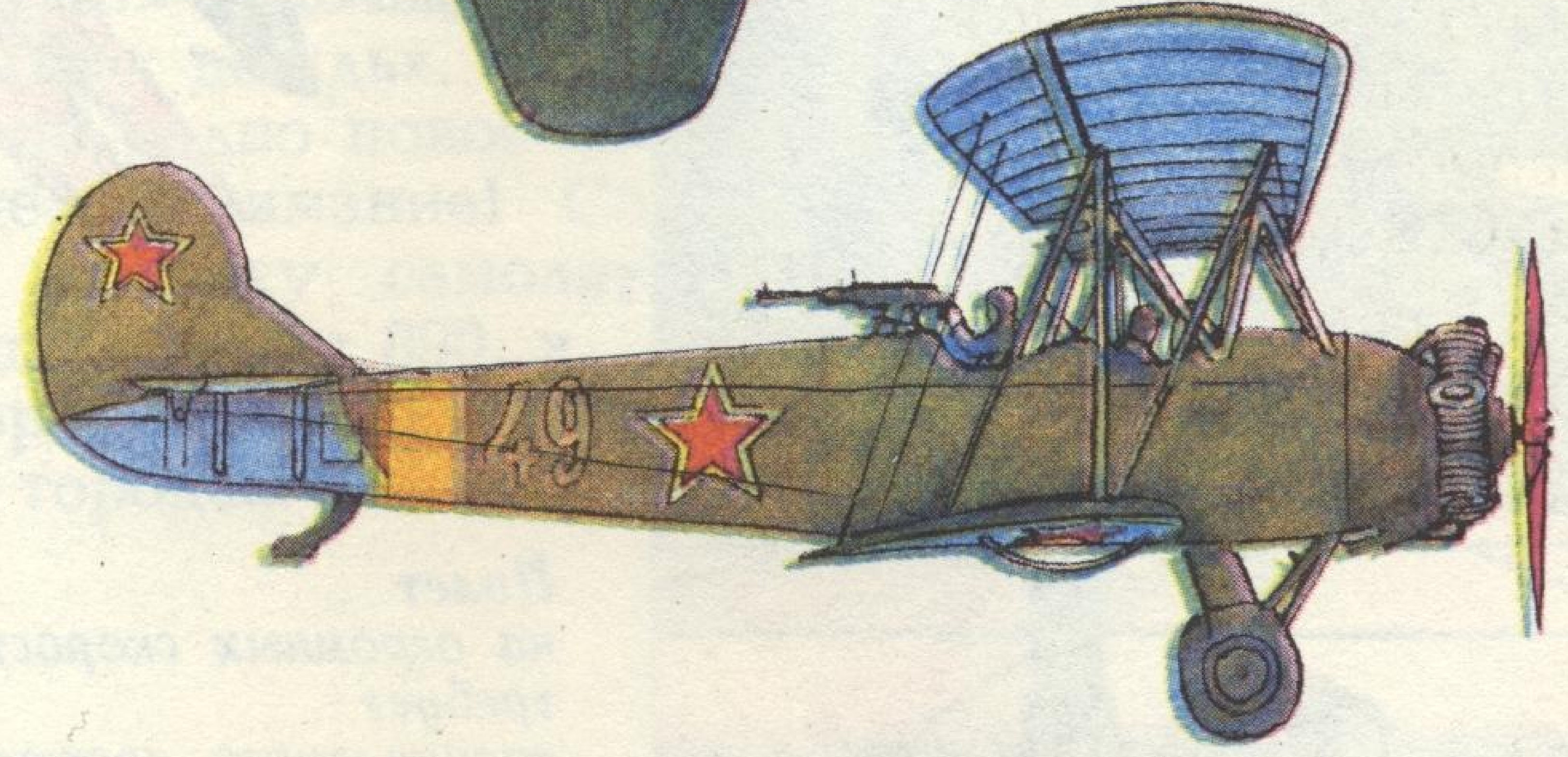
«Черная смерть»

Было это во время Великой Отечественной войны. На одном участке фронта фашисты готовились прорвать нашу оборону. Двести танков бросили они в наступление. Загудела земля под тяжелыми гусеницами, задрожал воздух от рева моторов. Ударила по танкам наша артиллерия — подбила десять штук, потом еще двадцать... А танки все ползут и ползут.

Вдруг из-за леса — эскадрилья самолетов с красными звездами. Это пришли на помощь наши штурмовики. На борту у каждого бомбы, пушки, реактивные снаряды. И каждый одет в крепкую броню. Не самолет — летающий танк. Посыпались из люков бомбы. Запылали вражеские машины. Пытаясь выбраться из горящих танков, фашисты тут же падали, сраженные пулеметным огнем.

— «Черная смерть»! — в ужасе кричали фашисты. Так прозвали они замечательный наш самолет ИЛ-2.

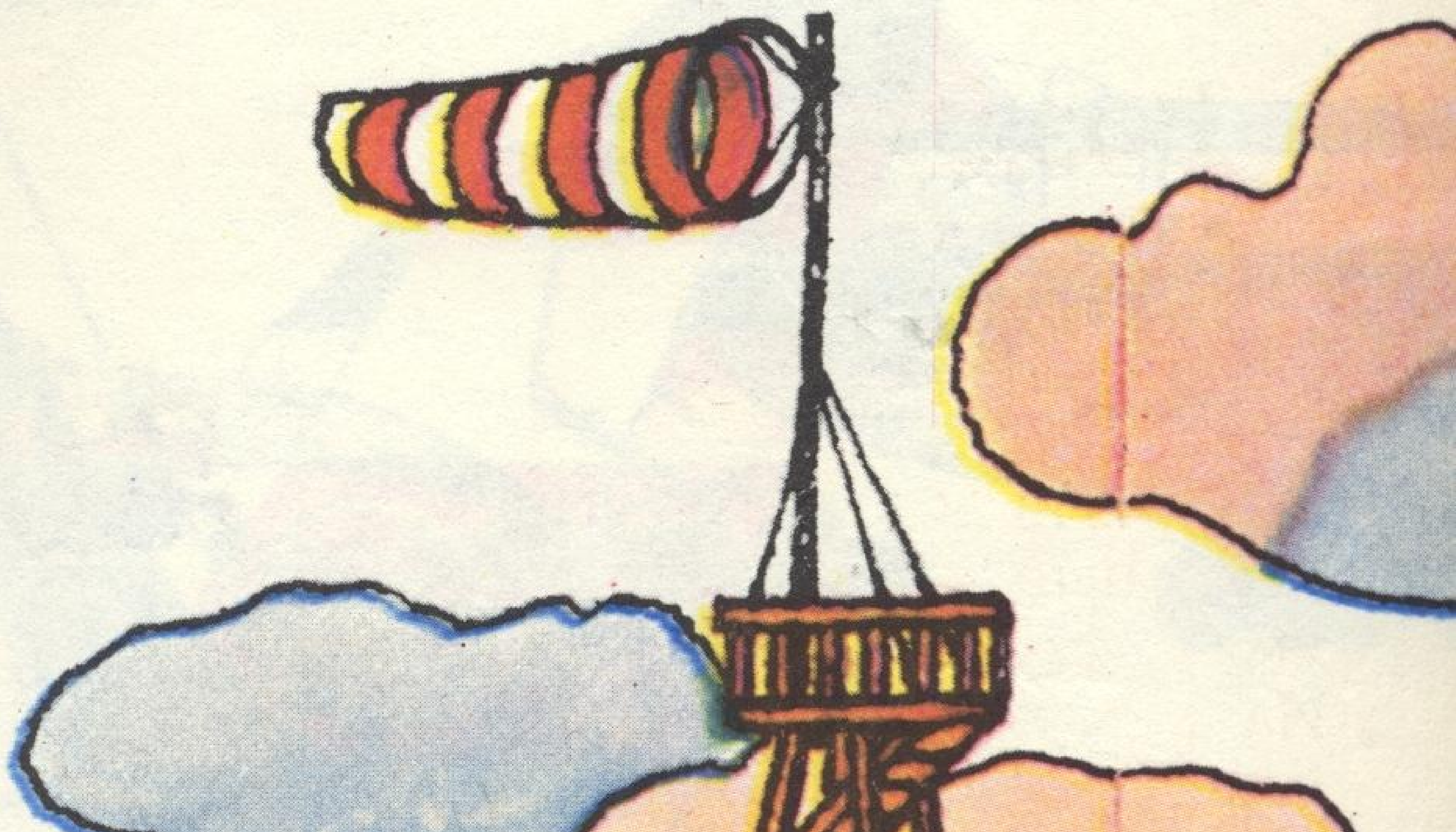

Бомбардировщик ТУ-2.

Ночной бомбардировщик ПО-2

Так одевался летчик 30—40-х годов.

Аэродром 30-х годов

Полет на огромных скоростях требует специального костюма.

Сверхзвуковой реактивный истребитель.

Быстрее звука

1961 год. Воздушный парад в Тушине. Парад подходил к концу, когда в небе появилась группа истребителей. Они пронеслись бесшумно, как птицы, и лишь когда скрылись из виду, над аэродромом прокатился гул, похожий на раскаты грома. «Вот это скорость! — удивлялись на трибунах. — Подумать только, звук обогнали!» В этот день москвичи впервые увидели полет сверхзвуковых реактивных самолетов.

Самолет-стрела, самолет-снаряд, самолет-ракета — называют эти самолеты. И правда, крылья у реактивного — как наконечник гигантской стрелы, фюзеляж — как корпус снаряда, а двигатель — как у ракетного корабля.

Современный аэропорт.

И одежда летчика напоминает костюм космонавта. В таком костюме не страшны перегрузки, которые возникают, когда самолет устремляется вверх.

Аэропорт

Едва человек научился летать, он стал прокладывать воздушные дороги. Вначале короткие — между соседними городами, потом подлиннее — между странами. Не прошло и полвека, как весь земной шар покрылся густой сетью авиалиний. Днем и ночью мчатся по воздушным путям лайнеры с опознавательными знаками разных стран и компаний. Но вот и конец пути — аэропорт с ангарами для самолетов и залами для пассажиров, со стоянками, рулежными дорожками, сигнальными маяками, автокарами и бензовозами.

Вот подрулил к перрону аэровокзала крылатый гигант ИЛ-62. На перроне толпа встречающих. «Вы откуда?» «Из Стокгольма». «А вы?» «Из Гаваны». «Как там погодка?» «Ночью вылетели — шел дождь».

А по радио новое объявление: «Внимание! Совершил посадку самолет из Варшавы. Рейс 890...»

Аэропорт! Воздушные ворота города...

ВПЕРВЫЕ

1942 г. В Советском Союзе летчик Г. Бахчиванджи провел испытания самолета с реактивным двигателем.

1968 г. 31 декабря совершил полет первый в мире сверхзвуковой пассажирский самолет ТУ-144.

1975 г. Совместный полет советского и американского космических кораблей «Союз» и «Аполлон».

ИТОГИ КОСМИЧЕСКОГО КОНКУРСА

«Полгода в полёте»

В апрельском номере «Пионера» за прошлый год мы рассказали, как устроена и как работает советская орбитальная станция «Салют». И чтобы помочь читателям лучше освоить свой будущий космический дом, мы предложили им вообразить себя его конструкторами и членами экипажа. По мнению жюри, участники конкурса оказались изобретательными конструкторами космической техники. Видно, что освоение космоса по-настоящему интересует всех ребят, что ими прочитано много книг по астрономии, физике, биологии, космической технике, космонавтике.

А теперь вернемся к вопросам конкурса и вашим ответам.

1. «Ты — командир экипажа»

Большинство ребят включали в свой экипаж трех специалистов: **астронома, биолога и физика**. На наш взгляд, это хороший вариант экипажа для длительной работы на орбитальной станции общего назначения.

При таком подборе специалистов можно использовать важнейшие особенности полета на орбитальной станции: невесомость, глубокий вакуум, отсутствие земной атмосферы, которая обычно мешает наблюдениям астрономов.

Многие ребята считают, что сейчас экипаж станции невозможен без специалистов по исследованию Земли из космоса. **Ольга Серебренникова** из Кишинева, **Андрей Жданов** из Перми, **Георгий Чикрижев** из Башкирии, **Володя Емельянов** из Архангельской области назвали **метеоролога, геолога, геофизика, космического пожарного, агронома**. Андрей Жданов даже предложил взять на борт станции **специалиста по охране окружающей среды.**

Участники конкурса не только подбирали экипаж, но и продумывали для него программу исследований. Вот что пишет **Саша Лебедев** из Котласского района Архангельской области:

«Космос — это беспредельная лаборатория природы... Технолог будет производить эксперименты с металлами. Ведь в космическом вакууме можно получать металлы такой чистоты, о какой мы только мечтаем на Земле. В условиях невесомости можно выращивать кристаллы любой необходимой величины, вырабатывать сверхтонкие мембраны...»

Эксперименты по физике, астрономии, технологии и биологии предлагают **Саша Хасин** из Житомира и **Алексей Душкин** из Горького. А **Сергей Картошкин** из Омска думает, что на борту станции можно будет начать поиски радиосигналов от внеземных цивилизаций. Ведь в космическом пространстве отсутствуют земные радиопомехи.

Хочется возразить тем, кто включил в экипаж орбитальной станции штурмана. В этом нет необходимости: орбитальная станция практически не меняет своего курса. Все штурманские операции сможет выполнить бортинженер.

2. «Ты — член экипажа орбитальной станции, что ты возьмешь с собой в космос?»

Ответы на этот вопрос порадовали жюри. Ребята рассказали о своих увлечениях, о любимых героях, о том, как дорог им наш общий дом — Земля...

«Прежде всего я взял бы с собой фотографию Юрия Алексеевича Гагарина как память о нашем первом космонавте, проложившем дорогу в космос; камешек с берега моря как память о Земле; цветок с окна в память о доме; фотографии друзей; бинокль — мой первый оптический прибор как память о любимом занятии; несколько книг и тетрадок, чтобы читать и писать в часы отдыха».

Мартовский Саша, г. Одесса.

«Я возьму горсть родной земли. Посмотришь на нее, вспомнишь все, что осталось на Земле, свой дом и друзей».

Шапкин Володя, г. Свердловск.

«Возьму с собой горсть земли, фотографии родных, магнитофонную запись песни «Надежда». Ведь нет ничего дороже родной земли, ничего ближе, чем родные, ничто не поможет в трудную минуту лучше, чем песня».

Бойко Олег, г. Харьков.

3. «Ты — конструктор орбитальной станции. Подумай, как можно время от времени менять облик «космической квартиры».

Отвечая на этот вопрос, участники конкурса показали себя изобретательными и находчивыми конструкторами. Их поиск пошел по двум направлениям.

Первое: менять окраску стен и потолка механическим способом. И здесь они предложили множество различных вариантов.

Внутренние панели станции покрыть разноцветной тонкой пленкой в несколько слоев и снимать время от времени один слой за другим (**Андрей Жданов** из Перми, **Ольга Сергеева** из Уфы, **Александр Кульков** из Одессы). Стенные панели окрасить с двух сторон в разные цвета и прикрепить так, чтобы легко было их перевернуть (**А. Брыков** из Астрахани, **Сергей Лосевой** из Новосибирска). Интересное предложение прислали **Виктор Сергеев** и **Игорь Чекин** из Петрозаводска: стенные панели из разноцветных квадратиков, которые можно во время полета передвигать в любом порядке (как в игре «15»). **А. Дмитриев** из города Рузы Московской области предлагает набирать стены из отдельных пластин на магнитных присосках.

Второе направление поиска, на наш взгляд, более простое и перспективное. Устройство стенных панелей при этом остается прежним, **меняется лишь их освещение. Ира Вьялкова** из Сыктывкара и **Мовсар Увзиев** из Чечено-Ингушской АССР предлагают окрасить стены и потолок светлой матовой краской и освещать станцию лампами с разноцветными светофильтрами.

Ленинградки **Таня Иванова** и **Лена Столкина** дополняют эту идею: менять цвет ламп по специальной программе или по желанию космонавтов. Дневной «пейзаж» сменяется, к примеру, вечерней зарей. Над освещением станции думали и **Артур Асриян** из Мингечаура, **Саша Арапов** из Краснотурьинска, **Сергей Жмудь** из Челябинской области, **Володя Богомяков** из Анадыря и многие другие ребята.

На наш взгляд, оптимальный вариант — в соединении этих предложений. Днем космонавты могут по своему желанию менять освещение: выбрать удобный свет для работы и для отдыха. А чтобы полностью обновить внутренний вид станции, они могут изредка поворачивать или передвигать стенные панели.

4. «И еще одно задание будущему конструктору: как устроить душ в невесомости».

Ребята совершенно правильно поняли, что суть проблемы в том, как подавать и как отсасывать воду при невесомости.

Первый вариант, который они предлагают,— создать искусственную силу тяжести. Это достигается разными путями, и в первую очередь **вращением всей станции**. В это время можно принимать душ обычным образом. Такое решение предлагают **Володя Богомяков** из Анадыря, **Таня Иванова** и **Лена Столкина** из Ленинграда. Многие предлагают создавать центробежную силу, **вращая душевое устройство (Олег Борознов** из г.

Рисунки **А. БОРИСОВА.**

Шевченко, **Сергей Жмудь** из села Сосновки Челябинской области, **Богдан Бычко** из Киева, **Женя Иванов** из Тюмени, **Андрей Кедринский** из Новосибирска и многие другие).

Еще один способ создания искусственной тяжести — **включение маршевых двигателей. Андрей Крюков** из Нефтегорска Куйбышевской области и **Андрей Жданов** из Перми, которые предлагают это, видимо, не учли, что тогда станция перейдет на новую орбиту.

У всех этих проектов — правильных с точки зрения физики — есть общий недостаток. Их авторы забывают, что на раскручивание и остановку станции потребуется много времени и топлива. К тому же стоит ли преодолевать невесомость даже ради возможности выкупаться в космосе? Ведь одна из задач орбитальной станции — изучать и использовать невесомость, а тут мы ее лишаемся.

Второй вариант. Ребята стремились здесь к тому, чтобы, сохраняя обычное движение станции, изменить способ мытья, приспособить его к невесомости. Наиболее подробно и технически верно разработали этот вариант **Олег Горбатенко** из Белгорода, **Саша Лебедев** из Архангельской области, **Галя Кахун** из Уфы, **Лола Клычева** из Фрунзе, **Борис Козлов** из Усть-Каменогорска. Они предлагают подавать воду в душевую камеру под давлением одновременно с теплым воздухом. Вытяжное устройство убирает из кабины грязную воду тоже вместе с отработанным воздухом.

На наш взгляд, это решение технически вернее и целесообразнее.

А в работе **Тиграна Логяна** из Еревана совмещаются оба эти предложения: космическую душевую он сконструировал вне станции. Она напоминает цветок с лепестками — душевыми кабинами. Лепестки неподвижны относительно станции. Вращается сердцевина — четыре бака с водой. Вода отбрасывается вращением к внешней стенке бака и через щели врывается в душевые кабины. В нижней части грязная вода отсасывается винтом.

5. «Ты — член экипажа, биолог. Какие животные и растения будут в твоей лаборатории? Какой опыт ты поставишь в невесомости?»

Тут, конечно, не обошлось без всеобщих любимцев — кошек и особенно собак. Еще упоминаются обезьяны, черепахи, крысы, мыши, из растений — пшеница, земляника, огурец, многоклеточные и одноклеточные водоросли.

Но, к сожалению, мало кто из ребят смог объяснить, **почему** они берут с собой именно этих животных и эти растения, **почему** предлагают именно такой эксперимент.

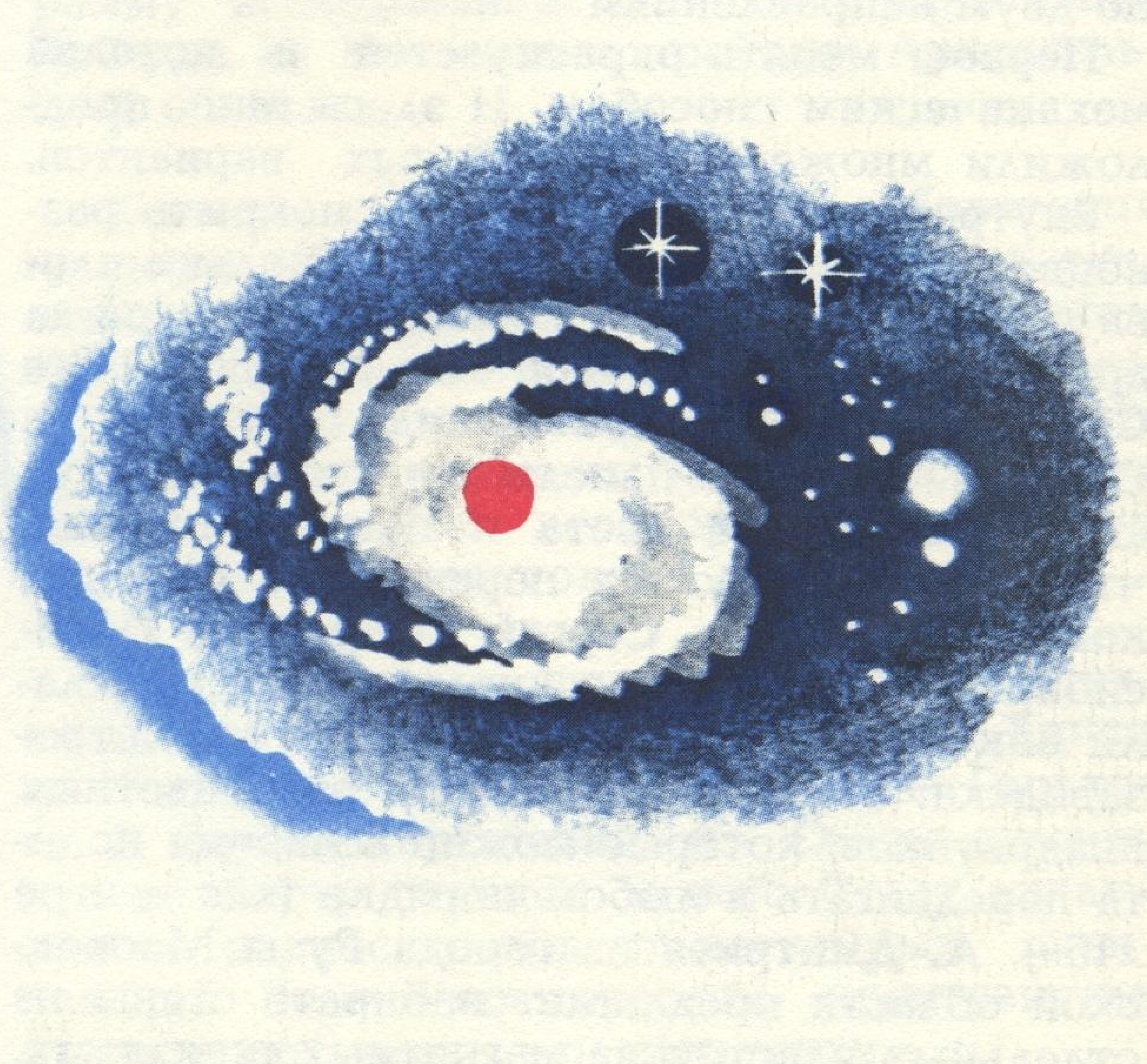
Серьезнее других продумали свое предложение **Наташа Немцова** из города Асбест Свердловской области и **Олег Матвиенко** из Томска. Действительно, интересно проследить, как будет протекать в условиях невесомости и космической радиации регенерация ампутированных частей тела гидры. Интересно потому, что проблема совместимости тканей при лечении травм конечностей очень важна для нас на Земле. И, может быть, космические опыты подскажут, как эту проблему решить.

Предложений ребята высказывают много, но видно, что задание по космической биологии оказалось для них труднее остальных. Редакция журнала «Пионер» обещает своим читателям теперь больше рассказывать об успехах этой науки, об экспериментах биологов на орбитальных станциях.

Жюри космического конкурса благодарит всех его участников! Особенно понравились членам жюри несколько серьезных и обстоятельных работ. Вот их авторы:

Логян Тигран, г. Ереван,
Мартовский Александр, г. Одесса,
Кахун Галина, г. Уфа,
Матвиенко Олег, г. Томск,
Горбатенко Олег, г. Белгород,
Лебедев Александр, п/о Шипицыно Котласского района Архангельской области,
Клычева Лола, г. Фрунзе,
Овсянников Владимир, г. Липецк,
Богомяков Владимир, г. Анадырь,
Тишкевич Наташа, г. Березино Минской области,
Конструкторское бюро «ИКАР — ЮК» научного ученического общества школы № 1 г. Донецка.

Жюри конкурса

Мальчик собирал ЗНАЧКИ

Жил в Ленинграде мальчик. Мальчик собирал значки. Тогда это еще не было таким распространенным увлечением, как теперь. На одном значке дымили трубы завода, и это означало, что в стране растет промышленность. На другом — мчался паровоз: после разрухи восстанавливался транспорт. Еще на одном — раскрытая книга: шла борьба за всеобщую грамотность. Маленькие картинки на металле рассказывали о больших свершениях.

Мальчик рос, росла коллекция. Когда он приходил в школу, ребята спрашивали: «Щукин, что нового?» — и он показывал им новый значок с парусом или летящей птицей. В те далекие времена коллекционирование еще не было, как сейчас, поставлено на почти научную основу. Это теперь коллекционеры собирают значки по темам, по определенной системе. Щукин собирал всякие значки. Покупал, выменивал, иногда ему их дарили. Кончилось детство, а интерес к значкам не пропал. Когда коллекция стала большой, сама собой появилась необходимость какого-то порядка. На серых квадратах ровными рядами расположились значки, посвященные В. И. Ленину. Это были самые дорогие. Ленин в детстве. Круглый мерцающий значок с силуэтом вождя. Теперь такие тоже есть, но тот был первый. И постепенно пришло решение. Теперь это была коллекция значков, посвященных Ленину.

Началась война. Щукин оставил свои значки сыну и ушел на фронт. Ленинград выдержал нечеловеческие испытания — блокаду, обстрелы, голод и холод. Но потому и непобедимы непобедимые, что они сохраняют себя. Они не только стреляют по врагу, но и не поступаются своим достоинством, не поступаются тем, что для них свято. Голодно, разрушен дом, но когда отец приехал с фронта и разыскал своих, оказалось, что сын сберег его значки.

После войны они собирали значки уже вместе. Атомный ледокол «Ленин». Красивое здание с колоннами — Библиотека имени В. И. Ленина в Москве. Большой круглый белый значок, и черными буквами надпись по-французски: конференция, посвященная В. И. Ленину, которая проходила в 1970 году в городе Торонто в Канаде. Маленький серый значок, а на нем написано: «Ленинский зал школы 35. Ленинград».

В коллекции Щукина две тысячи значков, посвященных В. И. Ленину. Я видела эти значки в ленинградском Музее Ленина. На стенде написано: «Из коллекции В. Т. и В. В. Щукиных». Строгие серые квадраты, а на них кусочки металла. У каждого своя история. А все они вместе — история страны Октября, ее борьбы и побед под знаменем Ленина.

Н. КОМАРОВА

Ленинград.

Жеребенок

Это еще игра:
Вылетел со всех ног,
Опрометью со двора
Резвящийся стригунок.

Еще он не знает шпор
И трудовых дорог,
Летящий во весь опор
Игреневый стригунок.

Мчится он по шоссе,
Ветру подставив грудь.
Автомашины все
Ему уступают путь.

А может, крылатый он,
Как будто бы конь Пегас?
И всадник его рожден,
Который опишет нас?

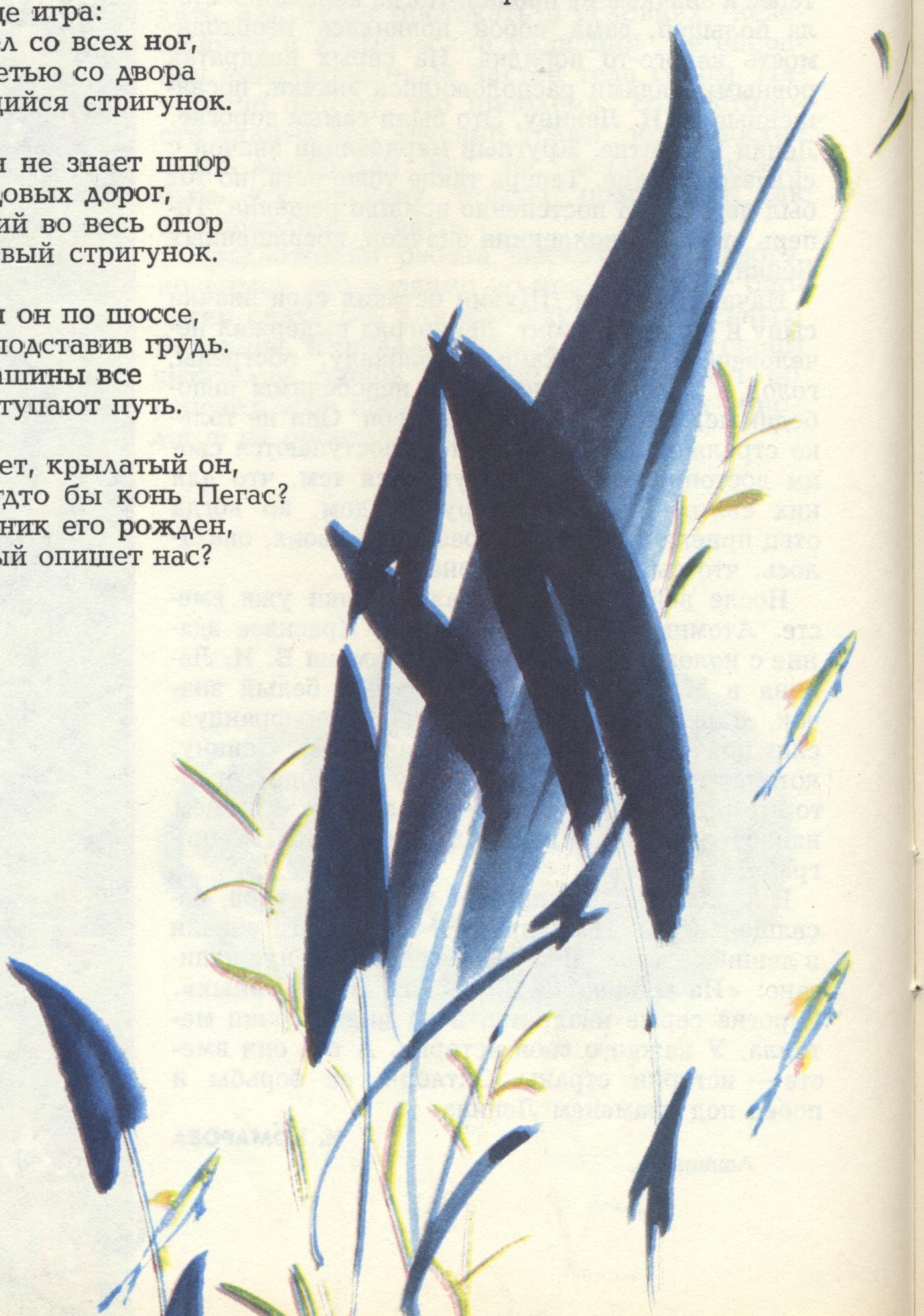
* * *

Я в деревне гостил, и чуть свет
Петухи разбудили меня.
И встречал я рождение дня
На тропинках мальчишеских лет.

В небе звезды белели.
Оно
Полем хлопковым мне показалось.
Солнце хлопок убрать постаралось,
Мир теплом одарив заодно.

* * *

Верность земле не наруша,
Под облаком
в вышине
Выросла некогда груша
На крепостной стене.
Словно стоит на страже
Памяти о старине
И плодоносит даже
На крепостной стене.

Константин ЛОМИА

Рисунки П. БАГИНА.

* * *

Охраняйте бессонно
Границы сердец,
Охраняйте их,
Как на заставе боец.
И, открыв их, следите
Как следует — в оба,
Чтоб туда не плеснули б
Ни горя, ни злобы.

Вы свои уважайте,
Храните сердца,
Чтоб им долго стучать,
Не предвидя конца.
Чтоб достичь им
Невиданного долголетья,
До краев, дополна
Вы в них радость налейте!

Перевела с абхазского
Елена НИКОЛАЕВСКАЯ.

Прилуненье рыб

Я в поздний час,
не предаваясь сну,
Увидел в черном озере
луну,
И рыбы вроде
маленьких ракет,
Как в небе, плыли,
излучая свет.
Так мне воочью
близ прибрежных глыб
Предстало ночью
прилуненье рыб.

Светлячки

Склонившие колени
Пред молодой листвой,
Слились привычно тени
С полночной синевой.

А рядом рдеет снова
Летающий огонь,
Я светлячка живого
Сажаю на ладонь.

Меня фонарик дразнит,
Загадочность таит.
Он на ладони гаснет,
Но, улетев, горит.

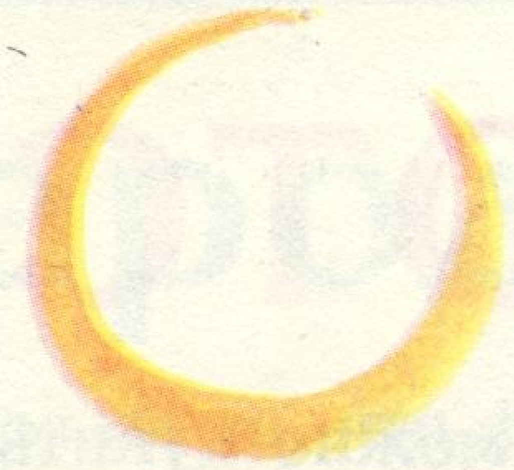
Весной в часы ночные,
Покинув тайнички,
Как искорки печные,
Летают светлячки.

А днем, куда ни выйдешь,
Ни в долах, ни в лесах —
Нигде их не увидишь,
Как звезд на небесах!

Мерцая,
что вещают
Они, летя сквозь тьму,
Дорогу освещают
Вновь до утра кому?

Был брошен в порох ночи,
Быть может, с облаков
Чтоб стала ночь короче,
Рой красных угольков.

Как будто бы свечные
Витают язычки...
Фонарики ночные
Летают, светлячки.

Волга

Твои крутые берега —
Скрижали славы боевые.
О Волга, гордая река,—
Живая летопись России!

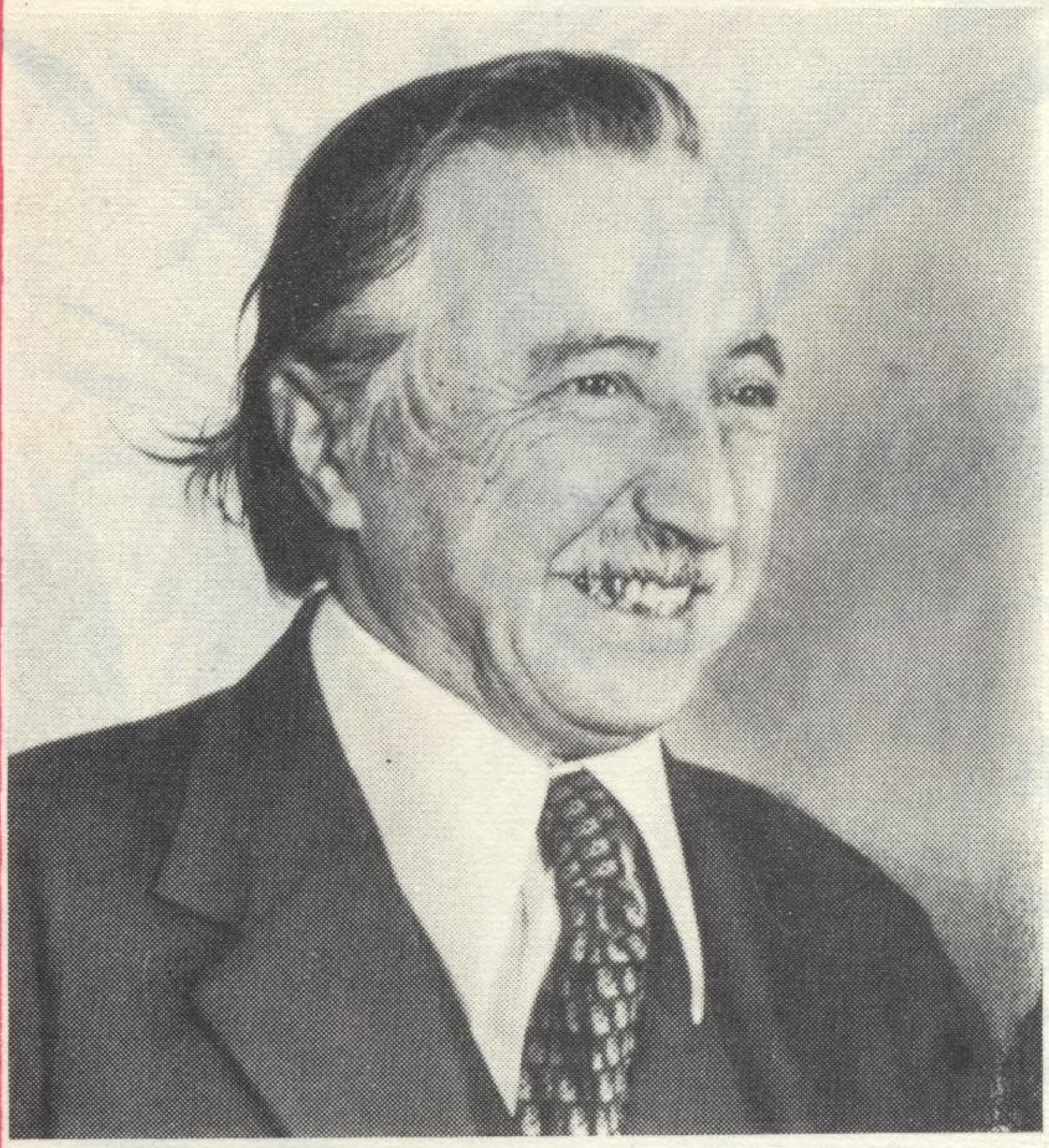
Ты мимо Жигулевских гор
Течешь морям
на пополненье.
Люблю широкий твой
простор,
Твое могучее теченье.

Вот солнце встало поутру,
В росе цветы на горном
склоне,
Я горсть воды твоей беру,
Она искрится на ладони.

И будет свет, что ты
зажжешь
На берегах, давно
воспетых,
Своим сиянием похож
На солнце утренних
рассветов.

В тебя глядятся облака
И неба выси голубые.
О Волга, гордая река,—
Живая летопись России!

Перевел с абхазского
Яков КОЗЛОВСКИЙ.

A los pioneros y a todos los niños soviéticos les deseo muchas felicidades en el año del 60 aniversario de la Gran Revolución Socialista de Octubre

1° de enero de 1977.

Желаю много счастья пионерам и всем советским детям в этом году, году 60-летия Великой Октябрьской социалистической революции. 1 января 1977 года.

Луис КОРВАЛАН

Дети Чили БОРЮТСЯ!

ЛАЛИТО ГОНСАЛЕС КАРРЬОН родился в тюрьме. В тесной и холодной камере тюрьмы города Темуко, расположенного на юге Чили, ему исполнилось недавно два года.

...В тот страшный день, 11 сентября 1973 года, когда кучка фашистских генералов свергла законное правительство президента Альенде и установила в Чили фашистский режим, отец Лалито доктор Эрнан Гонсалес был арестован. Его обвиняли в «коммунистических взглядах». Доктор Гонсалес умер от зверских пыток.

Мать Лалито, врача Наташу Каррьон, арестовали вместе с мужем. Фашисты жестоко издевались над Наташей, бросили ее в тюрьму, несмотря на то, что она ждала ребенка.

ЛУИСУ РИВЕРО ПИСАРРО было тринадцать лет. Вместе со своими родителями и четырьмя младшими братьями он жил в одном из больших рабочих поселков в окрестностях Сантьяго. После фашистского переворота предприятие, на котором работал отец Луиса, закрылось. С утра до вечера бродил он в поисках заработка, но везде получал отказ. Все чаще замечал Луис слезы на глазах матери. Вместо горячей пищи ей приходилось теперь давать сыновьям кусок черствого хлеба. Но потом кончился и хлеб. Наконец Писарро-старшему удалось наняться переносить мешки с песком, который выгребали из речного русла. Это изнурительный труд, но платили за него меньше двадцати песо в неделю. Этих денег едва хватало до среды, и то лишь на хлеб и немного сахару.

Луис, он был в семье старшим сыном, предложил отцу работать вместе. За перетаскивание мешков ему платили всего одно песо в день. На эти деньги можно купить четверть килограмма хлеба. История Луиса кончилась трагически: он погиб, раздавленный тяжелым мешком.

МАЛЕНЬКАЯ ЖАКЛИН, фамилию которой мы сейчас не можем назвать, учится в начальной школе общины Нуньоа в Сантьяго. Ей десять лет. Однажды она пришла из школы домой с запиской от учительницы, назначенной фашистами. В записке говорилось, что Жаклин выгнали с уроков.

Мать спросила девочку, в чем ее вина.

— Наказали не только меня,— ответила Жаклин,— наказали всех учениц нашего класса. Никто из нас не хотел исполнять национальный гимн перед офицером-фашистом, который следит за началом уроков в школе. Если потребуется, мы снова откажемся петь.

Родители не упрекнули дочь. Наоборот, они похвалили ее за этот поступок.

Все больше и больше детей помогают родителям в борьбе против фашизма. Ученики школ требуют у властей школьные завтраки, чтобы хоть как-то облегчить нищенское положение своих родителей. Распространяют антифашистские листовки и брошюры, разоблачают доносчиков и полицейских агентов, засылаемых фашистами в школы под видом учеников.

«Хунта—это голод», «Хунта—это смерть»,— говорят лозунги юных антифашистов. В этих лозунгах протест против закрытия школ, увольнения преподавателей, требование свободы политзаключенным. И это вклад детей в общую борьбу народа Чили.

Лихейа БАЛЬЯДАРЕС,
чилийская писательница,
член Компартии Чили

Это плакаты солидарности с чилийским народом.
Плакаты борьбы и протеста против фашистской хунты.

Народ Чили ПОБЕДИТ!

Несмотря на то, что фашистская диктатура в Чили, ожесточенная растущим сопротивлением чилийского народа, усиливает репрессии, юные антифашисты вместе с рабочим классом, со всем народом продолжают борьбу с ненавистным режимом.

На стенах домов дети пишут лозунги, в которых протест против экономической политики хунты — политики голода, против непрекращающихся преступлений. Ребята помогают распространять в стране подпольные антифашистские листовки и газеты. В школах постоянно звучит требование стипендий, школьных завтраков, работы и покоя для всех семей.

Хунта не раз была вынуждена прерывать фестивали песен, потому что в них участвуют юноши и девушки, которые едины в своей ненависти к фашизму. Среди жертв репрессий много детей и молодежи. В докладе ООН указывается тринадцать фамилий подростков в возрасте от 13 до 17 лет, пропавших без вести после того, как они были подвергнуты пыткам агентами ДИНА, чилийского гестапо.

Но дети продолжают бороться. Совсем недавно на имя Джилиан З. Уокер, президента Движения молодежи — организации, оказывающей содействие ООН,— было отправлено письмо. Его авторы, девять чилийских детей, разоблачают хунту, заявившую о том, что родители этих детей «пропали без вести». На самом деле они были похищены ДИНА. Дети призывают ООН потребовать у хунты, чтобы им была предоставлена возможность увидеть своих родителей.

Вот имена этих ребят: Родриго и Альваро Муньос Марин — сыновья инженера Хорхе Муньоса (в момент переворота он был членом ЦК Компартии Чили) и Гладис Марин, Генерального секретаря Коммунистической молодежи Чили; Лусиа, Лина и Хуана Саморано — дочери Марио Саморано, который в момент переворота был членом ЦК Компартии Чили; Иван, Алекс, Нельсон и Маурисьо Донато — сыновья Хайме Донато, выдающегося профсоюзного руководителя, члена компартии.

Это письмо-разоблачение, написанное чилийскими детьми,— еще одна форма борьбы за спасение жизни всем патриотам, которых хунта объявила «пропавшими без вести».

В своей борьбе чилийские дети никогда не были одиноки. Дети Чили хорошо знают, **что такое международная солидарность**. Велика роль солидарности с борьбой чилийского народа советской молодежи, советских пионеров. Достаточно вспомнить, какой широкий резонанс имел телефонный звонок московских пионеров в Сантьяго, когда они требовали освобождения Луиса Корвалана.

Сейчас главная задача — требовать у хунты действительного освобождения всех политических заключенных, добиваться точных сведений о тысячах патриотов, якобы «пропавших без вести», вынуждать хунту в ответ на требование подавляющего большинства стран — членов ООН покончить со зверствами, прекратить нарушение прав человека в Чили.

В этой борьбе солидарность молодежи, активные действия детей могут и должны сыграть важнейшую роль.

Александро ЯНЕС,
член ЦК Компартии Чили.

Перевел с испанского В. КУЧЕРОВ.

Африка. Мали.
Национальное движение пионеров

На карте Африки отыщи Республику Мали. Суверенной республикой она была провозглашена в 1960 году, после долгой, упорной и очень сложной борьбы. В это же время в Республике начали возникать первые пионерские отряды, вернее сказать, группы.

Сегодня в гостях у Международного пионерского клуба «Товарищ» три малийских пионера — МУССА ИЕНА, САМИНАТА ДЖАКИДЕ, АМИНАТА ДЖАРА и руководитель пионерской организации района Кай в городе Ниоро — БОКАРИ СИДИ БЕ.

Когда мы спросили у наших друзей, что они считают сейчас главным в свой работе, они, ни слова не говоря, протянули нам на ладони значок своей пионерской организации и указали на слово «agir», что в переводе с французского значит: «действуй!»

«Действуй!» — это значит: долой пассивность! Пассивность, которую колонизаторы десятилетиями воспитывали в народе.

«Действуй!» — это значит учись, помогай в работе старшим, овладевай мастерством профессий — стране нужны грамотные, знающие, умелые специалисты.

«Действуй!» — это значит: уже сейчас, в пионерском отряде, научись думать о будущем своей страны и действовать на благо родины.

Девиз Национального движения пионеров Республики Мали — «ПИОНЕР — СЕГОДНЯ, ПИОНЕР — ВСЕГДА!». Все, чему ты научился в пионерские годы, ты пронесешь через всю жизнь. И эта будущая жизнь Республики Мали будет такой, какой сделают ее сегодняшние мальчики и девочки и лучшие из них — пионеры. Так думают гости нашего Международного пионерского клуба «Товарищ» и все их друзья по пионерской организации.

— ГЛАВНАЯ ЗАДАЧА нашей организации, — говорит Бокари Сиди Бе,— организовать малийских детей и научить их трудиться и жить на благо родины.

— В пионерском отряде мы учимся петь и танцевать, вышивать и рисовать, занимаемся резьбой по дереву, — рассказывает Мусса Иена.

— Наши пионеры помогают взрослым на полях собирать сахарный тростник, обрабатывать маниоку, арахис, кукурузу, рис, хлопок. Учатся ухаживать за скотом, — говорит Самината Джакиде.

— Дети Мали, как и пионеры Советской страны, — объясняет нам Амината Джара, — хотят тоже вырасти сильными, ловкими, смелыми, и поэтому мы занимаемся спортом...

— И разумеется, — продолжает Мусса Иена, — все мы стараемся быть друг для друга хорошими товарищами. Мы заботимся о младших и о старших, если необходимо. Наш отряд ходит в больницу и помогает ухаживать за больными...

А теперь познакомься с ЗАКОНАМИ пионеров Мали. Вот они:

ПИОНЕР любит своих родителей и во всем им помогает.

ПИОНЕР уважает все то, что делает для него родина, сам старается сделать все, что может для своей страны.

ПИОНЕР Мали — друг пионеров всей Африки и пионеров всего мира.

ПИОНЕР любит работать и доводит каждое дело до конца.

ПИОНЕР физически развит.

ПИОНЕР любит природу и животных.

ПИОНЕР участвует в создании национальной независимой экономики страны, стремится стать хорошим специалистом.

ПИОНЕР дисциплинирован.

ПИОНЕР — для других ребят пример во всем. Свои личные интересы он подчиняет общественным.

Пионерская организация Республики Мали растет с каждым годом. Все больше и больше маленьких малийцев вступают в ее ряды. Пожелаем им успехов во всех их начинаниях и делах на благо Республики!

Л. СИМОНОВА

*

А теперь мысленно перенеси себя на другой континент, в Южную Америку.

Южная Америка. Колумбия.

Союз пионеров.

СОЮЗ ПИОНЕРОВ КОЛУМБИИ работает под руководством Коммунистической партии, которая считает заботу о подрастающем поколении одной из основных своих забот. И это понятно: завтра судьба страны окажется в руках сегодняшних мальчишек и девчонок.

ГЛАВНАЯ ЗАДАЧА пионерской организации Колумбии: подготовить надежную смену комсомольцам и коммунистам, научить ребят любить свою родину и бороться за независимость, социальный прогресс и социалистическое будущее своего народа.

Пионеры участвуют в демонстрациях рабочих. Вместе с рабочими, вместе с коммунистами они

На всей планете...

Рисунки Ю. РОДИНА

требуют: «Долой империализм, янки — вон!» Когда рабочие бастуют, пионеры приносят им еду, выступают перед ними с концертами. Вместе с рабочими, руководимыми коммунистами и комсомольцами, на митингах и демонстрациях пионеры выступают за мир, демократию и социализм.

«Любить свою родину, бороться за мир. Уважать своих вожатых, выполнять все их поручения» — вот основные законы пионеров Колумбии.

Собираясь вместе, раз в восемь дней, отряд помогает пионерам правильно разобраться в политических событиях, происходящих в мире и в стране. Учит действовать вместе, сообща и любое начатое дело доводить до конца. Устраивает спортивные соревнования, концерты, конкурс рисунков.

Организация пионеров должна расти, и каждое спортивное соревнование, каждый концерт или конкурс рисунков — это важное политическое дело, потому что оно привлекает в Союз пионеров новых ребят, показывает им, как интересно быть пионером, какие пионеры хорошие товарищи.

ЭДУАРДО РОХАС раньше не был пионером, но всегда любил рисовать. Когда пионерская организация объявила конкурс рисунков, Эдуардо решил принять в нем участие. Он нарисовал ваксой тоннель. Черный тоннель и желтое солнечное пятно — что это значит? Эдуардо объяснил так: какой бы тяжелой и долгой ни была борьба народов за мир, независимость, свободу, она непременно кончится победой. И будущее народов, борющихся за независимость, за социальный прогресс, за социализм, обязательно будет прекрасным. Солнечным!

Рисунок Эдуардо Рохаса получил первую премию, и Эдуардо поехал в Советский Союз, в пионерский лагерь «Артек». В «Артеке» он подружился с пионерами разных стран, увидел, как живут ребята Советского Союза. Здесь, в «Артеке», Эдуардо решил, что тоже станет пионером.

Сегодня ЭДУАРДО РОХАС, его лучший друг пионер ДЖОВАННИ ЛЬЯМАС и вожатая ПЬЕДАД АВИЛА РОМЕО в гостях у Международного пионерского клуба «Товарищ». Все они очень живые, веселые и непосредственные люди. Они поют замечательные, радостные песни. И просто невозможно удержаться, чтобы не начать вместе с ними петь, хлопать, как они, в ладоши и отбивать ногами ритм. И не подружиться с ними невозможно!

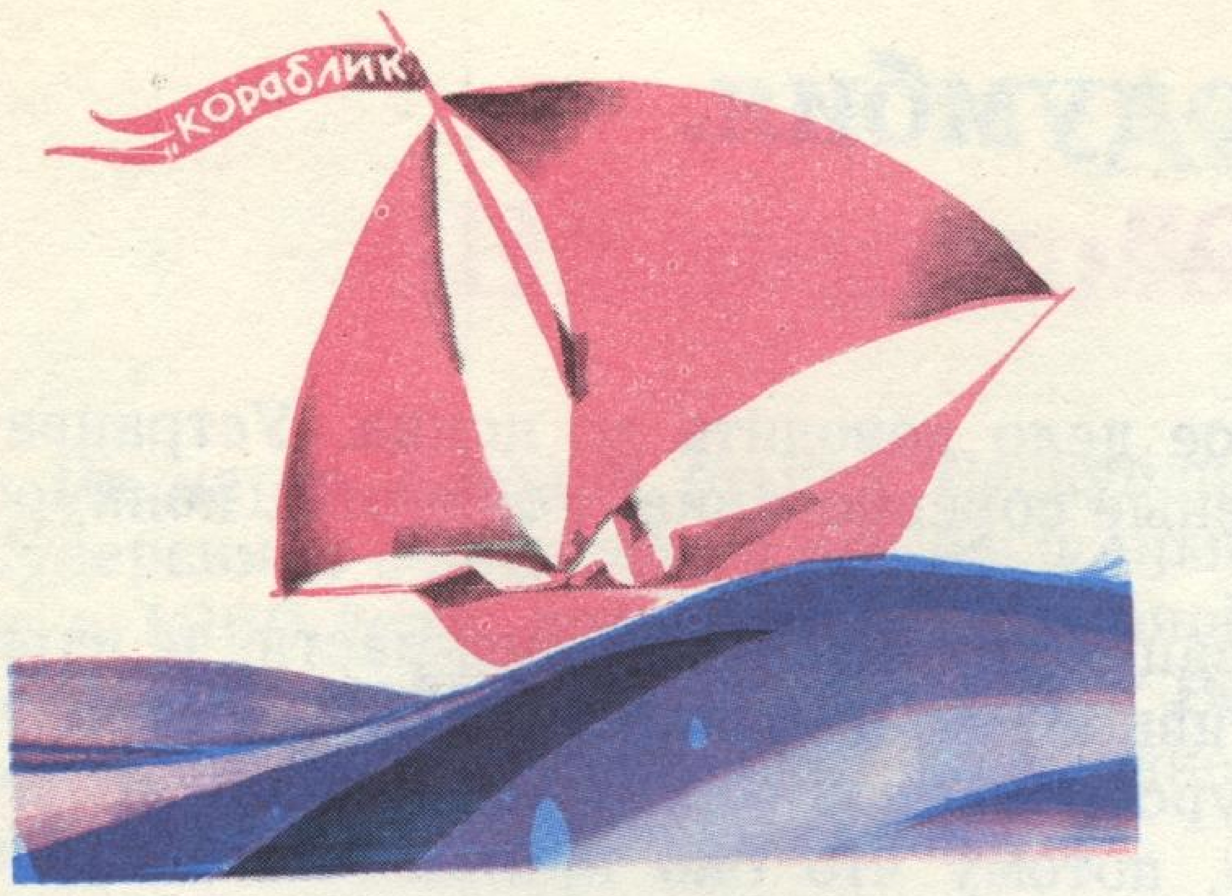
МЕЖДУНАРОДНАЯ СОЛИДАРНОСТЬ ПОБЕДИЛА!

Председатель Парагвайской коммунистической партии Антонио Майдана на свободе!

Освобождены из тюрьмы члены ЦК Парагвайской компартии Хулио Рохас и Альфредо Алькорта, коммунист Ананиас Майдана Паласиос!

Девятнадцать лет провели они в застенках диктатуры Стресснера. Систематически подвергались пыткам и издевательствам.

Освобождение руководителей Парагвайской компартии — победа международной солидарности, прогрессивной мировой общественности.

Эти стихи прислала Оля КОТЛЯЧКОВА из города Кирова. Вообще-то она сочинила целую поэму о мире и счастье на земле. «Кораблик» печатает отрывок из нее.

Мы — дети прекрасной и светлой страны,
Ни ты и ни я — мы не знаем войны.
Нам двери открыты и школ и дворцов,
За мирной работой мы видим отцов.
А есть еще страны, где горе рекой,
Где матери свой потеряли покой,
Где дети не видят ни школ, ни дворцов,
Где жизнь хороша лишь для крупных дельцов.
Там люди бастуют и очень хотят,
Чтоб каждый ребенок ходил в детский сад!
Знамя Ленина пусть светит
Для людей на всей планете!

Оля НЕСТЕРОВА живет в Челябинске. Ее стихи — о родном городе.

Мой город

Тысячетрубный мой Челябинск,
Он встал, раскинув свой шатер,
Домами в синеву врезаясь,
У поседевших синих гор.

Дымит завод, не прекращая
Работу трудную свою
И металлургов созывая
На вахту в трудовом бою.

Аллеи в парках молчаливых,
Фонтанов тихий, синий всплеск —
Все это город мой красивый,
Край сказок мудрых и чудес.

Бажов его воспел когда-то
В своих былинах старины...
Встают уральские закаты
Над юным городом весны.

Наташе ЛИТВИНОВОЙ 14 лет. Она москвичка. Наташа поет в хоре и занимается в кружке юных кинолюбителей. Она уже давно присылает свои стихи в «Кораблик». Хороших стихов у нее много. Вот одно из них.

Весна

Заблудилась тропинка лесная,
Упираясь в весенний поток.
Ветер кружит и с ветки срывает
Прошлогодний, в морщинах, листок.
Но порой, прорываясь сквозь тучи,
Пролетит незаметной стрелой
Удивительно тоненький лучик,
Лучик солнца, рожденный весной.

«Меня зовут Таня КИРИЛЛОВА. Мне 12 лет. Учусь я в шестом классе. Я люблю музыку и стихи». Живет Таня в Чувашии, в поселке Ибреси.

Апрель

За окном звенит капель,
За окном идет апрель!
Ручейки бегут, звеня,
И зовут с собой меня.

Велосипед

У меня велосипед,
Я на нем катаюсь.
Солнцу, маме и весне —
Всем я улыбаюсь.
Ветерок свистит в ушах,
И мелькают спицы...
Я не жадничаю. На!
Хочешь прокатиться?

Лене БАСОВОЙ 11 лет, она из Грозного.

Приятели

Было в первом «а» два друга:
Витя — первый озорник,
А его приятель Коля —
Самый лучший ученик.

Занимался Витя плохо,
И в один прекрасный день
Анна Павловна сказала,
Что всему причина — лень.

«Подтяни-ка его, Коля!»
«Хорошо!» — ответил тот.
И вот Коля по бульвару
К другу с книгами идет.

Тщетно он над Витей бился.
«Кол на голове теши!
Ничего не понимаешь!
Ну, уж ладно, друг, — спиши...»

Тот списал, но понаставил
Кляксы в Колину тетрадь.
Витя получил пятерку,
Коля — единицу хвать!

Анна Павловна сказала:
«Не пойму я ничего!»
Витя вдруг поднялся с парты:
«Можно, подтяну его?»

Сережа ДИНЕР живет в Егорьевске. Ему 12 лет. «Я бы хотел, чтобы на земле всегда было много деревьев, цветов и птиц», — написал нам Сережа.

Могучие великаны

Возле нашего дома растут два тополя. Их в 1914 году посадил мой дед. Жаль, что деревья не умеют разговаривать, а то они столько интересного рассказали бы!

Из земли около тополей торчат могучие корни. Толстые, морщинистые стволы поднимают к солнцу старые здоровенные сучья. Эти сучья нависли над крышей нашего дома, как бы защищая его от непогоды.

Когда дует слабый ветерок, листья тополей перешептываются между собой, а когда перед грозой порывистый ветер с разбегу врезается в деревья, сучья ревут, качаются, шумят, как бушующее море.

Проснусь я утром, гляну в раскрытое окно, тянет ко мне тополь свои молодые побеги с зелеными листочками, покрытыми серебристой росой. Они как будто говорят: «Здравствуй, здравствуй!» Люблю я читать интересную книгу на скамейке под тополями.

Рисунки А. БОРИСОВА

Москва бережет

Рисунки Ю. БОНДАРЕНКО

Весна идет по стране,
и вместе с ней
набирает силу наша операция

«Подснежник».

В нее уже включились
ребята из республик
Средней Азии и Закавказья.
Весна движется на север.
В помощь ребятам,
участникам экспедиции

«Подснежник»,

ребятам центральных
и северных областей
мы печатаем эти странички.

Двадцать два подзащитных

Начиная с 1960 года в Латвии, Эстонии, Белоруссии, на Украине, в Крыму издавались постановления об охране редких дикорастущих растений.

В июне 1976 года вынесли свое решение Мособлисполком и Мосгорсовет. **В городе Москве и на территории лесопаркового защитного пояса запрещается продажа любых дикорастущих растений.** Это значит: кто вынесет на продажу букетик ландышей или ветку черемухи, тот нарушил закон.

Двадцать два подмосковных лесных и полевых растения вошли в список, получили охранную грамоту. Согласно закону, их никому не позволено собирать.

подснежник

Запомни их названия:

Плаун (все виды)
Кувшинка (водяная лилия)
Кубышка желтая
Пролеска благородная
Прострел раскрытый (сон-трава)
Ветреница дубравная
Ветреница лесная
Купальница европейская
Живокость высокая
Первоцвет обыкновенный
Медуница (все виды)
Купена (все виды)
Ландыш майский
Хохлатка (все виды)
Шпажник черепичатый
Ирис-касатик водяной
Горечавка легочная
Гвоздика пышная
Колокольчик широколистный
Колокольчик персиколистный
Орхидеи (все виды)
Волчник смертельный (волчье лыко)

«Мы уносим цветы в своей душе»

В этом списке особо выделены первоцветы. С ними подробней познакомят тебя юные биологи из кружка при Московском Дворце пионеров, которые ведут Красную книгу растений Подмосковья. Каждое воскресенье они путешествуют по подмосковным лесам, но никто из них не сорвал ни одного цветка. Ребята знают, что не только для букетов, но и для школьных и студенческих гербариев нельзя срывать цветы, занесенные в Красную книгу. «Мы их уносим в душе»,— сказала Ира Горидько.

Об этих «унесенных в душе» цветах и рассказывали кружковцы в редакции «Пионера»

Медуница

Под Москвой, в лесопарках и на Лосином острове, еще много медуницы, она встречается и в черте Москвы. Но этот первоцвет уже взят под охрану. Слишком много любителей поставить дома в вазочку разноцветный нарядный букетик. Ведь у медуницы цветы меняются с возрастом: молодые поярче, покрасней, а те, что постарше,— синие.

Бывает часто и так: рука, ухватившая стебелек, вытаскивает из земли все корневище. Хотел человек сорвать один цветок, а погубил и все остальные, еще не расцветшие.

Медуницей ее назвали не случайно. Она один из первых лесных медоносов. Ранней весной ее мед собирают полосатые шмели, которые будут потом опылять клевер на полях, яблони в садах.

Медуницу охотно едят весной олени, лоси и другие копытные. Она богата аскорбиновой кислотой и другими ценными питательными веществами. В Англии из ее листьев приготовляют весенние салаты. Отваром медуницы издавна лечат легочные и простудные заболевания.

Всем: и шмелям, и оленям, и людям — нужен этот весенний лесной цветок.

Прострел раскрытый (сон-трава)

20 лет назад сон-траву можно было встретить в Москве, в Серебряном бору, а теперь увидеть ее — целое событие. Нам она повстречалась только однажды, в ста километрах от Москвы — на юге Московской области, в Приокско-Террасном заповеднике. Этот первоцвет быстро исчезает, граница его распространения спускается все южнее: почва в лесах загрязняется, утаптывается.

Сон-трава не растет густо, 6—7 цветков рядом — уже много. Букет быстро вянет, трудно довезти его до дома. Эти первоцветы и влаголюбивы и ядовиты: в букете они губят друг друга.

Сон-трава распускается ранней весной, в холодное время. Растению важно «разгореться», а яд ускоряет химические реакции, при его распаде выделяется больше тепла.

Но из ядовитой сон-травы человек умеет приготовлять лекарство.

Первоцвет обыкновенный (баранчики)

Как и медуницу, надо беречь и желтую лесную примулу — баранчики. Это тоже первый медонос для насекомых и первое лекарство для перезимовавших зверей.

Хохлатка

Этот красивый и нежный цветок рвут беспощадно. Стебель у нее крепче корневища, и, когда дергают, вытаскивают даже клубень. Тем более, что растет хохлатка на рыхлых почвах, чаще всего по оврагам. И насколько хороши эти неяркие цветы среди первой зелени в лесу, настолько они кажутся жалкими и несчастными в тесном букете. Да и вянут быстро...

Все реже и реже встречается хохлатка. А ведь она, как и все первоцветы,— и медонос и лекарственное растение.

Пролеска благородная (печеночница)

Пролеску никто из нас в подмосковном лесу не видел... Знаем, что растет она в широколиственных лесах с березами и елями. Размножается только семенами, поэтому плохо восстанавливается. Очень хочется сохранить оставшиеся растения, чтобы этот чудесный сине-лиловый подснежник украшал не только поздравительные открытки...

Волчье лыко

Кто увидит в лесу волчье лыко, тот остановится как вкопанный: на голых, еще без листьев, ветках распустились розовые цветы.

Опыляют цветы волчьего лыка особые мушки. Для них это прикосновение к цветам не опасно. Но если человек попробует сорвать розовый цветок — он заплатит за это язвою на коже. У волчьего лыка все ядовито: и цветы, и листья, и кора, и сок. Недаром научное название этого кустарника — самого ядовитого из всех подмосковных растений — «волчник смертельный».

Ветреница лесная

Ветреницу, чаще дубравную, но и лесную тоже мы встречаем довольно близко — за 30—50 километров от Москвы. Она устилает целые поляны в смешанных лесах. Особенно любит рыхлые почвы, богатые перегноем.

Десять лет назад белая ветреница дубравная встречалась даже в городе, на Ленинских горах. Теперь ее там уже не найдешь. Зато целые охапки ветрениц мы видим у торговок на вокзалах и рынках. И мы очень рады, что это растение теперь защищается законом.

Страницы из Красной книги растений Подмосковья комментировали московские школьники Света Порфирова, Оля Селицкая, Женя Степанова, Маша Киселева, Ира Горидько, Олег Баринов.

Татьяна КОТЕНЕВА

Весна под землей

Как ухитряется апрель
Проникнуть глубоко в тоннель?
Здесь не бывает ни грачей,
Ни луж, ни солнечных лучей,
И никому еще пока
Здесь не встречались облака.
Но по-весеннему легки
В метро гуляют ветерки.
В них запах тающих полей
И мокрых веток тополей.
А светофоры вдалеке,
Как лютики на стебельке.
И очень может быть, что тут
К утру фиалки расцветут.

*

Михаил ПЛЯЦКОВСКИЙ

Веселое Скворечество

К нам шлет весна своих гонцов —
Крикливых, радостных скворцов.
И деревянные дворцы
Им строит человечество.
Довольны шумные жильцы —
Веселое Скворечество.
Из дальних стран спешат
скворцы —
И старожилы и юнцы.
Летит в свое отечество
Веселое Скворечество!

ОТ СОВЕТА ОПЕРАЦИИ «ПОДСНЕЖНИК»

А какие первоцветы стали редкими в твоих краях? Как они называются, где растут, когда цветут?

Покажи этот номер журнала взрослым, расспроси их, приняты ли в ваших краях решения об охране лесных и полевых цветов.

Обо всем, что узнаешь, напиши нам в очередной весенней сводке «Как живется первоцветам».

Илья ФОНЯКОВ

Быть ли в деревне

Мальчику сказали: нарисуй деревню! И мальчик нарисовал бревенчатый одноэтажный дом, крылечко, два окна с голубыми наличниками, трубу, на трубе кошку. Нарисовал серый волнистый плетень и колодец с «журавлем».

— Хорошо,— сказали ему.— А теперь нарисуй город.

Мальчик нарисовал высокие многоэтажные дома, вывески, автомобили.

Я вспомнил эти рисунки, стоя у небольшого ложка. Справа от меня теснились низенькие деревянные дома с шиферными и тесовыми крышами, с огородами и колодцами. Слева, по другую сторону ложка, поднимались корпуса многоэтажного жилого массива. Город и деревня встретились лицом к лицу. Но самое удивительное было в том, что деревянные одноэтажные — это был как раз город! Город Любань Ленинградской области. А многоэтажные громадины — поселок совхоза, который тоже называется Любань. То есть, по существу, деревня.

Получалось все наоборот! Жизнь движется, меняет наши привычные представления. Многоэтажных деревень уже сегодня немало. Особенно много их в Московской, Ленинградской областях, есть они и в других местах. Конечно, обычных, бревенчатых и одноэтажных, пока неизмеримо больше. Но «городские» дома в сельской местности уже привлекли всеобщее внимание. О них говорят, о них спорят. Они радуют одних и возмущают других. Все это, конечно же, не

небоскребам?

случайно. За всеми этими спорами очень серьезный вопрос: какой быть завтрашней, послезавтрашней деревне, какой быть ей через двадцать, через тридцать лет? А в том, что она должна как-то измениться, теперь уже ни у кого нет никаких сомнений.

Спорят сами сельские жители, спорят горожане, которым жизнь деревни тоже небезразлична. Вот я, например, вырос в городе. В большом городе. В детские мои годы я запомнил этот город сражающимся: окруженным, израненным, пылающим, но не сдающимся. Страшнее снарядов и бомб косил людей голод. Может быть, с тех пор у меня выработалось особое уважение и почтение к хлебу. Я и сейчас не побрезгую куском, упавшим на землю. А уважение к хлебу — это прежде всего уважение к людям, которые его вырастили.

Но эти люди еще и сегодня живут во многом труднее, чем горожане. Не беднее, а именно труднее. Все-таки, согласитесь, намного удобнее жить в благоустроенной городской квартире, куда и вода сама поднимается по трубам, и тепло приходит само, где есть и ванна, и душ, и газовая плита на кухне. Именно по этой причине и двинулись в деревню многоэтажные дома.

— Все это, конечно, так,— возражают многие,— но что же в итоге получится? Не деревня и не город. Какой-то, может быть, ухудшенный город. Потому что все равно в деревне нет и не будет ни театра, ни стадиона, на котором проходят матчи всесоюзного

Рисунки П. ПАНЧЕНКО

первенства, ни Дворца пионеров. Зато утратится безвозвратно многое из того, чем жизнь в деревне всегда была привлекательна. Человек, выросший в деревне, всю жизнь вспоминает потом росистые тропинки, по которым бегал босиком, теплые доски родного крыльца, круглые головы подсолнухов над плетнем, вкус плотной, только что с огорода, морковки или репки! Тот, кому предстоит всю жизнь работать на земле, не должен отрываться от нее, не должен возноситься на пятый этаж! Нельзя ли сделать так, чтобы деревня стала уютнее и удобнее, не переставая быть в то же время деревней?

Не пустой это спор, а самый что ни на есть своевременный. В 1974 году Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза и Совет Министров СССР приняли важное постановление «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства нечерноземной зоны РСФСР». Нечерноземье — огромный край, земли исконно русские, богатые исторической славой.

Мне довелось побывать в Псковской области в колхозе имени Александра Невского, и дано это имя колхозу не просто так, а потому, что расположен он невдалеке от того места, где произошло когда-то знаменитое Ледовое побоище. Вначале я упоминал название Любань, и многие мои читатели, наверное, вспомнили, что оно встречается еще у Радищева, близ этой станции, в ту пору, конечно, не железнодорожной, а почтовой, автор «Путешествия из Петербурга в Москву» беседовал с крестьянином, пахавшим ниву «с великим тщанием». А в одной из местных газет прочитал я заметку краеведа: изучив старинные документы, он установил, что маленькая по нашим временам деревенька Трубников Бор упоминается еще в 1500 году, еще в те далекие времена некие Ивашко Кузьмин да Яшко Нестеров в этих местах «рожь сеяли да сено косили».

В наше время в Российском Нечерноземье живут десятки миллионов человек, здесь расположены важнейшие промышленные центры страны, включая Москву и Ленинград.

Не случайно развитию сельского хозяйства в этом крае было уделено столь большое внимание. Тридцать пять миллиардов рублей — огромная сумма! — будут ассигнованы на это дело государством на 1976—1980 годы. Триста восемьдесят тысяч тракторов, девяносто четыре тысячи зерновых комбайнов, двести тридцать тысяч грузовых автомашин предстоит получить колхозам и совхозам Нечерноземья за это пятилетие.

Был взят курс на сооружение высокомеханизированных животноводческих комплексов. Первые из них я уже видел. Это действительно такие фермы, каких мы еще не знали. Фермы, где даже привычные сельские профессии называются по-новому. Не доярка, к примеру, а оператор машинного доения. На такой ферме не скучно будет работать выпускнику сельской десятилетки.

Большое внимание было обращено в постановлении на повседневный быт. Характерная черта Нечерноземья — множество маленьких, порой карликовых населенных пунктов. У такой деревни может быть славное историческое прошлое, но сейчас в ней три-четыре дома, десять — двенадцать жителей. Пусть даже немного больше — все равно в каждой такой деревеньке по-отдельности жизнь по-современному не наладишь.

Было определено единственно верное решение: выделить наиболее перспективные населенные пункты и оселять туда жителей из маленьких, «угасающих» деревень.

Но какими должны быть эти «перспективные» поселки, какие дома строить в них, как лучше распорядиться щедрыми государственными ассигнованиями? Ведь из того, что государство расщедрилось, вовсе не следует, что эти средства можно тратить бездумно, нерасчетливо. Это деньги народные, они должны «работать» с максимальным «коэффициентом полезного действия».

Споры не утихали. И я решил побывать в тех многоэтажных деревнях, которые уже существуют, выслушать мнение их жителей.

На лестнице стандартного пятиэтажного дома я встретил мальчика. Он вежливо поздоровался со мной, незнакомым человеком,— добрая сельская традиция.

В квартире звеньевого-картофелевода совхоза «Ушаки» Виктора Александровича Захарова полированный городской уют, сверкающая белизной кухня, плита со счетчиком времени. Пожалуй, даже уютнее, более погородскому, чем у иных моих городских друзей. Чувствуется, что обитатели квартиры не нарадуются этим удобствам и благам, гордятся ими. Их можно понять.

— Раньше-то мы в деревянном доме жили,— рассказывала хозяйка Валентина Капитоновна, работница совхозной теплицы.— Жили как заведено в деревне: огород, поросенка держали. И не то, чтобы уж так это надо было, скорее по традиции. Никуда ни уйти, ни уехать ни на один день. Теперь уж и не вспоминаю, как тогда жили: привыкли к новой квартире. Отработал день — и сам себе хозяин. Молоко в совхозе покупаем. Картошка, правда, своя — отвели нам участок. Но и то больше по традиции.

Захожу в другую квартиру, в третью, четвертую. Очень интересно: кое-где привычные деревенские сундуки и половики — словно изба поднялась на лифте до уровня четвертого-пятого этажа. Но чаще встречается все-таки городской облик жилища.

Только одно непривычно, не сразу и поймешь, в чем дело, а потом догадываешься: больше света. Ведь в городе дома стоят, как правило, кучно, а здесь они расположились широко и вольно. Из окна видны пашни, скирды соломы, вдали лиловатый дымок над

игрушечно маленьким трактором. Особый из окна вид, не городской и не сельский: для городского — слишком просторно, для сельского — слишком высоко.

Говорят, правда, что зимой, особенно при сильном ветре, в квартирах бывает холодновато: ведь в городе стоящие тесно дома не только застят друг другу свет, но и заслоняют, согревают друг друга. Этого строители просто не предвидели: пятиэтажные дома «Ушаков» перенесены в деревенские условия из города без всяких изменений.

А вот в другом совхозе — «Агротехника» — я познакомился с деревенскими «небоскребами», спроектированными специально для села, с учетом накопленного опыта и пожеланий сельчан. У них утепленные стены, расширенные кухни, в стены встроены «холодные» шкафы — в зимнее время они используются как холодильники. Предусмотрены кладовые с вентиляцией для сушки одежды: сельский житель много работает на открытом воздухе, причем в любую погоду.

И обитателям — трактористам, комбайнерам, дояркам — нравятся такие квартиры. Руководство совхоза предполагает построить еще и двенадцатиэтажный Дом молодежи гостиничного типа. Вот это будет небоскреб!

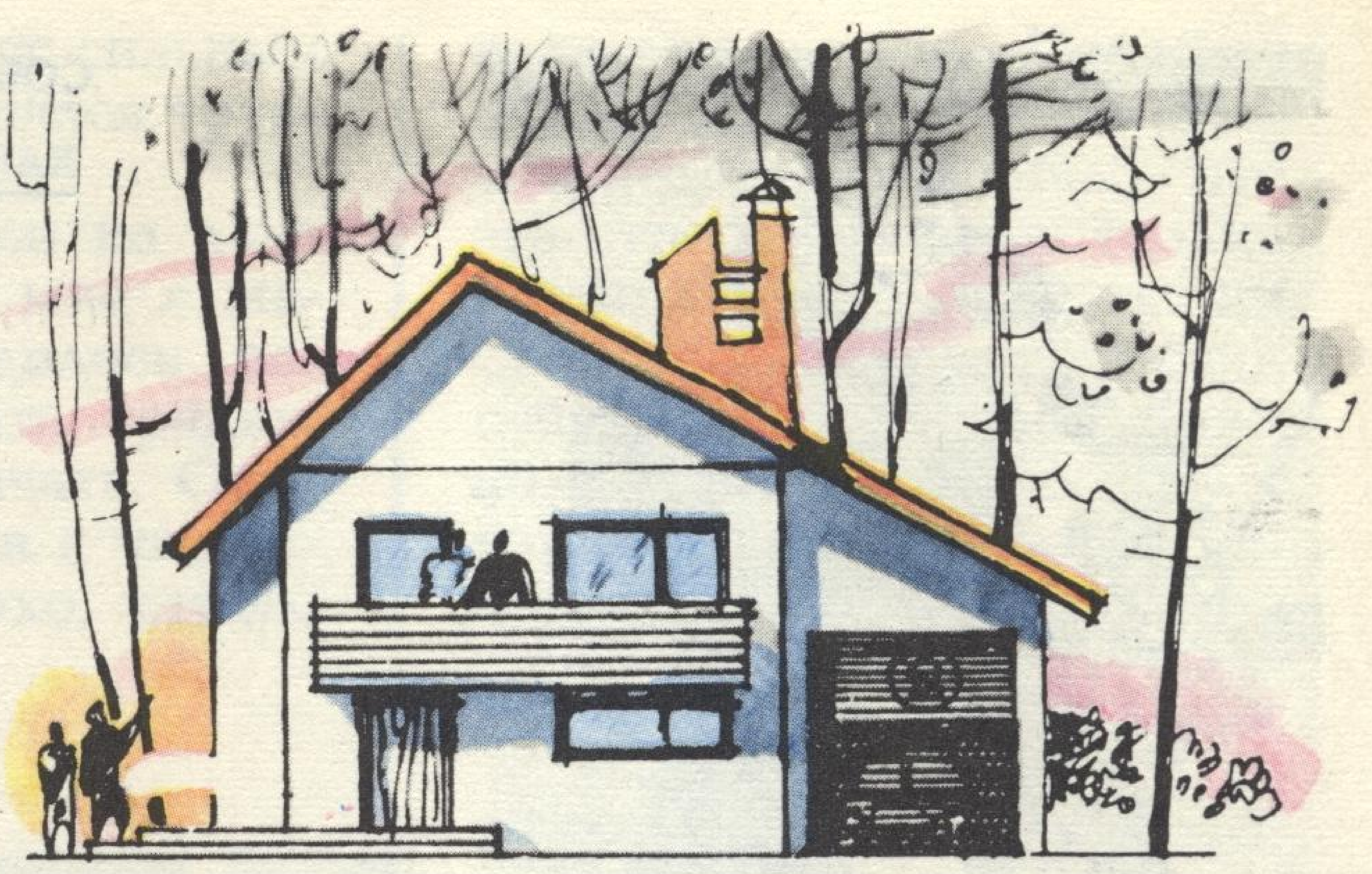
Этот поселок в совхозе «Агротехника» — экспериментальный. Еще не все вопросы окончательно решены, споры о том, какой быть будущей деревне, продолжаются, и это естественно.

Есть горячие и убежденные сторонники деревни многоэтажной. «Мне думается, что когда-нибудь у нас будет стоять один на всю деревню каменный пятиэтажный «пятистенник» со скромной табличкой «Бондарка» или «Озерки». Чего-чего, а уж грязи топтать по осени будут меньше», — пишет мне один из читателей, учитель, много лет работающий в селе.

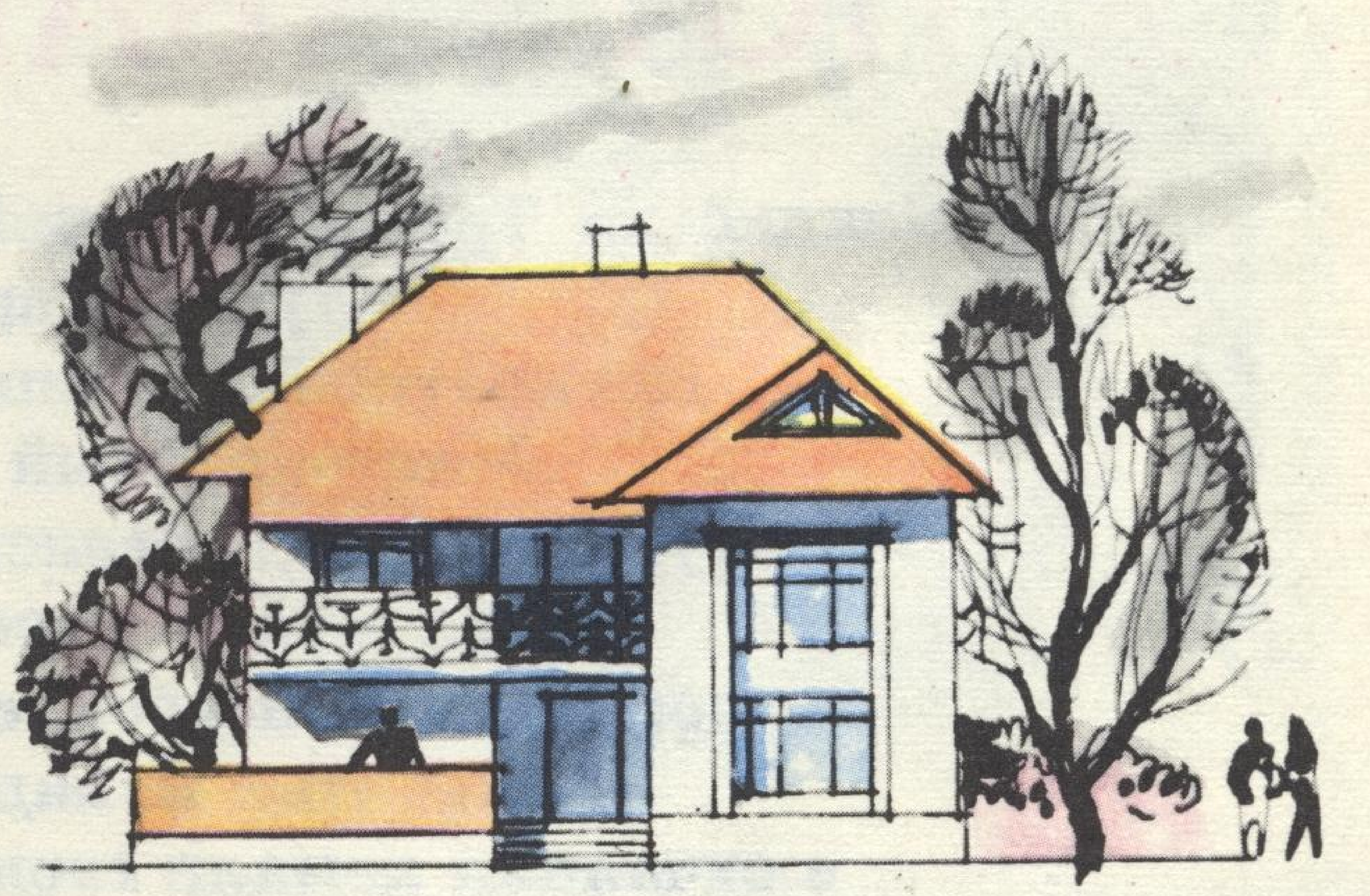
А вот другая точка зрения, другого читателя — пенсионера, в прошлом партийного работника: «Думаю, что подталкивание сельского строительства в высоту не самый лучший путь. Конечно, пятиэтажный многоквартирный дом легче спроектировать и построить, чем отдельные дома для такого же количества людей, но всегда ли самый легкий путь вернее всего приводит к цели?» И автор серьезно аргументирует свою точку зрения.

Не будем сегодня делать для себя окончательный вывод, кто прав. Страна велика, совхозов и колхозов много, и не все они сразу, как по мановению волшебной палочки, изменят свой облик. Это будет продолжаться годы и десятилетия.

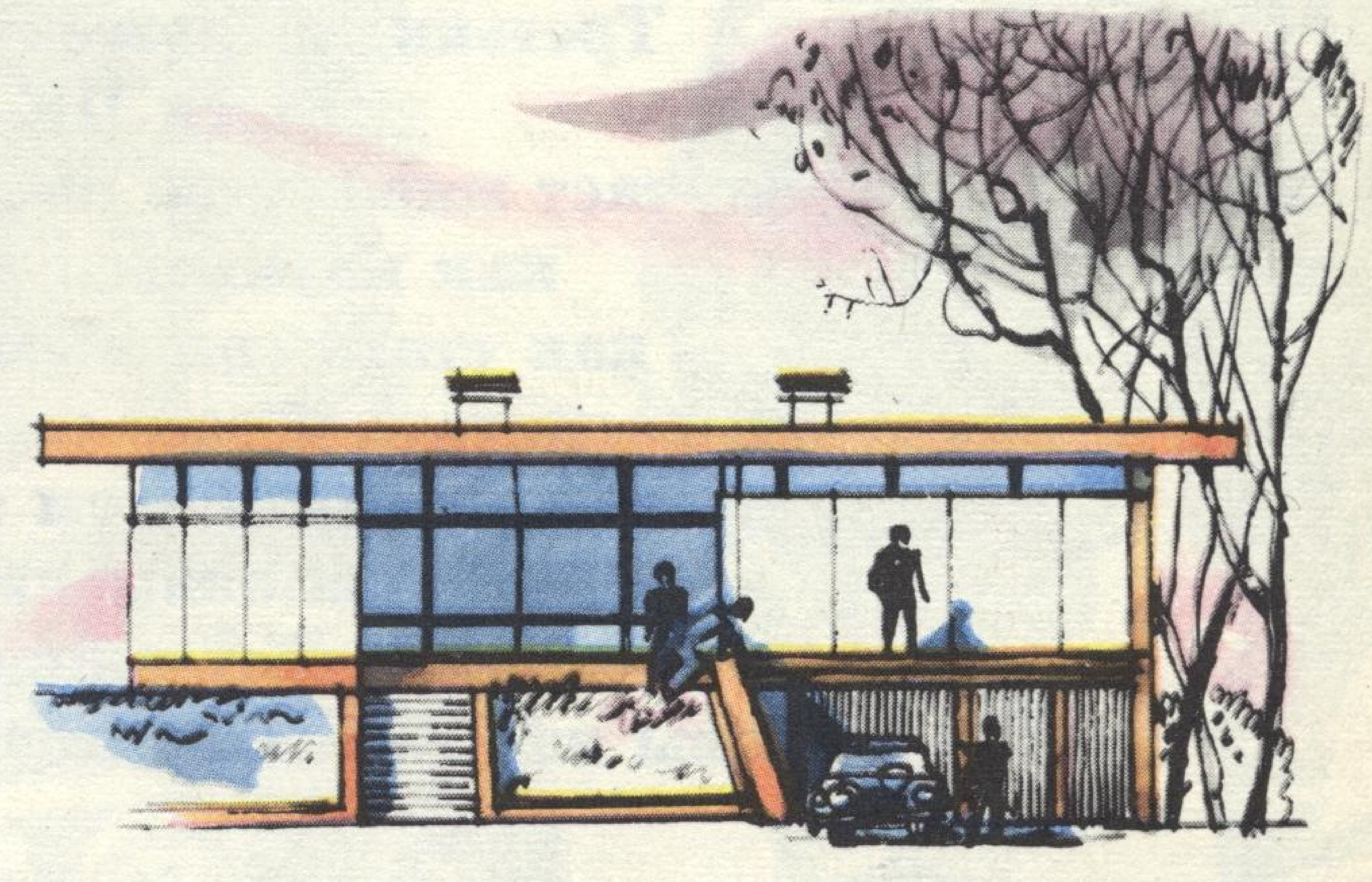
А пока, ребята, давайте возьмем чистый лист бумаги и попытаемся представить себе, какой вы хотели бы видеть деревню, ну, скажем, лет через пятнадцать. Попробуйте нарисовать ее карандашом или красками. И присылайте нам свои рисунки.

А это экспериментальный дом для села нечерноземной полосы: однокомнатная квартира с мансардой.

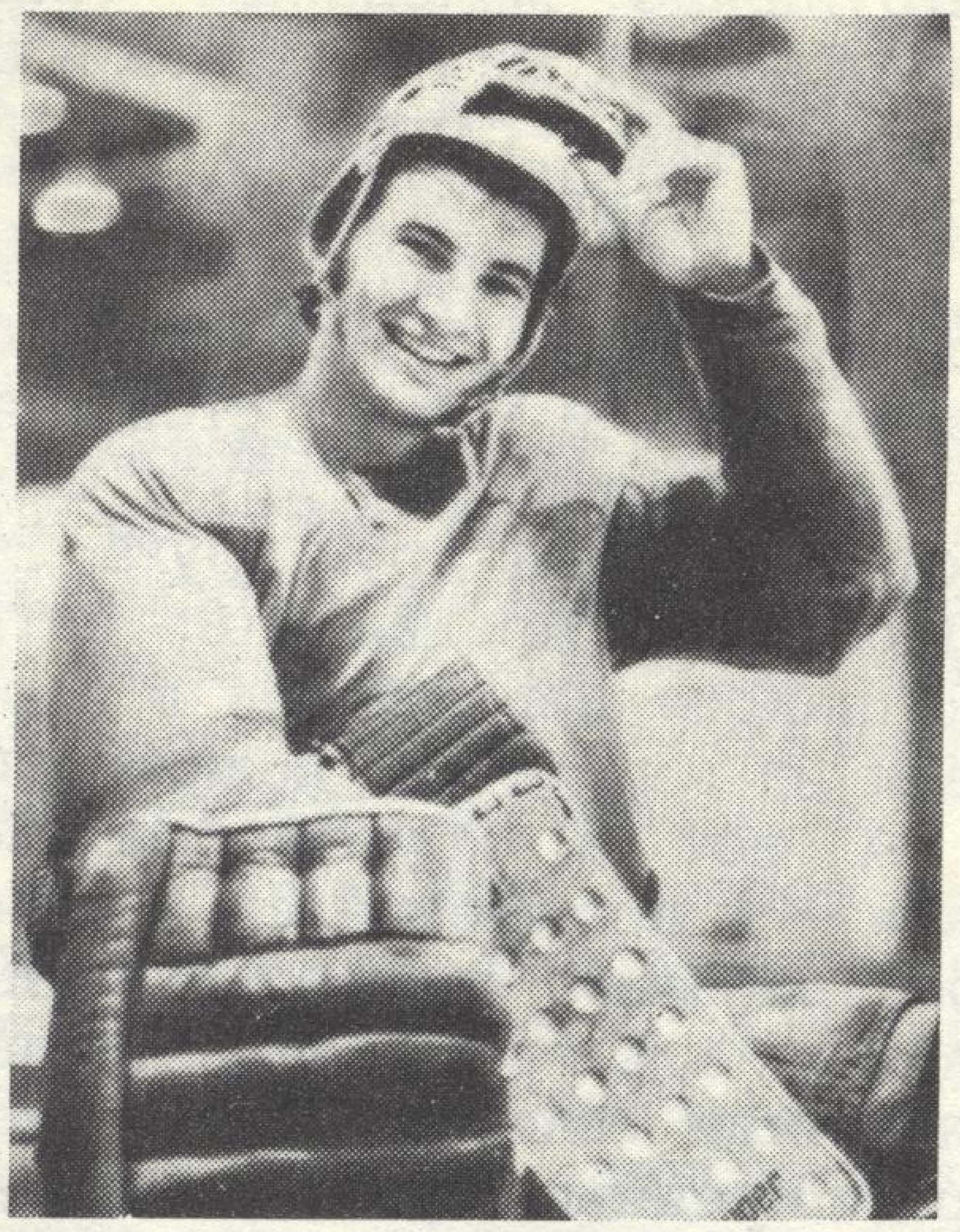
Молдавские архитекторы предлагают дома из очень удобного для строительства камня, который добывается тут же, на месте.

Литовские архитекторы создали проект вот такого сельского дома из фибролитовых панелей.

СОВЕТСКИЙ ХАРАКТЕР

ЧАСОВЫМ Я ПОСТАВЛЕН У ВОРОТ

**Владислав Третьяк — герой современного спорта.
Лучший вратарь.
Двукратный олимпийский чемпион.
Многократный победитель
в турнирах на первенство мира и Европы.
Его называют укротителем шайб,
человеком без нервов, спрутом на коньках.
Знаменитые канадские форварды
в отчаянии ломали свои клюшки после того,
как Третьяк хладнокровно отражал их яростные атаки.
Когда наблюдаешь за его игрой,
кажется, что под маской вратаря
скрывается какой-то механический человек,
не знающий, что такое страх, не ведающий ошибок.
Но вот Третьяк снял маску.
Ничего подобного! За маской — живое, умное лицо.
Третьяк, заслуженный мастер спорта,
член ЦК ВЛКСМ,
получает множество писем от ребят с вопросами:
как научиться играть в хоккей,
как стать сильным и мужественным,
как воспитать в себе смелость и настойчивость?
Чтобы ответить всем своим юным друзьям,
наш знаменитый вратарь
работает сейчас над книгой.
Главы из нее мы предлагаем вашему вниманию.**

Фотографии А. АБАЗЫ,
А. БОЧИНИНА и Фотохроники ТАСС.

Спортом я занимался с самого раннего детства. Семья у нас была спортивная. Мама — преподаватель физкультуры в школе — в 30-е годы неплохо играла в хоккей с мячом за московский клуб «Металлург» (были тогда женские команды). Отец — военный летчик — хотел, чтобы я рос сильным и с детства не боялся трудностей.

Летом мы жили на даче под Москвой, и мне с малых лет приходилось носить воду, копать грядки, полоть, слесарничать. Отец был суров и, если я что-нибудь делал плохо, строго наказывал меня. Порой я очень обижался на него, но впоследствии понял, что эта строгость пошла только на пользу. Кем бы ты ни стал, к какой бы профессии себя ни готовил, очень важно с детства привыкнуть к труду и дисциплине. Начинать надо с малого: каж-

Дома и на льду.
Четырехлетний Димка тоже хочет научиться играть в хоккей.

Владислав Третьяк тренирует юного вратаря.

Перед матчем с друзьями-армейцами.

дый день помогать родителям в домашних делах. И очень важно, чтобы всякая работа, за которую ты берешься, была сделана хорошо.

Возможно, я говорю общеизвестные истины, но мне они представляются очень важными.

Все виды спорта мне нравились, и везде хотелось стать чемпионом. Я охотно выступал в школьных соревнованиях по легкой атлетике, волейболу, баскетболу, футболу, лыжам.

В бассейне «Динамо» я по примеру своего старшего брата пробовал заниматься плаванием, но почему-то все время мерз и из-за этого большую часть времени проводил не в воде, а стоя под горячим душем.

Потом я увлекся прыжками в воду. С полутораметрового трамплина прыгал нормально, не боялся, а однажды забрался на пятиметровую вышку. Снизу она казалась мне не очень высокой, но, когда я подошел к краю и посмотрел на воду, сердце у меня замерло и колени затряслись. Я стоял на вышке не в силах прыгнуть, и с каждой секундой страх становился все сильнее. Высота казалась огромной, а вода твердой, как камень. Мне предстояло научиться преодолевать страх. Эту науку я постигаю и теперь, но начинать пришлось тогда: я прыгнул с той пятиметровой вышки.

Первая спортивная награда... Это была почетная грамота, в которой сказано, что средняя школа № 740 награждает Владислава Третьяка за отличное выступление по гимнастике на Красной площади 1 Мая 1963 года.

Тот день я запомнил очень хорошо. Тысячи школьников участвовали в первомайской демонстрации. Мы были одеты в одинаковую спортивную форму и четко и слаженно выполняли комплекс спортивных упражнений. Потом взрослые физкультурники на плечах унесли нас с площади. День был пасмурный, холодный, но во мне осталось ощущение яркого праздника.

Осенью я влюбился в гимнастику. Записался в секцию.

Но когда наступила зима и выпал снег, мне показалось, что нет ничего лучше лыжных гонок. Каждое воскресенье мы всей семьей отправлялись на лыжах в Серебряный бор. Я катался быстрее всех в классе.

Но вот пришло лето, и футбол завладел всем моим существом. Я твердо решил: все, точка, остановлюсь на футболе. Моим кумиром был знаменитый защитник Альберт Шестернев.

А потом снова наступила осень...

Прочитав это, многие, возможно, осудят меня: вот, дескать, какой ветреный был Третьяк. Но не надо забывать одного очень важного обстоятельства: мне тогда едва исполнилось десять лет. А в этом возрасте мальчишке полезно испытать себя в разных видах спорта. Во-первых, каждый раз он приобретает какие-то новые качества для своей спортивной закалки. Во-вторых, он овладевает самыми разнообразными навыками. И, в-третьих, вы, наверное, согласитесь со мной: чем шире будет выбор, тем меньше вероятность ошибиться.

...Итак, снова наступила осень. Моя мама проводила урок физкультуры в бассейне Центрального спортивного клуба армии (ЦСКА). Я учился в другой школе, но упросил маму взять меня с собой. В ее классе были два мальчика, которые занимались в хоккейной школе ЦСКА и уже имели настоящую форму хоккеиста. И вот я увидел эту форму. Смешно, но она тогда просто поразила меня. Как я завидовал этим мальчишкам! А вечером, придя домой, твердо сказал маме: «Я тоже хочу такую форму».

На мое счастье, утром следующего дня в детской спортивной школе ЦСКА проходил набор юных хоккеистов. Я явился туда спозаранку. Конкурс был огромный. На каждое место претендовало двадцать ребят. Но мне повезло: приняли. Я был горд и счастлив. Сейчас-то я понимаю, почему мне удалось пройти этот трудный конкурс: потому что, занимаясь различными видами спорта, я многому научился, стал сильным.

Многие мальчишки в своих письмах жалуются: «Мечтаю стать хоккеистом, но для тренировок у нас нет абсолютно никаких условий — ни катка, ни формы, ни тренера. Посоветуйте, что делать?» Мой совет — не сидеть сложа руки. Безвыходных положений не бывает. И если действительно у вас нет условий для игры в хоккей (во что я не верю), займитесь каким-нибудь другим видом спорта.

...В школе ЦСКА мы тренировались три раза в неделю по полтора часа. Я был нападающим и старался изо всех сил. Но время шло, а я все еще не получил настоящую хоккейную форму. «Не хватает на всех»,— объяснил тренер

Виталий Георгиевич Ерфилов.

Ну, хоть плачь...

В то время у нас в команде не было вратаря, никто не хотел стоять в воротах. Я подошел к тренеру и сказал: «Дадите мне настоящую форму, буду вратарем». Тренер посмотрел на меня внимательно: «А не боишься?» «Чего же бояться?» — простодушно ответил я.

Откуда мне тогда было знать, как больно бьет шайба и как тяжела доля вратаря. Больше всего мне хотелось получить настоящую хоккейную форму, и я получил ее.

И стал вратарем?

Нет, не стал... До того, когда я мог назвать себя настоящим вратарем, было еще далеко. Очень далеко...

Я тяжело переживаю неудачи. Может быть, оттого, что нашей команде чаще доводится побеждать, чем проигрывать. Когда я был маленьким и, случалось, мы проигрывали, я не мог сдержать слез. Так становилось горько и стыдно.

Год спустя после того, как мне дали хоккейную форму, мы встречались со своими сверстниками из команды «Динамо». Наш вратарь Саша Карнаухов получил травму и выбыл из игры. Я был запасным. Тренер говорит: «Ну, давай, Владик, на лед!» Я встал в ворота и испугался. Страх был таким же сильным, как и тогда, на вышке в бассейне. Когда шайба летела в наши ворота, я закрывал глаза и шарахался от нее в сторону. Я уже знал, какая она тяжелая, эта шайба. Десять голов забили нашей команде в тот вечер. После матча я сквозь рыдания говорил тренеру, что из меня никогда не получится вратарь. «Получится,— успокаивал Виталий Георгиевич.— Вытри слезы и приходи завтра на тренировку».

Теперь мне снова предстояло убить в себе страх. «Надо убить его раз и навсегда»,— думал я. Я еще не знал тогда, что это невозможно, что не бывает в жизни абсолютно бесстрашных людей. Все дело в том, чтобы научиться подавлять свои отрицательные эмоции — страх, нервозность, апатию. Мне надо было учиться управлять собой. Нельзя бояться шайбы. Нельзя бояться соперников, которые с бешеной скоростью мчатся на твои ворота. Во время игры только одно должно быть в голове у вратаря: не пропустить шайбу в ворота. Все остальное — мимо. Больно — терпи. Трудно — терпи. И думай. Все время думай, как сыграть лучше, надежнее...

В двенадцать лет я впервые получил серьезную травму: шайба угодила в голову. На следующий день после травмы меня словно подменили. На тренировке я думал только о том, как бы увернуться от шайбы. Я забыл все, чему научился. Снова надо было начинать с начала... Снова борьба с самим собой. Нелегко научиться побеждать страх.

Хоккей — суровая игра. Она беспощадна к вратарям. Шайба летит в ворота, словно пуля. Порой не видишь ее. А все равно должен, обязан ее поймать. Или отбить. Клюшкой, щитком, коньком — чем угодно. Другим игрокам можно ошибаться. Если форвард теряет шайбу, он знает: выручит защита. Небрежность защитника исправит вратарь. Только вратарю ошибаться нельзя. Его ошибка — красный свет за воротами, гол.

Бывший вратарь сборной Чехословакии Ладислав Горский подсчитал: футбольный голкипер вступает в игру в среднем 10—15 раз в течение матча, а хоккейный — 40 раз!

Говорят: вратарь стоит в воротах. Нет, не стоит — играет. Играет! Бессменно, в течение всего матча он ловит и отбивает шайбы, его толкают и мешают ему, он совершает спринтерские рывки и немыслимые выпады, он — весь внимание и порыв. Лев Яшин сказал, что нет в спорте более благородной должности, чем вратарь. И более трудной, добавлю я.

Быстрота, ловкость, безупречная координация движений, выносливость и сила — вот что требуется вратарю. Некоторые спрашивают: а сила зачем? Не забывайте: голкипер все свои стремительные движения совершает в амуниции весом в 20 килограммов. Вратарю требуется особая наблюдательность, умение быстро ориентироваться, смелость, уравновешенность, интуиция, сильная воля.

Бывает, что за весь период до шайбы дотронешься всего два раза, но напряжение у тебя такое, что к перерыву еле стоишь на ногах. Знаменитый канадский голкипер Жак Плант однажды сказал мне: «Люди никогда не смогут понять, что выпадает игроку, защищающему хоккейные ворота. Даже хоккеисты только догадываются о доле вратаря».

Но дальше Плант добавил: «И все же в хоккее роль вратаря — самая лучшая».

Я тоже убежден в этом.

А теперь вернемся на несколько лет назад. Летом 1967 года в команде ЦСКА было три вратаря — Толмачев, Толстиков и Полупанов. Тренеру Анатолию Владимировичу Тарасову потребовался четвертый — для того, чтобы плодотворнее проводить тренировки. Я, пятнадцатилетний мальчишка, и не мечтал о том, чтобы играть в знаменитой команде Тарасова. И вот представьте себе, в один прекрасный летний день А. В. Тарасов говорит тренеру нашей юношеской команды: «Пусть мальчик приходит на тренировки мастеров». И показывает на

меня. Я прямо оцепенел от неожиданности. Вот это счастье!

И я стал тренироваться в армейской команде, которая много раз была чемпионом страны, неоднократно выигрывала Кубок СССР и Кубок европейских чемпионов.

Дней пятнадцать продолжалось это немыслимое счастье. Как я старался! Во время тренировочных игр бросался за каждой, даже самой безнадежной шайбой. Наравне со всеми бегал и выполнял все упражнения. Я начал косолапить, подражая Евгению Мишакову. В разговоре я старался вставлять любимые словечки своих кумиров. Носил за ними клюшки. Хотел во всем быть похожим на них. «Давай, мальчик, старайся»,— подбадривал меня Анатолий Владимирович. И это звучало, как высшая похвала. Я уже тогда знал, как скуп наш тренер на похвалу. Он и потом ругал меня чаще, чем хвалил. «Не слушай похвал,— говорил Тарасов.— Когда тебя хвалят, тебя обкрадывают».

Но в середине июля праздник кончился. Команда уехала на юг, в Кудепсту...

Я продолжал выступать за юношескую команду. Мы стали чемпионами Москвы. В Новосибирске я впервые получил приз лучшего вратаря страны среди юношей.

Еще до этого тренеры сборной молодежной команды СССР брали меня вторым голкипером на чемпионат Европы в Хельсинки. Выступление наше было признано неудачным: мы заняли второе место, а ведь взрослая сборная уже приучила всех только к победам. Правда, год спустя мы добились победы на молодежном чемпионате в Гармиш-Партенкирхене (ФРГ).

Когда вернулись с чемпионата, я пришел в наш армейский Дворец спорта. Меня окликнул Анатолий Владимирович, строго посмотрел и спросил: «А вы, молодой человек, почему не на льду? А ну, живо...» В это время на льду тренировалась взрослая команда ЦСКА. Не веря ушам своим, я помчался в раздевалку. Счастье возвратилось снова.

Вся моя жизнь пошла по-новому. Сейчас мне даже не верится, что я мог выдерживать те колоссальные нагрузки, которые обрушились на мои еще не окрепшие плечи. Три тренировки в день! Новые, специально для меня придуманные, упражнения...

На занятиях десятки шайб почти одновременно летели в мои ворота, и все шайбы я старался отбить. Все! Я играл в матчах чуть ли не каждый день — вчера за юношескую команду, сегодня за молодежную, завтра за взрослую. И стоило пропустить хоть один гол, как Тарасов на следующий день спрашивал: «Что случилось? Ну-ка давай разберемся». И если виноват был я, а вратарь почти всегда «виноват», то неминуемо следовало наказание: все уходили домой, а я делал, скажем, сто выпадов или пятьдесят кувырков через голову. Я мог бы их и не делать, никто меня не контролировал, но мне и в голову не приходило сделать хоть на один выпад или кувырок меньше.

Я поставил перед собой цель: закончить школу успешно, не кое-как. Я хорошо усвоил заповедь, которую без устали внушал нам тренер: «Вы должны быть прежде всего настоящими людьми, а потом уже хоккеистами». Что значит настоящими? Я это понимаю так: честными, образованными, принципиальными, с твердой жизненной позицией. Хоккеист никогда не станет хорошим мастером, если не воспитает в себе целеустремленность и самодисциплину, потребность постоянно расширять свой кругозор.

Да и с мамой мы договорились: если хоккей станет мешать учебе, о нем придется забыть.

...Август 1969 года. Впервые с командой ЦСКА я за рубежом — в Швеции. Команда играла в товарищеских матчах, а я в небольшом городке Вестеросе участвовал в учебно-тренировочном сборе шведских вратарей. Мы тренировались с утра до вечера. Я хотел доказать шведам, что тоже не лыком шит, но, откровенно говоря, трудновато мне было тягаться с ними.

Вернувшись в Москву, наша команда приняла участие в турнире на приз газеты «Советский спорт». Сначала я сыграл в матче с «Трактором». И довольно удачно — 3 : 2 в нашу пользу.

Следующий матч был с чемпионом страны «Спартаком». Я был уверен, что в ворота поставят нашего основного вратаря Колю Толстикова. Но за несколько часов до матча объявляют: играть будет Третьяк! Вот это да! У меня колени затряслись. Ребята, заметив мое волнение, стали успокаивать, но я чувствовал, что и им не по себе: мальчишка будет защищать их ворота в такой ответственной встрече...

Матч начался бурными атаками форвардов «Спар-

Это большой хоккей!
Владимир Петров сражается за шайбу
с канадскими профессионалами.
Бывает и так,
что ворота приходится закрывать грудью.
Двое на одного...

така». Но удача в тот вечер была не на их стороне. Все шайбы летели прямо в меня. Зрители горячо аплодировали каждый раз, когда мне удавалось отразить даже легкий бросок. Они явно боялись за мальчишку, который защищал армейские ворота. Мы выиграли с преимуществом в пять шайб, и я был самым счастливым человеком на свете!

Потом снова были изнурительные тренировки. И игры.

Перед началом традиционного турнира на приз газеты «Известия», в котором участвовали лучшие любительские сборные мира, А. В. Тарасов предложил включить меня в сборную СССР. Ему возражали: молод еще Третьяк... Тарасов настаивал на своем. Он кого хочешь убедит, если уверен, что прав.

Так осенью 1969 года я вошел в состав сборной СССР.

Когда меня спрашивают, какое событие в моей жизни самое важное, я отвечаю не задумываясь: участие в работе XVII съезда Ленинского комсомола. Раз в четыре года в Кремле собирается этот форум, и. быть его делегатом — огромная честь. Мне оказала доверие Московская комсомольская организация. Помню, на конференции я рассказал о своей работе комсорга и заверил, что хоккеисты сборной станут чемпионами мира. Так и вышло.

Что такое работа комсорга? В нашей команде, да и во всех других, почти все хоккеисты комсомольцы или члены Коммунистической партии. У нас работает комсомольское бюро, возглавляемое комсоргом. Мы регулярно проводим собрания, выпускаем стенгазеты, организуем лекции и встречи с известными людьми страны: актерами, космонавтами, писателями, учеными... Мы помогаем своим наставникам проводить тренировки и строго спрашиваем с тех, кто нарушает спортивный режим. Словом, дел хватает...

Итак, съезд... 23 апреля 1974 года в парадной офицерской форме я приехал в Кремль. Я занял свое место в пятнадцатом ряду Дворца съездов и осмотрелся. Кругом, в этом огромном зале, сидели молодые парни и девушки. Многие были с орденами и медалями, многих я узнавал по фотографиям в газетах и по телепередачам. Рабочие и колхозники, космонавты и воины, школьники и студенты, ученые и актеры... Неподалеку от себя я увидел гимнастку Людмилу Турищеву, фигуристку Ирину Роднину, легкоатлета Валерия Борзова, прыгуна в воду Владимира Васина... Мое сердце захлестнула волна гордости: мне, Владиславу Третьяку, доверено представлять на комсомольском съезде советский хоккей!

Потом было еще много счастливых минут. За два дня я роздал тысячу, если не больше, автографов, ответил на сотни вопросов, принял множество поздравлений. Конечно, это была дань уважения нашему хоккею.

И самое главное мгновение моей жизни — я на трибуне съезда:

«Мои товарищи по хоккейной сборной, в тринадцатый раз завоевавшие титулы чемпионов мира и Европы, просили меня доложить съезду, что комсомольское поручение выполнено...

Мы идем в спортивное сражение, зная, что победить сумеет тот, кто беззаветно любит свою Родину. Молодежь и спорт неразделимы. Комсомол всегда был и будет душой советского спорта».

Никогда, даже во время самых ответственных матчей, я не волновался так сильно, как тогда на трибуне съезда. Мне, единственному из всех советских спортсменов, было доверено выступить... Как тут не волноваться.

В эти дни я с особой признательностью думал о ветеранах нашего хоккея, традиции которых мы продолжаем. Мне помогали встать на ноги такие всемирно известные хоккеисты, как Виктор Коноваленко, Анатолий Фирсов, Александр Рагулин... Когда я пришел в спорт, они были в зените славы. Тысячи мальчишек мечтали быть похожими на них. Мастерство этих ветеранов стало классикой хоккея.

Помню, в 1970 году я впервые участвовал в мировом чемпионате в Стокгольме. Основным вратарем был Виктор Коноваленко. Играл он великолепно. Я бы тогда без колебаний присудил Виктору звание лучшего вратаря чемпионата. Особенно запомнился один эпизод матча со шведами. Шел второй период. Мы проигрывали со счетом 1 : 2. Вот какой-то шведский хоккеист рвется к нашим воротам, но слишком далеко отпускает шайбу. Виктор в отчаянном броске падает и пытается выбить ее. А швед не может погасить скорость и мчится прямо на вратаря. Его конек врезается в лицо Виктору...

Коноваленко увезли в больницу, а в ворота встал я. И пропустил две довольно легких шайбы: очень сильно волновался...

Мы проиграли этот матч, и теперь все зависело от исхода нашего последнего поединка, который должен был состояться на следующий день. Выиграем — значит, чемпионы мира. Проиграем — только третье место. Трибуны взорвались аплодисментами, когда на лед, как всегда невозмутимо и неторопливо, выехал Виктор Коноваленко. Он встал в ворота, и, конечно, мы выиграли этот матч!

Впервые я испытал тогда радость большой победы. Знали бы вы, какие чувства переполняют сердце спортсмена, когда на мачту поднимается красный флаг и звучит государственный гимн.

В Московском аэропорту нас встречали сотни людей: родственники, друзья, любители хоккея. Нас всех быстро увлекли в разные стороны. Ко мне подошел радиорепортер...

— Поздравляю вас, Владислав!

— Спасибо.

— Скажите, что вы почувствовали, когда стали чемпионом мира?

— Еще никогда в жизни я не был так счастлив.

— Какие уроки вы извлекли для себя в Стокгольме?

— Уроки? Я познал цену настоящему мужеству...

Ищу глазами Виктора Коноваленко. «Виктор,— кричу ему,— можно я расскажу о тебе?»

* * *

...Относительно того, где родился хоккей, нет двух точек зрения. Доказано, что это произошло в Канаде. Канадцы утверждают, что хоккей это их жизнь. Я много раз бывал в «стране кленового листа» и готов согласиться с этим утверждением. Говорят, канадские дети сначала учатся кататься на коньках, а потом ходить. Первая вещь, которую здесь дарят мальчишке,— хоккейная клюшка. Четырехлетний ребенок уже умеет вести шайбу и бросать ее по воротам. Так утверждают канадцы, и это похоже на правду.

Но верно и то, что хоккей давно перестал быть только канадским. Эта стремительная и смелая игра к лицу нашему динамичному веку. Хоккей быстро распространился по всему свету. Это, без сомнения, игра номер один! Мой друг, журналист, побывавший на Северном полюсе, рассказывал, что полярники дрейфующих станций начинают играть в хоккей, едва кончается полярная ночь. Льда у них под ногами более чем достаточно. Мальчишки из Грузии и Узбекистана, где никогда не бывает зимы и нельзя залить каток, в своих письмах рассказывают, что они играют в хоккей не на льду, а на асфальте и без коньков, но все-таки играют!

Нас, хоккеистов сборной СССР, как-то пригласили к себе в Звездный городок советские космонавты. Оказалось, что они не только болельщики, но и сами гоняют шайбу по льду. А. В. Филипченко даже показал шрам под правым глазом: «В хоккее досталось». П. Р. Попович подошел ко мне: «Давай знакомиться, коллега. Я тоже вратарь, вратарь нашей команды». А. А. Леонов рассказал, как однажды ему пришлось с командного пункта на земле ругать по радио космонавтов, находящихся на орбите: по расписанию им пора было спать, а они слушали хоккейный радиорепортаж.

Вот какой властью над людьми обладает хоккей!

Летом 1976 года я заканчивал институт физкультуры. Трудная была пора: государственные экзамены. Пришлось подналечь на учебники. Педагогика. Физиология. Психология. Общественные науки...

Да, я не представляю своей жизни без хоккея. Но это вовсе не значит, что, кроме хоккея, для меня ничего не существует.

Почему я выбрал физкультурный институт? Ответ прост: в будущем хочу стать тренером или спортивным организатором.

Человеку надо быть сильным! Рано или поздно в жизни каждого из нас наступает момент, когда необходимо проявить всю свою твердость, волю, выносливость. Но даже если и не выпало вам никаких особых испытаний, разве плохо всегда быть крепким и бодрым?..

Я готовлю себя к серьезной работе в области спорта. И, изучая труды по истории, педагогике, философии, все больше убеждаюсь в том, какую огромную силу имела и имеет физическая культура. Еще в древней Греции существовал культ гармонично развитого человека. Древнегреческий философ Платон называл хромым и того, кто не умел писать, и того, кто не умел плавать. Пифагор считался чемпионом среди кулачных бойцов. Отец медицины Гиппократ был отличным борцом и наездником.

В наши дни спорт и физическая культура переживают пору своего расцвета. Человек хочет быть сильным и красивым, быстрым и смелым, ловким и выносливым. Помочь ему стать таким—вот чему я хочу посвятить свою жизнь.

Хоккей продолжается. Турниры, матчи, тренировки... Я не представляю себя вне игры, вне ледяной площадки, где вокруг маленького каучукового диска кипят яростные страсти. Я люблю хоккей, и ничто — даже неудачи — не может погасить мою любовь.

Увы, неудачи случаются, и я по-прежнему остро переживаю их.

В апреле 1976 года в польском городе Катовицы мы уступили звание чемпионов мира сборной ЧССР. Спираль жизни будто заверши-

ла свой очередной виток: четыре года назад мы выиграли Олимпиаду в Саппоро, но проиграли вслед за тем первенство мира, и вот опять победа на Олимпиаде в Инсбруке и неудача в споре за мировую корону. Впрочем, говоря об этом, надо отдать должное сборной ЧССР — это действительно великолепная команда. Мне кажется, еще никогда Чехословакия не имела такой сильной сборной.

Это же, кстати говоря, убедительно продемонстрировал сентябрьский турнир на Кубок Канады — первое соревнование в истории хоккея, в котором участвовали сильнейшие любительские и профессиональные сборные шести стран. Чемпионы мира были достойными конкурентами канадцев и лишь после ожесточенной борьбы уступили победу хозяевам турнира. Я думаю, что у сборной ЧССР были хорошие шансы выиграть, но в какой-то момент чрезмерная робость перед знаменитыми канадцами сковала хоккеистов.

Что же касается сборной СССР, то нам пришлось довольствоваться лишь третьим местом (не помню ничего подобного за все годы игры в хоккей). Наша команда приехала в Канаду без Харламова, Якушева и еще нескольких ведущих игроков, а заменившая их молодежь заметно уступала в мастерстве соперникам.

...Сейчас мне 25 лет. Как странно: говорят, что Третьяк ветеран.

Конечно, многое уже позади. Две Олимпиады. Шесть мировых чемпионатов. Четыре серии матчей с профессиональными хоккеистами. Кому-то этого хватило бы на целую жизнь. Но я совсем не устал от хоккея. Игра с каждым разом открывается мне какой-то новой гранью. Я постигаю хоккей, учусь хоккею. Предела совершенству нет, и учиться мне еще долго.

На этом можно было бы поставить точку. Но я не прощаюсь с тобой, читатель. У нас впереди еще много встреч. Опускаю на лицо маску и выхожу на лед. Сейчас прозвучит свисток, и начнется хоккей.

Хоккей, который я люблю.

Олег БЕЛИКОВ

Вратарь

Владиславу Третьяку.

Опять атаки
после перерыва,
Опять борта
от натиска трещат.
А ты — в воротах,
словно у обрыва,
Тебе нельзя и некуда — назад.
Как пядь земли,
закрыл ворота телом.
Соперник рвется,
скоростью слепя,
И надо не согнуться под обстрелом
И принимать удары на себя.
Наглядны,
словно праздники, успехи,
За ними — будни, скрытые от глаз...
Тебе пришлось
сквозь все свои доспехи
Весомость шайбы
испытать не раз.
Но снова на ледовую арену,
Надвинув маску,
как забрало встарь,
Выходишь ты.
В дружинах современных
Не рядовое звание —
вратарь.

Что нам читать?

Однажды в детстве я прочитал книгу...

Спутник на всю жизнь

Есть книги, которые занимают в памяти удивительное место: словно не прочел их, а был очевидцем того, что произошло на их страницах. Герои таких книг были как бы твоими друзьями. Проходят годы, ты становишься старше, взрослее, а любимая книга остается с тобой.

Такой книгой в моей жизни стал роман Вениамина Александровича Каверина «Два капитана». За три года до войны я впервые прочитал его. Он печатался тогда в ленинградском журнале «Костер».

Помню, с каким жадным интересом я вчитывался в этот роман, как меня заинтересовала почтальонская сумка с недоставленными письмами, среди которых было письмо, имеющее отношение к удивительной истории капитана Татаринова. В первых главах книги Саня Григорьев был значительно младше меня, но он казался мне серьезным, самостоятельным и сразу полюбился мне.

Большой роман лежит сейчас передо мной. А когда «Два капитана» печатался в журнале, роман был не так толст. История Сани Григорьева и его поиска оборвалась. Но сама жизнь продиктовала В. Каверину продолжение романа.

Вениамин Александрович не расстался со своими героями. Повел их дальше через большую, трудную жизнь, сделал их участниками Великой Отечественной войны. И снова трудные испытания выпали на долю Сани Григорьева и его друзей.

Моя жизнь сложилась так, что я сам был участником тех событий, что и мои любимые герои. И потому, думаю, вторая половина романа особенно близка тем читателям, кто со школьной парты ушел на войну.

Теперь, когда я оглядываюсь на прочитанное, на пережитое, могу сказать, что, пожалуй, самое острое чувство, рожденное «Двумя капитанами», — это представление о счастье как о торжестве справедливости.

И жизнь Сани Григорьева была непрекращающейся борьбой за высокую справедливость.

Прошли годы, Саня вырос, стал заслуженным летчиком, бойцом, но главная линия его жизни не дрогнула, не искривилась. И его борьба с виновником гибели капитана Татаринова и его друзей, и с подлецом Ромашовым, и, наконец, борьба с самой страшной несправедливостью — фашизмом — все это было борьбой за торжество правого дела.

Саня Григорьев не одинок в этой борьбе. Рядом с ним борются, разделяют его устремления такие прекрасные люди, как Катя Татаринова, учитель Кораблев, доктор Иван Иванович, Петя, Валька... И то, что у Сани столько верных друзей, делает его сильным и непреклонным. А главное, мы верим в то, что хороших людей куда больше, чем плохих, что они рядом с нами. Идите же смело впереди, следуя девизу Сани Григорьева: «Бороться и искать, найти и не сдаваться».

Юрий ЯКОВЛЕВ

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Общество книголюбов

И ПРИКЛЮЧЕНИЯ И ВОЛШЕБСТВО

Я очень люблю читать, записана в трех библиотеках. Но мне все равно не хватает книг. Не могу просидеть без книги даже один день. Я глотаю книги, а научилась читать, когда мне было четыре года. И когда приходила в детский сад, то меня просили, чтоб я почитала книгу. Маленькая я, конечно, очень любила сказки. Нет, до третьего класса любила их. А потом мне они стали казаться одинаковыми.

Только что прочитала повесть «Остров неопытных физиков». Мне эта книга так понравилась! Слов нет. Эту книгу написал К. Домбровский. Там рассказывается о том, как четверо мальчишек собрались и стали рассуждать о том, что жизнь сейчас скучная, неинтересная, только и знай об уроках думай. Тогда один мальчик сказал, что можно представить себя в приключениях. И они вообразили такую машину, на которой можно было изменить физические законы. Можно перенестись в другую страну. И они представили себе, будто они на этой машине попали на таинственный остров Жюль Верна. Они нажали кнопку какую-то, и вода стала более плотной. И какой-то старый заплесневелый корабль всплыл оттого, что вода слишком плотной стала и вытолкнула этот корабль. В общем-то эти мальчишки представляли себе и сказку, и приключения, и волшебство.

Лена Черненко, 13 лет,
г. Йошкар-Ола.

С днем рождения, Зоя Ивановна!

В любой школьной библиотеке есть книги Зои Ивановны Воскресенской, и ты, конечно, читал ее замечательные повести и рассказы о В. И. Ленине, Н. К. Крупской, о семье Ульяновых, о ребятах в красных галстуках. «Сквозь ледяную мглу», «Утро», «Пароль — Надежда», «Сердце матери», «Девочка в бурном море», «Ястребки» переведены на многие языки народов СССР. Их читают ребята в Италии, Монголии, Чехословакии, Польше, ГДР, Румынии, Болгарии.

28 апреля Зое Ивановне Воскресенской, лауреату Государственной премии СССР, исполняется 70 лет. От имени всех читателей «Пионера» мы сердечно поздравляем большого друга нашего журнала с днем рождения и желаем Зое Ивановне доброго здоровья и новых творческих побед.

Главный редактор журнала «Пионер» С. А. ФУРИН встретился с З. И. ВОСКРЕСЕНСКОЙ и попросил ее ответить на вопросы.

Вопрос. Что вы, Зоя Ивановна, цените больше всего в людях и почему?

Ответ. Пожалуй, активную доброту. Я подчеркиваю слово «активную», потому что просто доброта — это нечто неопределенное, отдающее непротивлением злу, всепрощением, благотворительностью. Активная, деятельная доброта всегда направлена против зла, несправедливости, лишений, болезней.

Такая доброта может проявляться в больших и малых делах, государственных, общественных, личных.

Вопрос. Например?

Ответ. Ну, за примерами далеко ходить не надо. Скажем, политика и практическая деятельность нашей партии, нашего государства. В основе ее лежит дружба народов, стремление обеспечить прочный мир во всем мире, поддержка справедливой борьбы за национальную независимость, помощь людям, пострадавшим от стихийных бедствий.

Доброта отдельного человека проявляется в его отношении к товарищам, в бережном отношении к природе, к меньшим братьям нашим — животным. Добрый человек не способен на жестокость, он несет людям радость, думает о счастье других.

Вопрос. Вы помните, Зоя Ивановна, как Аркадий Гайдар говорил о счастье в повести «Чук и Гек»? «Что такое счастье — это каждый понимал по-своему. Но все вместе люди знали и понимали, что надо честно жить, много трудиться и крепко любить и беречь эту огромную счастливую землю, которая зовется Советской страной». А как понимаете вы, что такое счастье?

Ответ. По-моему, счастье — это чувство удовлетворения от осуществления мечты, поставленной цели. При этом я, разумеется, имею в виду людей доброй воли в нашем, советском понимании. Счастье может быть большим и маленьким. Мера его определяется вкладом, который ты внес в общую копилку народного благосостояния. Самое большое счастье — это делать счастливыми других.

Вопрос. Когда вы впервые познали ощущение счастья?

Ответ. В пять-шесть лет, когда научилась читать. Училась я по численнику, как назывался тогда настенный календарь. Численник висел над столом в кухне, а за стеной лежала моя хворая бабушка. Я бегала к ней и спрашивала: «Что за буква — две палочки и сверху пере-

кладинка?» «Буква «П», — отвечала бабушка. «А буковка, похожая на яичко?» «Это «О». «А две палочки и внутри перекладинка?» — «Н». А в целом складывалось слово «понедельник». Через несколько месяцев я стала читать обратную страничку календаря, и так день за днем. В шесть лет я читала уже лучше бабушки, она только к 30 годам одолела грамоту.

Вопрос. Какой писатель первым пришел в вашу жизнь, поразил ваше воображение, оказал влияние на становление характера?

Ответ. Лев Николаевич Толстой. Бабушка рассказывала мне много сказок, басен, притчей. Была она родом из деревни Иван-озеро, Епифанского уезда, Тульской губернии. Отец ее был крепостным плотником, а мать кружевницей, золотошвейкой. Много легенд я услышала от бабушки об Иван-озере, на котором еще во времена Петра I возводились шлюзы и каналы, чтобы соединить Оку с Доном. Я знала наизусть рассказ про мальчика Филипка, возмущалась поведением пастушка, который стал жертвой своего обмана, полюбила пожарную собаку Боба, спасавшую детей, и верного друга человека — собаку Бульку. Я узнала «Как ходят деревья», «Куда девается вода из моря», очень мне нравились сказки про трех медведей и «Как мужик гусей делил». Для меня все это были бабушкины сказки. И как же я была удивлена, когда несколько лет спустя прочитала все это в «Новой азбуке» и в «Русских книгах для чтения» Л. Н. Толстого! Его сказки и басни стали народным достоянием и изустно передавались из поколения в поколение.

Большое впечатление произвело на меня стихотворение Пушкина «Вурдалак». В нем рассказывается, как мальчик Ваня шел ночью через кладбище и услышал, что «кто-то кость ворча грызет». Ваня решил, что это вурдалак, и страшно перепугался, а потом увидел, что это была просто собака. Это стихотворение излечило меня от страха. Моя молоденькая тетка была большая трусиха, ей все мерещились привидения, лешие и домовые, она боялась грозы и пожаров и этим страхом заразила меня. Когда я прочитала стихотворение «Вурдалак», мне показалось, что Пушкин высмеял и меня и мою тетку. Я начала бороться со страхом. Простаивала, как мне казалось, очень долго в темном чулане, сумела подавить крик, когда по моей ноге проскочила из кухонного шкафа мышь. Я дала себе слово никогда не визжать и не кричать, как это делает моя тетка. Я видела, как при этом ее миловидное лицо становилось несчастным и некрасивым. Я поняла, что страх унижает человека, делает его смешным и жалким. Победа над страхом, а потом над религиозностью (тоже страх перед гневом господним) сделала меня счастливой, и я обрела чувство свободы. Единственное, чего я боюсь, это пресмыкающихся, вернее, это не страх, а брезгливость, такое же чувство у меня вызывает и пресмыкательство.

Вопрос. Ваша любимая книга. Какой жанр вы предпочитаете как читатель?

Ответ. В этом вопросе я не однолюб. У меня много любимых книг. Люблю всего Пушкина, всего Маяковского, многое из Толстого, Горького, Шевченко, Лескова, Ромена Роллана, Флобера, Гюго, из современных — Паустовского, Симонова, Расула Гамзатова. Да разве всех перечислишь? Мой любимый жанр как читателя — поэзия и драматургия.

Вопрос. Вашей первой книгой была повесть о В. И. Ленине «Сквозь ледяную мглу». Как родилась эта книга?

Ответ. Еще в тридцатые годы я со своим мужем, старым коммунистом, стала собирать материалы о жизни Владимира Ильича Ленина. Мы оба были партийные пропагандисты. Мое 70-летие совпадает с 50-летием пребывания в партии (вступила кандидатом в члены партии в феврале 1927 года). Когда приближалось 90-летие со дня рождения Владимира Ильича Ленина, я разобрала свой архив (мой муж полковник погиб при исполнении служебного долга в 1947 году). В нем было много записей, воспоминаний соратников Владимира Ильича и людей, которые укрывали его от царской полиции и Временного правительства. В 1936 году по рассказам многочисленных свидетелей, которые тогда еще были живы, я подробно записала обстоятельства ухода Владимира Ильича во вторую эмиграцию (1907 год). Друзья посоветовали мне опубликовать это в печати. Я написала рассказ «Сквозь ледяную мглу». Он был напечатан в журнале «Юность» в 1960 году, там же были опубликованы и другие мои рассказы из жизни В. И. Ленина. Издательство «Детская литература» предложило выпустить их отдельной книжкой. С тех пор ленинская тема стала основной в моей литературной работе.

Вопрос. Вы были пионервожатой в годы, когда пионерское движение делало первые шаги. Чем запомнились вам те дни?

Ответ. В 1923 году я вступила в комсомол в Смоленске и стала пионервожатой на заводе имени М. И. Калинина. Тогда пионерские отряды создавались на фабриках и заводах из детей рабочих, а в школах были пионерские форпосты. После занятий, подготовив уроки, пионеры собирались в заводском клубе, читали вслух книги, готовили выступления «синеблузников», занимались физкультурой, помогали убирать заводской двор. Часто до поздней ночи мы горячо обсуждали революционные события, развернувшиеся в то время в Германии. Нашим любимым героем был Эрнст Тельман, возглавивший знаменитое гамбургское восстание рабочих. Уже тогда нам стало известно и ненавистное имя Гитлера, пытавшегося произвести фашистский переворот в Мюнхене. Мы — младшее поколение комсомольцев — вместе с нашими пионерами мечтали поехать в Германию и принять участие в вооруженной борьбе германского пролетариата. Комсомольцы и старшие пионеры осаждали райкомы комсомола с просьбой послать их в Германию, некоторые ребята зайцами пробирались в поезда, шедшие на Запад. Но далеко им уехать не удавалось. Один

из таких эпизодов описан мною в рассказе «Рот фронт».

Вопрос. Во многих ваших книгах созданы разные образы ребят. Какой из них ваш любимый и почему?

Ответ. В некоторых моих рассказах проходит заводской парнишка Ромка («Ястребки», «Дорогое имя», «Встреча»). Он был юным дружинником в революции 1905 года, затем стал большевиком. Прообразом Ромки явился старый большевик Иван Шувалов, с которым я была знакома и о котором собираюсь писать книгу.

Вопрос. Читатели журнала «Пионер» первыми прочитали вашу повесть «Пароль — Надежда», части 1-ю и 2-ю. Ребята интересуются, когда будет третья часть, и над чем вы работаете теперь?

Ответ. Сейчас я заканчиваю для журнала «Пионер» третью часть повести «Пароль — Надежда», рассказывающей о детстве и юности Надежды Константиновны Крупской. Третья часть завершается отъездом Надежды Константиновны к Владимиру Ильичу в Шушенское. Мною написано несколько рассказов о деятельности Н. К. Крупской в более поздний период ее жизни. Возможно, сложится и четвертая часть книги.

Много лет я работаю над романом о самоотверженной жизни горсточки советских людей в мирное время в одной из капиталистических стран. О мужестве, патриотизме и интернациональной дружбе трудовых людей разных национальностей будет эта книга.

Вопрос. Что бы вы пожелали читателям журнала «Пионер»?

Ответ. 1977 год — особенный год. Наша страна отмечает 60-летие Советской власти. Трудовые люди всего мира победу Октябрьской революции считают своим кровным делом, своим праздником. Венгерский, польский, чехословацкий, болгарский, немецкий, румынский и другие народы социалистического лагеря понимают, что победа социалистического строя в их стране была бы невозможна без победы Октября. Меня лично глубоко взволновал почин венгерских рабочих Чепельского комбината, обязавшихся своим ударным трудом досрочно выполнить в честь 60-летия Октябрьской революции советские заказы. Этот почин подхвачен и в других братских странах. В этом проявляется активная доброта, чувство интернациональной дружбы, присущие всем прогрессивным силам мира.

Сегодняшние читатели «Пионера» будут встречать 100-летие Великого Октября в полном расцвете творческих сил, будут встречать его как хозяева страны. И мне хочется пожелать, чтобы каждый из вас имел право сказать: «Я делал и делаю доброе дело во имя торжества Разума и Дружбы — торжества ленинских идей», чтобы каждый живущий на земле мог сказать: «Я счастлив!»

В добрый путь, дорогие друзья, к новым свершениям и к новым победам!

У нас в редакции

Вручены дипломы и премии авторам и художникам «Пионера», активно работав шим в журнале в 1976 году.

Композитору **Чичкову Юрию Михайловичу** присужден **ДИПЛОМ А. П. ГАЙДАРА** — за кантату «Берем с коммунистов пример!» и за пионерские песни.

ДИПЛОМ Л. А. КАССИЛЯ — Крутогорову Юрию Абрамовичу за очерки о пионерах-героях и о достижениях нашей страны.

Награды «Пионера» получили:

Писатель **Григорьев Николай Федорович** — за очерк «Чичеров и его бригада».

Заместитель председателя Центрального совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина **Деркач Анатолий Алексеевич** — за статью «Учиться коммунизму».

Журналист **Тимур Аркадьевич Гайдар** — за открытое письмо пионерам «Дело начинать с дела».

Писатель **Аджиев Мурад Эскандерович** — за очерк «От Усть-Кута до Комсомольска-на-Амуре».

Писатель и ученый **Можейко Игорь Всеволодович** — за очерк «Соседи и знакомые».

Художник **Дудкин Виктор Петрович** — за иллюстрации к этому очерку.

Писатель **Коржиков Виталий Титович** — за стихи «В пути», «Глобус» и другие.

Журналист **Поройков Юрий Дмитриевич** — за очерк «Раньше думай о Родине».

Писатель и ученый **Стороженко Вячеслав Петрович** — за очерк «Бесплатно» стоит миллиарды».

Учитель **Шаповалов Владислав Мефодиевич** — за рассказ «Зачарованный бор».

Писатель **Толмазов Александр Львович** — за рассказ «Капитан».

Писатель **Шатько Евгений Иванович** — за повесть «Первый горнист».

Художник **Аземша Александр Николаевич** — за иллюстрации к историческому рассказу З. Воскресенской «Путешествие в будущее».

Художник **Медведев Евгений Алексеевич** — за иллюстрации к повести В. Крапивина «Ковер-самолет».

Фотокорреспондент **Постников Владимир Васильевич** — за фоторепортаж «Волгоград и волгоградцы».

Журналистка **Ростовцева Наталья Владимировна,** которая отвечает за серьезное и несерьезное поведение всех на «Переменке».

Международный мастер **Юдович Михаил Михайлович** — за ведение отдела «В стране шаха — владыки черных и белых полей».

НОВЕЛЛА О НОВЕЛЛЕ

ПЕРВЫЙ РАССКАЗ В «ПИОНЕРЕ»

> «Да, чувствую я вину мою, мама,
> Прости сына виновного, прошу тебя, мама!»
>
> ДЖИВАНИ, армянский ашуг XIX века.

Роберт БАБЛОЯН

Рисунки **В. МЕЛЬНИКА**

Дежурная лампочка

Позже всех в нашей многодетной семье ложилась спать мама. Она убирала со стола раскрытую книгу, подстаканник, кусок лаваша или пузырек с чернилами, забытые детьми, протирала влажной салфеткой клеенку, сметала крошки.

Проверяла на кухне, плотно ли закрыты краны, выключен ли газ. Выходила на балкон, закрывала ставни, вешала на веревку влажную салфетку или полотенце и возвращалась в переднюю. Сорвав листок календаря, она внимательно прочитывала его, полушепотом повторяя только что прочитанное: «Ага-а, сегодня день рождения Пушкина». Или: «Завтра — самый длинный день года». И, погасив свет, уходила в спальню. (Календарный листок мама нередко оставляла на хлебнице: пусть дети прочтут его утром.) По пути она произносила коротенькую фразу: «Доброй ночи, дети!»

Перед сном она всякий раз смотрела, чтобы в передней непременно горела лампочка. Может, для кого-нибудь и не имело значения, но для нас это было важно: любой из детей ночью мог бы захотеть... воды. Никому из нас — ни самому старшему, тем более самому младшему — не дозволено было гасить дежурную лампочку.

И так было каждый день.

Лото

Когда за окном шел дождик или когда ждали на ужин гостя, чтобы не бить баклуши до его прихода, мы садились играть в лото...

Сегодня в 23 часа 15 минут по ереванскому радио должны были передавать мой очерк про ленинаканскую ткачиху. Мы собрались послушать передачу всей семьей.

Мама предложила поиграть в лото, чтобы скоротать время.

У каждого из нас были свои обязанности. Младшая сестра Анаит убирала со стола, старшая, Дустрик, быстро мыла после обеда посуду, младший брат Матос расставлял стулья, средний, Зоро, как всегда, возился с прической перед зеркалом. Я спешил дочитать главу в книге. А мать, надев свой шелковый восточный халат, торжественно доставала лото.

В свое время она сшила три мешочка. В одном, в белом, были бочоночки с цифрами, в другом, в зеленом, — фасоль (фасолью мы закрывали цифры на карточках), в третьем, красном, — однокопеечные монеты, также чтобы закрывать ими цифры. Монетками мы пользовались, только когда у нас бывали гости.

Сегодня мама положила на стол белый и зеленый мешочки: мы не ждали гостей. Мы ждали... когда диктор произнесет по радио мою фамилию.

— Двадцать пять, — прокричал ведущий Матос, достав из мешочка первый бочонок.

Словно загипнотизированные цифрами, напечатанными на карточках, мы не отрывали глаз от них. Мама всегда садилась рядом с Анаит, проверяла ее карточки и иногда молча накрывала фасолью ту или иную объявленную цифру.

— Пятьдесят три, — продолжал ведущий, — чертова дюжина...

— Тринадцать, — уточнила мама.

— Мам, ну, почему он совсем не размешивает бочоночки? — возмутилась Дустрик. — До сих пор ни одной клетки я не закрыла.

— Размешивай как следует, — сказала мама, чтобы успокоить дочь.

Браня нас за шалости, мама всегда умела смягчить спор, если он возникал между нами.

— Мам, он подглядывает: какие цифры у него на карточках, те и достает. Каких нет, бросает в мешок, — захныкала Анаит.

Мама встала и ушла на кухню поставить на плиту чайник. И я, как старший, сказал вместо нее: «Доставай по одному», — и потянулся за новой горстью фасоли.

Фасоль, которой мы играли, мама хранила уже более двадцати лет. И даже в голодные дни военного сорок третьего года она не решилась сварить ее...

Зазвенел телефон. Я поднялся с места.

— Не бери трубку! — строго сказала мама.

— Брат, закрой на своей карте «пятьдесят шесть», — сказал мне Зорик, когда я вернулся на свое место, — у тебя есть «пятьдесят шесть».

Да, во время игры в лото надо быть внимательным, иначе нечего и садиться играть.

— Браток, у тебя есть «четырнадцать», — подтолкнул меня Матос.

Я понял, что этот кон уже не выиграю, но, чтобы не расстраивать братьев и сестер, продолжал сидеть за столом. Мама тоже не очень-то хотела выиграть — зачем лишать радости детей: их победа одновременно была и ее радостью...

— Четыре, — продолжал Матос, — восемьдесят три, девятнадцать, сорок девять, мамин возраст.

Все посмотрели на маму. Мама у нас без возраста, она всегда старшая. Мы это знали твердо и все-таки иногда обижали ее, не нарочно.

— Двадцать четыре, — продолжал ведущий.

Снова зазвенел телефон.

— Не бери трубку! — строго сказала мама.

Я не послушался.

Она встала из-за стола и, шаркая домашними тапочками, вышла на балкон.

— Это будет короткий разговор, всего на двадцать девять минут, — сострил Зорик.

— Звонил Рафик из радиокомитета, — оправдывался я, возвращаясь на свое место, — сказал, чтобы включили радиоприемник.

Передачу о ленинаканской ткачихе мы слушали внимательно, но не так, как пять лет назад, когда передавали мой первый рассказ. Тогда все было иначе. Правда, и сейчас сестры подошли и поцеловали меня: младший брат, улыбаясь, протянул мне руку: «Поздравляю». А средний брат, который никогда ничему не удивлялся, посмотрел в зеркало, поправил жидкую прическу и сказал торжественно: «Лучшая дикторша читала!»

Но все-таки что-то было не так. Мама, вернувшись с балкона, глубоко вздохнула и, не глядя на меня, огорченно произнесла:

— Э-эх!

...Перед сном, когда она по обыкновению по-

шла гасить свет и проверить, хорошо ли закрыты краны, я вышел из детской на кухню.

Она была не одна. Держась за подол халата, рядом сидела Анаит.

— Мама, тебе не понравился мой рассказ? О чем ты вздохнула?

В столовой было тихо. Ребята уже разбрелись по своим постелям. На полу лежала одна потерянная кем-то фасолина. Мама, не оборачиваясь ко мне, продолжала расчесывать длинные, густые волосы сестренки.

И тут я вдруг вспомнил: когда я закончил телефонный разговор, мама была на балконе, и я забыл предупредить ее о том, что сейчас начнется передача. Она ведь не слышала передачи, хотя готовилась к этому с самого утра. И мама, конечно, обиделась. Так вот почему огорченно вздохнула: «Э-эх!»

— Ты написал рассказ о бабушке... Ты читал нам про художника. Сегодня ты рассказал о ткачихе... Когда же ты напишешь о маме, о нашей маме?.. — вдруг спросила Анаит.

Мне стало не по себе. Я молча наклонился, чтобы поднять фасолину.

Совет «пяти пальцев»

Когда же я напишу о маме? О нашей маме? И как написать о ней? Хватит ли у меня умения?..

Если бы я был сапожником, я бы сшил для мамы туфли, самые красивые на свете. Если бы я был пирожником, я бы испек для мамы торт, самый вкусный на свете. Если бы я был врачом, я бы придумал, я бы изобрел для нее чудо-лекарство, чтобы она никогда не болела...

Мне вспомнились слова писателя Вильяма Сарояна о матери во вступлении к его книге «Человеческая комедия»: «Я очень долго собирался написать рассказ для тебя, — мне так хотелось, чтобы это был особенно хороший рассказ, самый лучший, какой я могу написать, и вот теперь, хоть и немножечко наспех, я попытался это сделать. Можно было, конечно, подождать еще немного, но так трудно предсказать, что сулит мне будущее и как оно повлияет на мои вкусы и мастерство. Поэтому я поторопился и рискнул положиться на мои теперешние вкус и мастерство...»

Я подумал, что все это удивительно совпадает с тем, что я хотел бы сказать моей маме. И я решил писать сейчас же, не откладывая. Но прежде мне захотелось посоветоваться с братьями.

Мне всегда казалось, что больше всех мама любит... Нет, никогда не поймешь, кого больше всех любит мама. Она часто повторяла: «У меня пять пальцев на руке. Какой из них меньше заболит, если его уколоть?» И сама же отвечала: «Какой ни уколешь — одинаково больно».

А нас и на самом деле было пятеро: три бра-

— Ты написал рассказ о бабушке... Ты читал нам про художника. Сегодня ты рассказал о ткачихе... Когда же ты напишешь о маме, о нашей маме? — вдруг спросила у меня Анаит.

та, две сестры. Мама иногда шутила: «Ты, мой Большой, сядь и посоветуй». Или, обращаясь к семилетней Анаит: «Ты, Мизинец, идя во двор, одевайся потеплее». Так каждый из нас получил второе имя.

И вот однажды, когда мама пошла на рынок, собрались мы все пятеро, и я спросил у ребят: как мне писать о маме?

— У меня всего два глаза и два уха, — сказал я, — ваши глаза и уши могут увидеть и услышать то, что не всегда вижу и слышу я, ваш старший брат.

— Мама — самая сладкая вещь на свете, — сказала наивная Анаит, она же Мизинец.

— Мама не вещь, — поправил Зорик.

— Маму лучше нарисовать, — сказала Дустрик — Безымянный.

— Нет, о маме надо писать роман, — сказал Матос — Средний.

— А по-моему, о маме надо писать как можно короче, но чтобы было все ясно и чисто, как Севан, — указал Указательный — Зорик.

— Чтоб «словам было тесно, а мыслям просторно?» — спросил я, Большой.

Так мы ничего и не придумали.

...Пришлось позвать на помощь дядю Алексана, самого старого в нашем роду, самого седого и самого мудрого. Он обычно говорил кратко, словно пословицами, наверно, многие из них порою сам и слагал.

— Мать — крыша дома, отец — стены, — сказал дядя.

— Отец — артист, ты же знаешь, — вставил я. — Вечно в разъездах: концерты, гастроли... Так что мама в доме и за себя и за папу.

Я рассказал дяде о нашем разговоре с братьями и сестрами. Добавив, что скоро маме пятьдесят и я хочу написать о ней.

— Может, рассказать, какие вкусные обеды мама готовит? — вмешалась Анаит.

— А может, о том, как она заботится, чтобы мы вовремя делали уроки, ложились спать? — добавила Дустрик.

— Имя матери — приданое для дочери, — сказал дядя Алексан, глядя на сестер.

Дядя Алексан всегда ходил в синей гимнастерке, был энергичен, свою седую голову не склонял в беде. В большой сильной руке он постоянно держал толстую трость с набалдашником в виде собачьей головы. Жена дяди давно умерла. У него было много детей. Но он предпочитал жить один, чтобы никого не обременять. В карманах у него всегда козинак[1] или конфеты для многочисленных внуков — своих и не своих.

Он дал нам по конфете и сказал:

— Если сын даже на собственной ладони изжарит яичницу для своей матери, все равно он будет перед ней в долгу.

Так все-таки за что же мы так любим маму? Один говорил о том, что она тайком от нас помогает дворнику — тете Марусе, другой вспоминал, как мама устает, готовя для нас обеды, дежуря возле нас по ночам, когда мы болеем... Но все это было не то...

А может, именно за все это мы и любим маму?

Новелла о маме

Однажды перед женским праздником мама готовила на кухне ужин. Я вошел в ее спальню, сел на жесткую тахту, в которой она многие годы хранила ползунки, распашонки, куклы и игрушки всех своих детей. Положил перед собою лист бумаги, глубоко вздохнул, будто хотел запастись воздухом на всю жизнь, и написал заголовок: «Мама». Мне хотелось рассказать о маме самыми необыкновенными словами, какими еще никто никогда не рассказывал о матери. Я не нашел этих слов. Вспомнил о шести падежах. Решил просклонять слово «мама». Написал характерные вопросы столбиком и мысленно отвечал на них.

КТО... дарует нам жизнь,
жизнью своей рискуя?
КОГО... в детстве мы порой огорчаем,
не всегда это чувствуя и понимая?
КОМУ... приносим столько бед
из-за наших побед?
КЕМ... чьим именем клянемся
перед боем, испытанием?
О КОМ... грустим, грустим о ком
на склоне лет?

Я прочитал братьям и сестрам то, что написал.

— Хорошо. Но мало, — сказал Указательный.

— Мало, но хорошо, — сказал Средний.

Вспоминая слова дяди Алексана, я продолжил:

В беде — отец,
В борьбе как брат,
До гроба — друг
И вечно — мать.

Наступил день рождения мамы. Я протянул ей пять красных роз — ее любимые цветы — и конверт, в котором лежал мой рассказ. Она взяла розы и не спеша пошла за вазой. На конверт никакого внимания.

Вечером, когда собрались все наши родственники, я попытался прочитать «Новеллу о маме», но мама вышла из комнаты.

Прошли дни, недели... годы.

Однажды во время прогулки по Пушкинскому садику я попытался завести разговор с мамой об отвергнутом ею рассказе:

— Прошу, умоляю, мама, скажи, почему ты не хочешь послушать мою новеллу?

Она ничего не ответила.

Значит, что-то я сделал не так.

Может, ошибка моя была в том, что не ей первой я прочел свою новеллу?

Листок календаря

Мой друг высокий узкоплечий Размик работал редактором в издательстве и вот уже много лет занимался составлением календарей.

Я пошел к нему.

— Размик, милый, посмотри, пожалуйста, что у тебя на октябрьских страницах календаря?

— Посмотри сам, — хрипловатым голосом сказал Размик.

— Меня интересует будущий год.

— А-а! Сейчас...

[1] Козинак — орехи, сваренные на меду.

Он достал из своего письменного стола пухлую папку. Стал листать.

— Вот он, октябрь, — сказал он.

— Мне нужно знать, что будет на обратной стороне листка за девятое октября, — объяснил я.

— А в чем дело? — спросил Размик.

— Хочу предложить тебе мою новеллу. Коротенькую...

— Сколько строк?

— Кажется, сорок.

— Не могу. Надо не более тридцати строк.

— Сократить не могу, — вздохнул я, — эту новеллу я не могу сократить.

— О чем она? — спросил редактор.

— О моей матери.

Размик склонил голову, закрыл глаза ладонью, мысленно уйдя в прошлое, видимо, связанное с его мамой, и тихо сказал:

— Читай.

Я прочел:

Мать, чья честь — Отечества часть,
Улыбка — орден, досада — ад,
Чье сердце — колокол, душа — ашуг [1]
Чей глаз — алмаз, ладони — дом...

— Оставь новеллу, — тихо произнес Размик.

И вот в будущем году, накануне дня своего рождения, уложив всех детей спать, понесет мама на балкон торт «День и ночь», который она пекла всегда в праздники, и пойдет на кухню... Там она проверит, хорошо ли закручены краны, перекрыт ли газ. Оторвет листок календаря — увидит: «Солнце всходит во столько-то, луна — во столько-то...» Перевернет страницу и прочтет:

Ту, кто дарит нам жизнь,
растит, беспокоится,
Кто днями трудится, ночами не спит...

Прочтет и вдруг поймет, что там все написано о ней. Прочтет и простит меня за старую обиду.

Нет, не разорвет и не выбросит она листок календаря. На этот раз, наверно, и на хлебницу не положит... Прочтет и спрячет она листок в карман своего яркого восточного халата и только в особые для себя дни или для особых своих гостей достанет листок и не спеша перечитает... И скажет: «Э-эх!». По-иному скажет.

...Так и не искупил я свою вину. Я так мечтал, чтобы мама когда-нибудь да прочла новеллу о себе, мою исповедь, но этого не произошло.

За четыре дня до маминого дня рождения ее не стало.

День омрачается ночью, человек — печалью

Когда я с мамой ссорился, — а это, к сожалению, нет-нет да и случалось, — я или ненадолго уходил из дому, или отказывался от еды.

Мама волновалась, упрашивала меня поесть, но я все равно отказывался. Хорошо зная меня, она в подобных случаях старалась под каким-нибудь благовидным предлогом уйти из дома:

— Схожу-ка я к Амалии! На будущую ее невестку посмотрю.

Или:

— Большой, я к портнихе иду! Хочу блузку скроить.

Или:

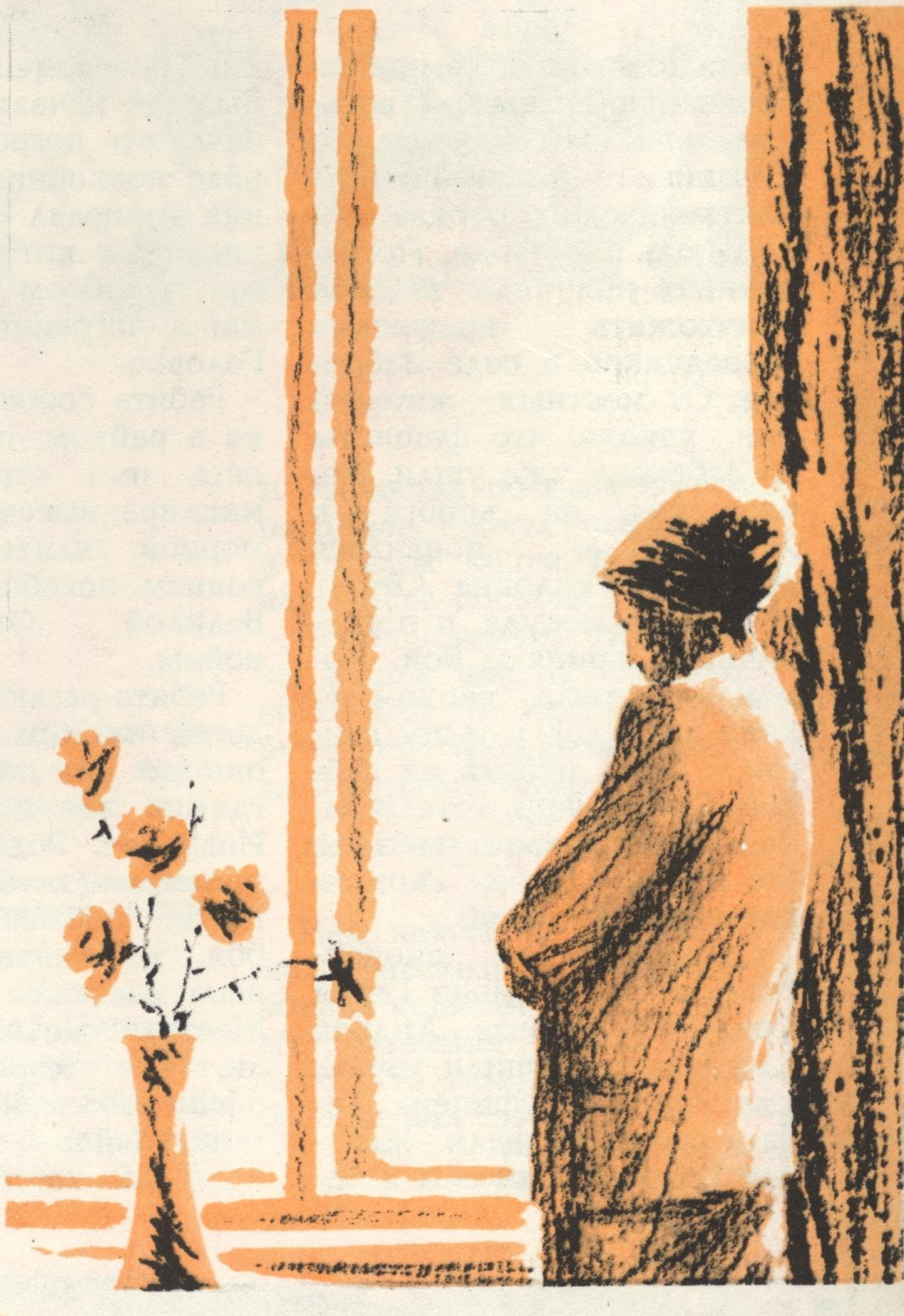
— Спущусь-ка ненадолго в магазин... Может, куплю чего.

Но стоило ей скрыться за дверью, как я мигом оказывался на кухне. Там мама всегда оставляла для меня какой-нибудь лакомый кусок. Она прекрасно знала характер своих детей.

Мама почти всегда находила выход из любого недоразумения.

Я тоже нашел выход. Теперь мама прочтет, обязательно прочтет новеллу о себе.

И я представил себе: подходит Новый год, иду я на кухню и прибиваю там на стену новый календарь, на листке которого (а именно девятого октября) будет напечатана «Новелла о маме»...

[1] Ашуг — народный певец, который сам пишет и слова и музыку песни.

Красные звёзды Тимура

Два года назад семиклассники Брониславской восьмилетней школы узнали о подвиге пограничников Житковичского отряда.

...Июль 1941 года. Пограничники получили задание уничтожить вражеских разведчиков в селе Забродье. От местных жителей они узнали, что фашисты из Забродья уже ушли. Неожиданно на дороге к Житковичам появилась вражеская колонна. Отступать было некуда, и пограничники приняли бой. Командир отряда верхом на коне ворвался в гущу врагов и стал рубить их саблей. Гитлеровцы хотели захватить офицера в плен, но это им не удалось, командир геройски погиб...

Следопыты из пионерского отряда имени Героя Советского Союза Андрея Кижеватого решили узнать имя храброго офицера. Ребята расспрашивали жителей Забродья, писали в архив пограничных войск... Бывший начальник Житковичского пограничного отряда полковник М. Р. Аканин прислал следопытам письмо, в котором рассказал, что боем командовал майор-пограничник М. И. Головко.

Ребята сообщили о поиске в райком партии, и теперь имя отважного командира высечено на мраморной плите памятника воинам, погибшим в годы Великой Отечественной войны.

Ребята разыскали жену и детей майора. Оказалось, они до сих пор не знали, где и как погиб Михаил Иванович. Родные Головко приехали к следопытам в гости, побывали на месте боя, у памятника, выслушали рассказы старожилов. Местные жители вспомнили, что хоронили двух офицеров: майора и капитана. Майор — М. И. Головко, а кто капитан? Единственная ниточка сразу же оборвалась: одна из женщин села Забродье забрала у погибшего капитана фотокарточку, но снимок потерялся еще в войну, когда прятались в лесу от фашистов.

Наконец, узнали, что капитана звали Александр Васильевич Реутт. Родом он из Белоруссии, окончил ветеринарный институт. Последнее письмо семье капитан послал 3 июля 1941 года. Писал, что уже несколько раз ходил в разведку, что приходится спать только два—четыре часа в сутки, все остальное время пограничники вылавливают диверсантов, заброшенных в тыл. Разыскали ребята и дочерей Реутта, они живут в Ленинграде.

Сейчас следопыты выясняют имена остальных пограничников, павших в бою за село Забродье.

А. К. Ковалев,
Гомельская область.

Что о нас думают взрослые

В штаб часто приходят письма от пожилых людей. Они благодарят тимуровцев за помощь, за теплоту... «Боевой листок» предлагает вам письмо Зои Николаевны Апаренко.

«Много лет я проработала геологом. И когда ребята из 5-го «А» 788-й московской школы пригласили меня рассказать об этой профессии, я с удовольствием согласилась. Не думали мы тогда, что эта встреча станет началом нашей дружбы.

Случилось так, что я заболела, и на помощь мне пришли ученики того самого класса. Девочки убирали мою заваленную газетами и журналами комнату, бегали в магазин, в аптеку, в прачечную. В свой день рождения я получила от тимуровцев огромную коробку конфет...

Зимой 1974—1975 годов мне стало хуже, месяцев пять я не выходила из дома. Выручали меня Таня Купчина и Алла Титова. Выполняли все просьбы, ездили в библиотеку.

Олег и Юра Кузьмины за три года, что я их знаю, очень выросли, один выше другого. Олег заходит со своим любимцем — мохнатым псом Чапой. Пока Чапа меня развлекает, его хозяин моет полы. Юра—старательный человек: может обойти пять магазинов, чтобы купить именно то, что я просила.

Я очень благодарна тимуровцам. Мне еще никогда не приходилось звонить и звать их на помощь — они всегда приходят сами».

БОЕВОЙ ЛИСТОК

Обсуждаем «Боевой листок»

В № 10 журнала за 1975 год рассказано о поездке тимуровцев в Лепляву, где погиб А. П. Гайдар. Мы тоже захотели побывать в Лепляве и обратились с такой просьбой к дирекции школы. На вечере, посвященном дню рождения Аркадия Петровича, было решено, что тот отряд, который в пионерском соревновании займет первое место, поедет в Канев и в Лепляву. Мы узнали, что едет наш отряд. Так помог нам «Боевой листок».

Таня Лисицина,
п. Калининск, МССР.

* * *

В № 3 журнала «Пионер» за 1976 год я прочитала экстренный выпуск «БЛ». В нем говорилось о помощи тимуровцев школы № 26 г. Харькова поселку Ургал на БАМе. Ребята отправили в поселок книги, игрушки, наглядные пособия.

По их примеру тимуровцы нашей школы собрали несколько сот книг для библиотеки строящегося завода в нашем городе.

Ира Федченкова,
школа № 5, г. Ростов-на-Дону.

* * *

Нам кажется, что «БЛ» мало рассказывает о тимуровцах сельских школ. Может, сельские ребята считают, что тимуровская работа не для них?

Отряд «Р. В. С.»,
п. Калининск, МССР.

Оформление Ю. КАРПОВОЙ.

А. ОРЛОВ

Рисунки Б. КЫШТЫМОВА

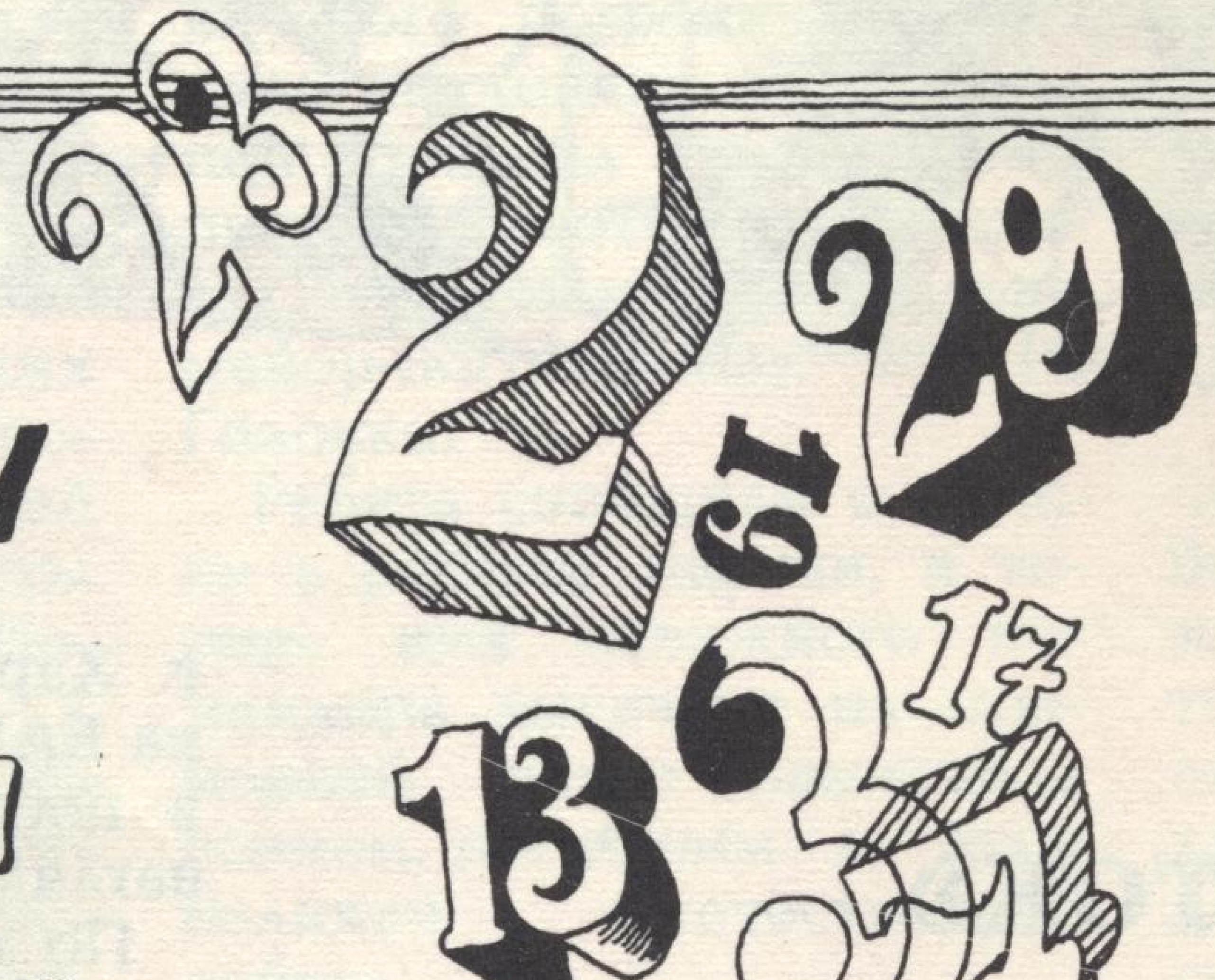
ЭТИ НЕПРОСТЫЕ ПРОСТЫЕ ЧИСЛА

В мартовском номере «Пионера» за прошлый год мы рассказали о минском школьнике Алеше Шаренкове. Он учился в четвертом классе, когда сделал свое первое научное открытие — нашел общее правило для получения простых чисел.

Пример Алеши оказался заразительным — в редакцию полетели письма с разных концов страны. ДВАДЦАТЬ МАЛЬЧИКОВ И ДВЕ ДЕВОЧКИ ПРЕДЛОЖИЛИ СВОИ, НОВЫЕ ФОРМУЛЫ!

Толик Эрмаматов из киргизского села Гульча прислал семь формул, а Игорь Григорян из Баку — целых семнадцать! МОЛОДЦЫ! МОЖНО ТВЕРДО СКАЗАТЬ, ЧТО КАЖДЫЙ ЧУТЬ-ЧУТЬ ПРИКОСНУЛСЯ К НАУЧНОЙ РАБОТЕ, ПОПРОБОВАЛ СВОИ СИЛЫ В ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ АРИФМЕТИКЕ.

Но все же превзойти Алешу Шаренкова почти никому не удалось. Давайте разберемся, почему.

ФОРМУЛЫ ЭЙЛЕРА И ШАРЕНКОВА

Вы помните, конечно, какие натуральные числа называются простыми? Если забыли, напомним. Числа, имеющие только два делителя (единицу и себя), называются простыми. Вот они: 2, 3, 5, 7, 11, 13, 17, 19, 23, 29...

Петербургский академик **Леонард Эйлер** нашел многочлен $x^2 + x + 41$, который для $x = 0, 1, 2... 39$ дает **сорок** разных простых чисел.

Французский математик **Андриен Мари Лежандр** предложил формулу $2x^2 + 29$. По ней можно получить **двадцать девять** разных простых чисел при $x = 0, 1, 2... 28$.

Формула **Алеши Шаренкова:** $2x^2 - 2x + 19$. При $x = 1, 2... 18$ она дает **восемнадцать** разных простых чисел.

ПРИМЕНИМ АЛГЕБРУ!

А вот перед нами письмо из Баку. Восьмиклассник Игорь прислал новую формулу $x^2 - 5x + 47$, которая при $x = 3, 4, 5... 42$ дает **сорок** различных простых чисел! Значит, его формула так же хороша, как и эйлеровская?!

Ответ таков: формула Игоря **повторяет** многочлен Эйлера.

Смотрите, $x^2 - 5x + 47 = (x - 3)^2 + (x - 3) + 41$. Этот многочлен отличается

от эйлеровского только заменой x на x — 3. Вот почему он дает столько же простых чисел, сколько и многочлен Эйлера!

Игорь не одинок: многие из присланных в редакцию формул можно свести к результатам Эйлера, Лежандра, Шаренкова заменой x на x + a при подходящем a.

Шестикласснику из Краснодара Вове Симонцеву удалось получить формулу, которую нельзя свести к уже известным. Вот она: $3x^2 - 3x + 23$. Эта формула при x = 1, 2... 22 дает не пять-шесть простых чисел (как у многих приславших письма), а **двадцать два,** больше, чем у Шаренкова.

Знаменитый многочлен Эйлера, который, как вы помните, дает 40 значений, является, возможно, единственным в своем роде. **Рекорд гениального математика Леонарда Эйлера еще никем не побит.** Никто пока не знает другого многочлена, который при последовательных целых значениях x давал бы больше сорока разных простых чисел!

«Высказано предположение, что существует бесконечно много натуральных чисел x, для которых $x^2 + x + 41$ есть простое число»,— пишет польский математик Вацлав Серпинский в книге «Что мы знаем и чего не знаем о простых числах».

Формулы Эйлера, Лежандра и Шаренкова дают простые числа **только при некоторых последовательных значениях x,** а потом обязательно встречается составное число.

Как вы думаете, а есть ли многочлен с целыми коэффициентами, который при всех значениях x дает простые числа? Конечно, нет! При x, равном свободному члену, значение многочлена — число составное.

Стоп! Предыдущий абзац содержит неточность — ведь свободный член может равняться 1, и значение многочлена при x = 1 может быть простым, как, например, для $x^2 + 1$. Тем не менее не существует многочлена, значения которого **(при всех x!)** — только простые числа.

ПОПРОБУЙТЕ ЭТО ДОКАЗАТЬ.

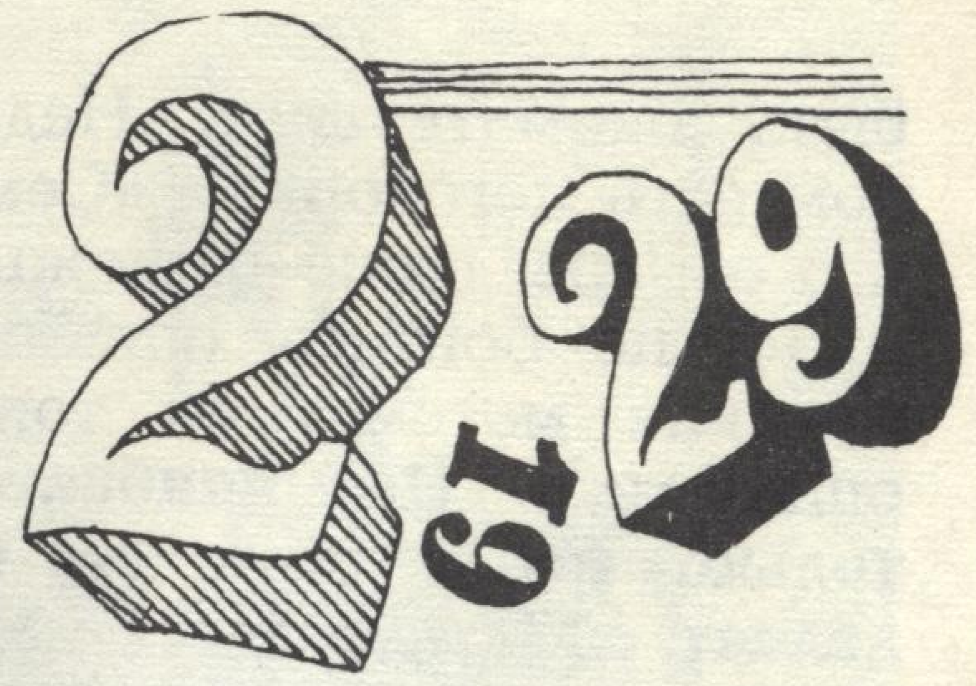
РЕШЕТО ЭРАТОСФЕНА

Семиклассник **Сергей Маньшин** из **Кустаная** прислал нам формулу для простых чисел, проверенную от 0 до 40 (она тоже сводится в конечном счете к формуле Эйлера). Он пишет: **«Дальше проверить не могу, так как у меня нет таблицы простых чисел».** Поможем тебе, Сергей. Такую таблицу составить нетрудно самому по методу древнегреческого ученого Эратосфена из Александрии (он жил в 276—194 годах до нашей эры). Метод так и называется «решето Эратосфена».

Как получить все простые числа, меньшие какого-то числа x? (Вы помните, по теореме Эвклида число простых чисел бесконечно, **все** простые числа выписать невозможно.) Выпишем натуральные числа от 1 до x и будем вычеркивать все числа, кроме простых. Сначала вычеркнем 1, затем числа большие, чем 2, и делящиеся на 2, далее числа большие, чем 3, и делящиеся на 3. Числа, делящиеся на 4, вычеркивать не придется—мы их уже вычеркнули (почему?). Дальше будем вычеркивать числа, большие 5 и делящиеся на 5, и т. д. Оставшиеся числа — простые.

Докажите, что нам не придется специально вычеркивать ни одно из чисел, больших $\sqrt{x}$.

Следовательно, для со-

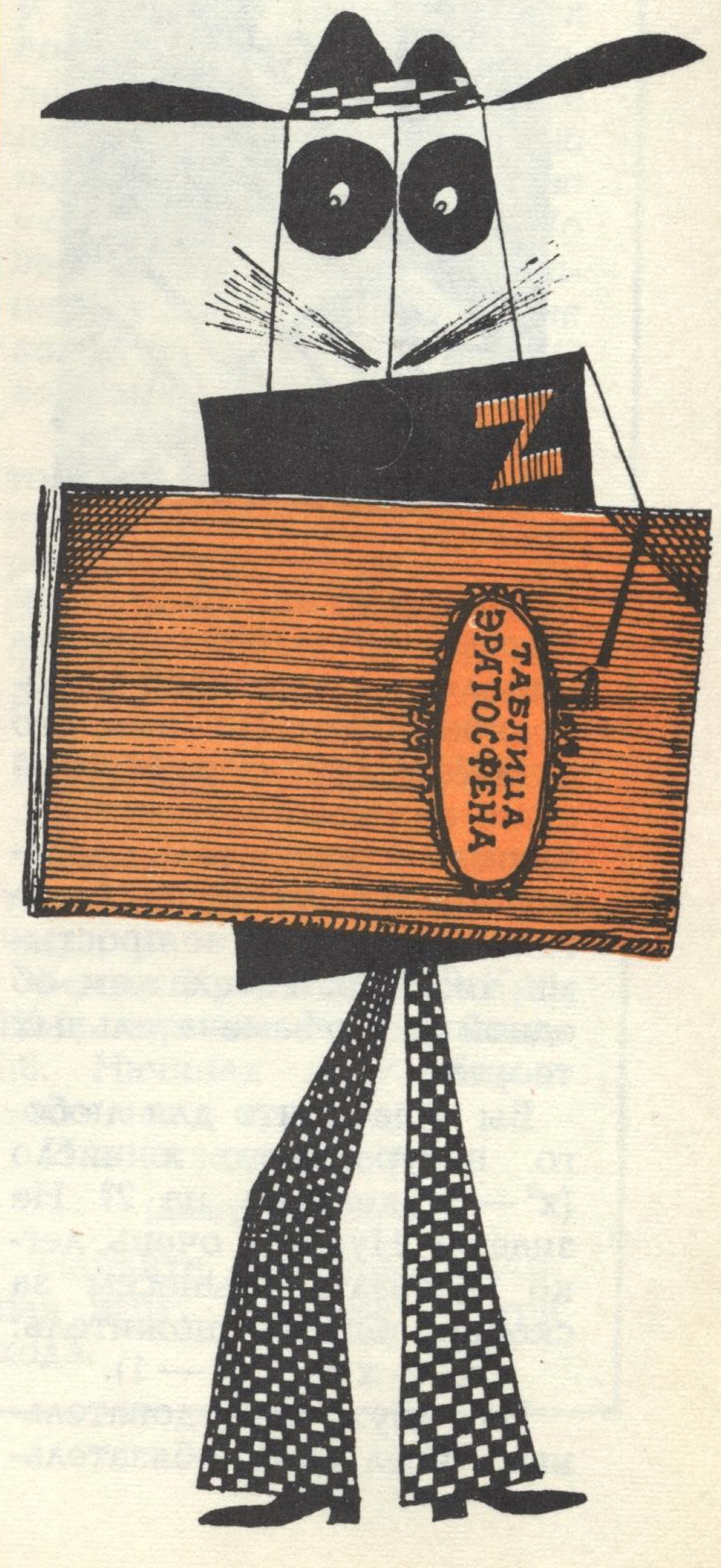

ставления таблицы простых чисел, не больших 100, нам придется вычеркивать только числа, кратные 2, 3, 5 и 7.

Составьте таблицу простых чисел, меньших 400.

НЕ БОЙТЕСЬ ОШИБОК!

Во многих письмах, присланных читателями, есть ошибки. Нередко составные числа считают простыми. Обидно, конечно. Надо

О славных делах Пьера Ферма

Французский юрист Пьер Ферма (1601—1665 годы) занимался математикой в свободное время. Но имя его осталось в веках и знакомо ныне каждому математику. **Ферма — основатель современной теории чисел.** Много занимался он и простыми числами. Расскажем об одной из его замечательных теорем.

Вы знаете, что для любого натурального x число $(x^2 - x)$ делится на 2? Не знаете? Ну, это очень легко доказать. Вынесем за скобки общий множитель: $x^2 - x = x(x - 1)$.

Из двух последовательных чисел одно обязательно четное, значит, оно делится на 2: если число x четное, оно делится на 2, а если нечетное, то $(x - 1)$ четное и делится на 2. Вот и все!

Докажите, что $(x^3 - x)$ делится на 3 при любом натуральном x.

Пьер Ферма открыл следующую чрезвычайно важную и полезную теорему: «если p — простое число, то для каждого натурального числа x число $(x^p - x)$ делится на p».

Попробуйте доказать теорему Ферма.

Ферма был великим математиком, но и он высказывал иногда ошибочные предположения. Так, он предполагал, что все числа вида $(2^{2^k} + 1)$ являются простыми. Это верно при k = 0, 1, 2, 3, 4. Однако Леонард Эйлер в 1732 году обнаружил, что число $2^{2^5} + 1 =$ 4 294 967 297, имеющее 10 цифр, является составным (оно делится на 641).

В 1641 году в письме к другому французскому математику Марену Мерсенну Ферма сформулировал три теоремы (k и n — натуральные числа).

Ни одно из простых чисел вида $12k + 1$ не является делителем ни одного из чисел вида $3^n + 1$.

Ни одно из простых чисел вида $10k + 1$ не является делителем ни одного из чисел вида $5^n + 1$.

Ни одно из простых чисел вида $10k - 1$ не является делителем ни одного из чисел вида $5^n + 1$.

Известно, что все три теоремы неверны. Приведите опровергающие примеры.

В СТРАНЕ ШАХА — ВЛАДЫКИ ЧЕРНЫХ И БЕЛЫХ ПОЛЕЙ

ТАЙНЫ ШАХМАТНЫХ ПАРТИЙ

Умеете ли вы, ребята, анализировать шахматные партии? Не просто разыгрывать их, а проверять варианты, находить интересные продолжения?

Чтобы разобрать партию, надо немало времени, но Пешкин очень советует своим друзьям заняться этим. **Анализ партий помогает овладеть шахматным мастерством.**

Вы уже знаете, что на последнем первенстве СССР чемпион мира Анатолий Карпов с блеском завоевал золотую медаль. Серебряная медаль у гроссмейстера Юрия Балашова. И вот Пешкин предлагает вам проанализировать, найти скрытые премудрости партий, разыгранных на чемпионате СССР.

(Диаграмма № 1)

Эта позиция возникла в интересной партии **Карпов — Дорфман.** Черные сыграли здесь 27... Фf4 : h4.

Ответьте:

Почему черные не отступили слоном на d8 или f8?

Как играл бы чемпион мира в случае 27... Л : g5 28. hg С : g5?

Борьба в партии продолжалась так: 28. Фe2 — f3 Фh4 : g5.

Как развивались бы события при 28... С : g5 или 28... Л : g5?

29. Лe3—e1 Фg4—g2.

Почему и здесь черные не увели слона на d8 или f8?

Анатолий Карпов

Юрий Балашов

30. Фf3 — f5 Лg8 — g6 31. Лg1—f1 Фg2—d5 32. d6 : e7 Kpe8 : e7 33. Фf5 — f4 a6 — a5 34. Фf4 — h4+ Kpe7 — e8 35. Фh4 : h7.

Положение черного короля не обеспечено, и белые добились победы. Последовало: 35... Фf3 36. Фh8+ Kpe7 37. Фh4+ Kpe8 38. Фc4 Фb7 39. b3 Лe6 40. Лg1 Л : e5 41. Лg8+ Kpe7 42. Фh4+ Kpd7 43. Фf6 Лe7 44. Фf5+ Kpd6 45. Ф : a5 Лe5 46. Фd8+ Kpe6 47. Kpb2 d6 48. Лf8 Фg7 49. Фc8+ Kpd5, и черные сдались.

(Диаграмма № 2)

А это положение из партии **Свешников — Балашов.** Составьте примечания к заключительной фазе поединка. События в партии развивались так:

23... g4 24. Фe2 K : g4 25. f3 K : h2 26. Kd4 Cc5 27. Kp : h2 C : d4 28. cdЛ : d4 29. Лc1 Лh4+ 30. Kpg3 Cb5 31. Фf2 Фd8 32. Фe3 d4 33. Лcd1 Лhf4 34. Ф : f4 Л : f4 35. Kp : f4 Фg5+. Белые сдались.

Тех, кто составит толковые примечания и правильно ответит на вопросы, Пешкин наградит «Грамотами ферзя и ладьи».

ПОЧТА ПЕШКИНА

«Я очень люблю играть в шахматы,— пишет Коля Королев, ученик ижевской школы № 11.— Недавно у нас проходило первенство дружины, и мы определили команду, которая выступила в соревнованиях клуба «Белая ладья».

Мы все очень старались и заняли в районе второе место. Я сильно волновался перед игрой, но когда началась партия, чувствовал себя спокойнее. Набрал четыре очка из семи возможных, а Наташа Болтина выиграла все семь партий».

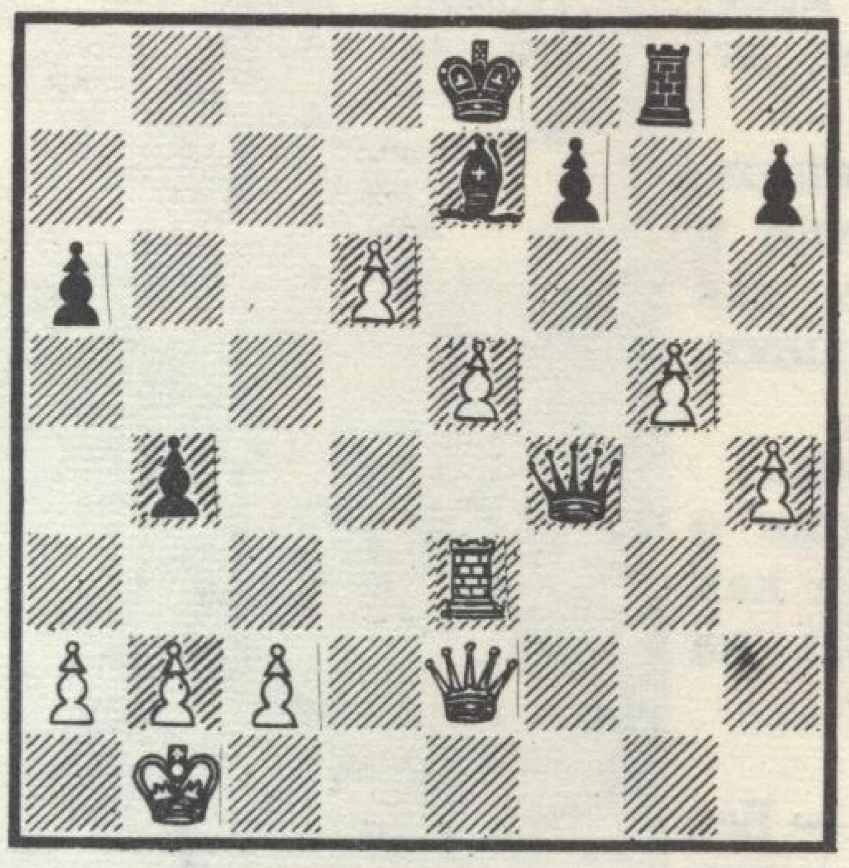

Диаграмма № 1

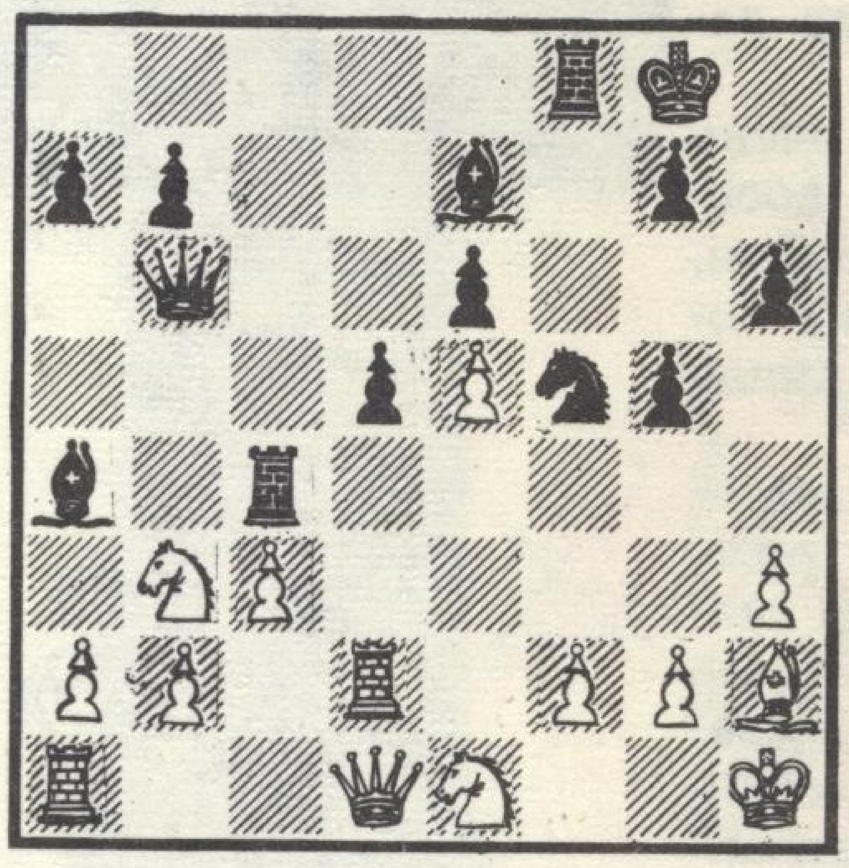

Диаграмма № 2

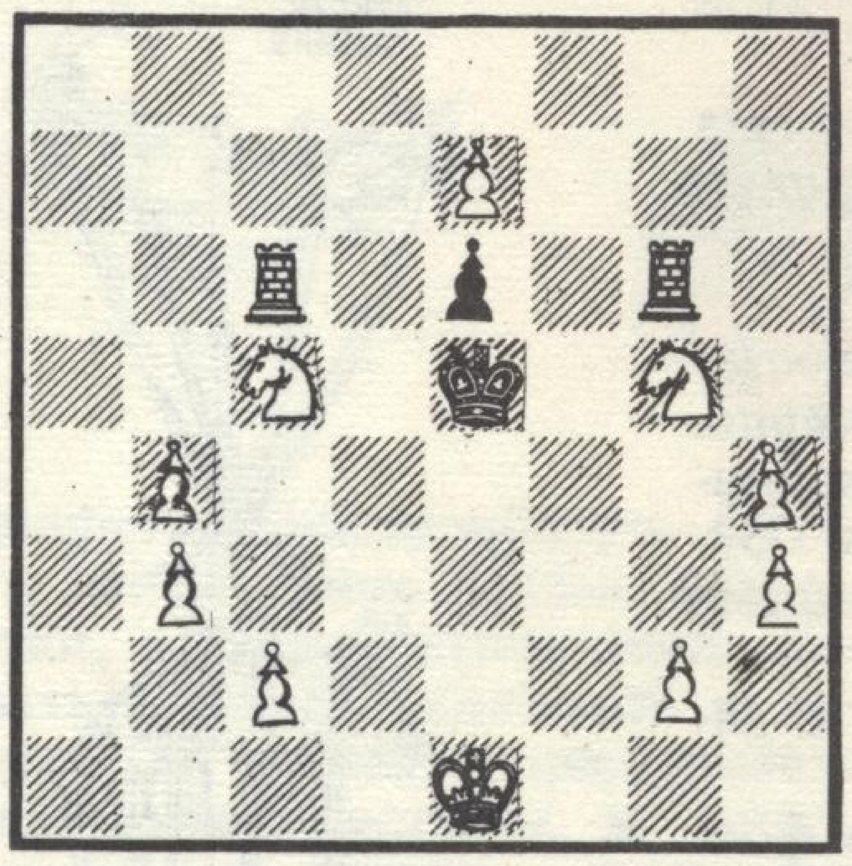

Диаграмма № 3

В № 11 «Пионера» за прошлый год была задача Володи Семечкина:

Белые: Kpg4, Cf8, пешки e6, f7, h7; черные Kpg6.

Задача эта вызвала много споров. Помните ее решение? 1. h8C Kph7 2. Cg7 Kpg6 3. f8K — мат.

«По поводу этой задачи у меня с папой возник спор,— пишет Толя Филиппенко из Омска.— После превращения пешки в слона получается, что у белых два чернопольных слона. Но ведь пешку можно превращать в любую фигуру, и мне кажется, что ход 1. h8C возможен».

Ты прав, Толя. Добавим только, что пешку нельзя превращать в короля. Теоретически на доске возможно появление нескольких ферзей, слонов, коней, ладей.

КОНКУРС ПЕШКИНА

Перед вами позиция, в которой у белых действуют четыре коня.

Белые: Kpd7, Kd3, Kf3, Kg3, Kh1; черные: Kph3, пешка h6. Начиная игру, белые дают мат в три хода.

И еще задание:

(Диаграмма № 3)

Найдите, как белые, начиная игру, дают мат в три хода.

Академия Домашних Волшебников

Сегодня радостный и... очень грустный день — первый день весенних каникул и... последняя встреча в «Академии домашних волшебников».

Ребята выросли: Калинка считает, что первую ступень «Академии домашних волшебников» они преодолели успешно. За эти годы Лёка, Марина, Алеша, Боб научились не только отлично справляться с домашними делами, но спокойно и уверенно побеждать любые трудности. Они научились ценить и уважать труд, в первую очередь чужой. Научились они доброте и справедливости, непримиримости к злу, умению помочь тому, кому помощь необходима,— всем тем качествам, которые и хотела им привить Калинка.

В двенадцать часов, точно минута в минуту — этому Калинка тоже научила ребят: уважать не только свое, но в первую очередь чужое время,— раздался звон колокольчика:

— Динь-дон-динь.— Форточка распахнулась, и вместе с веселым весенним ветром влетел кораблик — калиновый листок. Калинка на ходу спрыгнула на спинку любимого маминого кресла, а кораблик, сделав замысловатый пируэт, отправился на балконную стоянку.

Калинка, как всегда, была в красных сапожках, в красных колготках, клетчатой юбочке и красном пушистом свитере. Щеки румяные, как рязанские яблочки, а глаза — черные бусинки, как всегда веселые.

— Здравствуйте, мои дорогие! — сказала она.

Какая чистота была вокруг! В чистом доме и воздух другой. Комнаты прекрасно убраны, а как сияет кухня и улыбаются чашки и тарелки на полках, ей и через три стены видно.

— Ах, Калинка! — прошептал Алеша.

— Чур, чур! — остановила его Калинка.— Без всяких грустных слов! Мы с вами расстаемся как «академики», но друзьями-то мы останемся! Через год вы прилетите все ко мне. И Чубчика захватите...

Праздничный прощальный обед был очень вкусным, но самыми удивительными были: восьмислойный пирог, испеченный Алешей и Бобом, и мороженое по первому рецепту Калинки, которое когда-то не получалось у Лёки и Марины. Зато сегодня оно удалось на славу.

— Помнишь, Калинка, несколько лет назад,— сказал Алеша,— ты подарила Лёке на день рождения корзинку, несколько банок варенья, салфетку и игрушку — маленького Чубчика. Когда мы тебя спросили, как все это сделать, ты сказала, что это по силам только настоящим домашним волшебникам... Так вот! — И Алеша взмахнул рукой, поставил на середину стола плетеную корзинку, золотистую и ладную.— С этой корзиной ты будешь ходить по грибы...

Лёка крутанулась на пятках, легонько накрыла корзинку салфеткой, вышитой нежным, тонким узором, и грустно сказала:

— На салфетку ты поставишь чашки...

Марина тоже покрутилась на пятках и поставила в корзину три банки с вареньем — черносмородиновым, малиново-черничным и крыжовниковым с грецкими орехами, в аккуратных бумажных шапочках, туго перевязанных зелеными шнурками.

— ...и будешь угощать своих друзей чаем с вареньем...

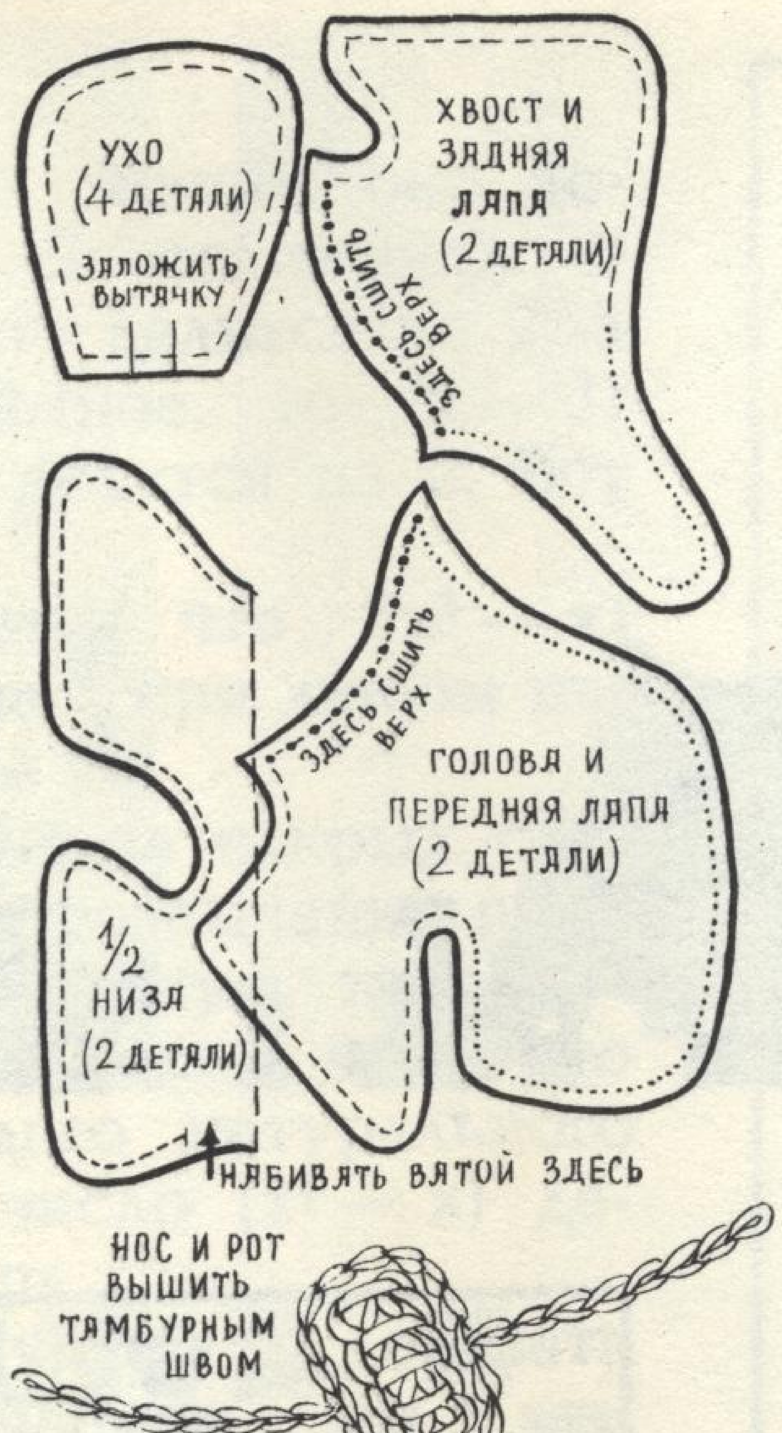
А Боб прислонил к корзинке игрушечного фокстерьера с клетчатыми ушами и вздохнул...

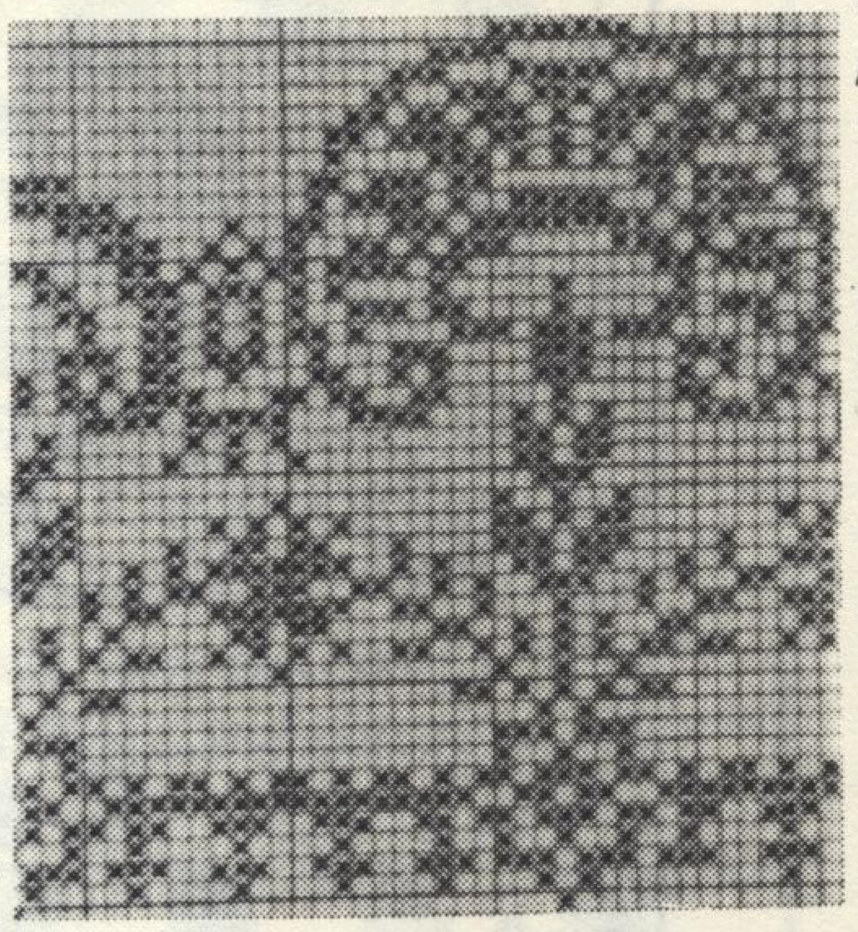
— Я буду всегда помнить вас всех. И Колобок будет всегда со мной! — сказала Калинка. Она погладила игрушку, и щенок ожил, весело залаял и подпрыгнул так высоко, как прыгает настоящий фокстерьер, хотя шерстка у него была не трехцветная, а белая и уши клетчатые...

Влетел кораблик — калиновый листок, Калинка надела свою зеленую шапочку-невидимочку:

— Динь-дон-динь. До свидания-я-я! — и исчезла.

— До свидания, Калинка, мы будем всегда тебя ждать. Прилетай!

ИЗ ЛЁКИНОЙ ЗАВЕТНОЙ ТЕТРАДИ

ФОКСТЕРЬЕР

Фокстерьера можно сшить из любых лоскутков (не только мохнатых): натурального и искусственного меха, фланели, шерсти, и даже ситцевых, сатиновых, не только гладкоокрашенных, но и пестрых, клетчатых, в горошек. Сшив его из ситца, можно обвязать шерстью или прошить петлями, как теперь вяжут шапочки.

Кроме лоскутов нужна вата для набивки, черные толстые нитки для носа и две черные, очень блестящие пуговицы для глаз. По чертежу, нарисованному на обычном тетрадном листке в клеточку, делаем выкройку из бумаги. Хочешь фокстерьера сделать крупнее, сделай по этому чертежу свой. По бумажной выкройке вырезаем детали из лоскутов, а потом их сшиваем так, чтобы остались отверстия для набивки ватой. Сшивая ухо — верх и подкладку, не забудь заложить вытачку, чтобы ухо слегка оттопыривалось. В последнюю очередь пришиваем глаза и вышиваем нос.

САЛФЕТКА

Лучший материал для салфетки — редкого плетения льняная ткань, вот как на этой фотографии, тогда можно вышивать без канвы. Но в любом случае, с канвой или без канвы, вышивать надо на пяльцах — **на туго натянутой ткани стежки ложатся ровно и ладно.** Не надо делать очень пеструю вышивку. На белой ткани хороши серые и синие нитки, или одни красные, или одни зеленые, на голубоватой — белые и серые, на синей — серые или желтые. Все эти сочетания дадут прекрасный, тонкий узор.

Вышивать — крестом, любыми нитками, можно даже тонкими шерстяными.

Прежде чем определить, какими нитками будешь вышивать салфетку, посмотри, какой из узоров больше подходит к обстановке твоего дома и посуде, которая будет стоять на салфетке. Подходит ли рисунок чашек, тарелок к рисунку салфетки.

КОРЗИНА

Корзину можно плести только осенью, лучше всего в середине сентября — прутья для нее должны быть такой гибкости, наполненности соком, чтобы хорошо гнулись, принимали задуманную тобой форму.

Нужна охапка свежесрезанных прутьев ивняка и один прут черемухи для обруча — ободка корзины. Прут для обруча должен быть одинаковой толщины—не меньше семи миллиметров — по всей его длине, конец прута срежем наискосок и снимем не только кору, **но и тонкую полоску древесины по всей длине,** в эту сторону и

будем гнуть прут. Гнем осторожно и равномерно, чтобы не сломать.

Надрезанные концы плотно пригоняем друг к другу и связываем проволокой. Даем обручу подсохнуть дня два, затем проволоку разматываем — концы уже не разойдутся.

Для остова корзины берем ивовые прутья толщиной в пять миллиметров, с простой карандаш или чуть потоньше, и длиной в сорок—пятьдесят сантиметров. Срезаем их наискосок и закрепляем на обруче через равные промежутки, равные примерно пяти сантиметрам, так, как показано на рисунке. Чтобы корзина слегка сужалась книзу, концы прутьев свяжем внизу веревкой.

Начинаем плести корзину, то есть переплетать прутья остова более **тонкими ивовыми прутьями толщиной в три-четыре миллиметра.** Вплетем первый прут, как показано на рисунке. Следующий, второй прут начнем вплетать под следующим, вторым прутом остова, третий прут — под третьим, так, чтобы концы прутьев не находились один под другим, а образовывали «лесенку». Начинаем вплетать прутья с толстого конца и **оплетаем остов так, как будто штопаем его.**

Когда сплетем корзину до желаемой высоты, начинаем плести дно корзины.

Для этого развяжем веревку и освободим прутья остова. Выберем сначала два прута, расположенные друг против друга, загнем их навстречу друг другу и свободные концы проденем в сплетенную часть корзины, подсунув под переплетенные прутья. **Эти два прута должны быть на дне корзины рядышком, параллельно.** Так же загнем и закрепим, продев в сплетенную часть корзины, все прутья остова, сначала верхние с нижними, потом прутья остова, расположенные друг против друга—слева и справа. Получится дно в клетку. **Затем это «клетчатое» дно заплетаем прутьями так же, как и штопали боковины корзины.**

Ручку делаем из трех-четырех прутьев той же карандашной толщины, но только **выбираем прутья в два с половиной раза длиннее,** чем будущая ручка. Складываем их пучком и продеваем его под обод. Верхние прутья корзины сгибаем вдвое и скручиваем жгутом. Свободные концы жгута подсовываем с противоположной стороны корзины между переплетенными прутьями, четыре конца влево, четыре вправо.

Готовую корзину высуши.

С декабря 1969 года в нашем журнале почти во всех номерах печаталась «Академия домашних волшебников». Всего было 68 занятий «Академии». Ребята учились печь пироги и печенье, варить супы и борщи, готовить мороженое и конфеты, консервировать фрукты и овощи, шить платья, пальто, куртки, джинсы, купальники, вышивать и вязать, ухаживать за волосами и кожей, придумывать карнавальные костюмы и маски, раскрашивать ткани, мастерить спортивные сумки и игрушки и еще многое другое. Читатели в своих письмах просят снова повторить рассказы «Академии», ссылаясь на то, что прошло семь лет и появилось много новых читателей, мечтающих стать «академиками». В журнале невозможно снова повторять одни и те же материалы, так же как невозможно снова напечатать повести, стихи.

Тем мальчикам и девочкам, кому хочется стать «домашними волшебниками», советуем найти журналы «Пионер» с декабря 1969 года по февраль 1977 года в библиотеке или попросить у знакомых. Если книги и журналы, взяв почитать, возвращаешь, притом в целости и сохранности, никто не откажет в просьбе...

Друзей Лёки, Марины, Алеши, Боба и Чубчика обрадуем тем, что автор «Академии домашних волшебников» вместе с Калинкой и художниками трудятся над книгой. В скором времени она будет напечатана.

Рисунки Т. ЛАРИОНОВОЙ

Ответственный дежурный
Никита РАЗГОВОРОВ

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ

Пословицу в кроссворд!

«ИЗ ПЕСНИ
СЛОВА
НЕ ВЫКИНЕШЬ».

Вот задача непростая,
Для смышленых лучший спорт:
Надо буквы переставить
Из пословицы в кроссворд.
Не спеши! Запомни твердо:
Вся пословица уйдет
На строительство кроссворда.
Труден только первый ход!
В нарушенье строгих правил:
Без подсказки прямо в бой,
Я часть букв уже расставил,
Остальные за тобой!

Маркошутка

У цапли коронованной
На марке вид взволнованный.
Скажи, чего боится
Встревоженная птица?

Игры Лупы и Пинцета

Поднимите паруса!

Гавайские острова

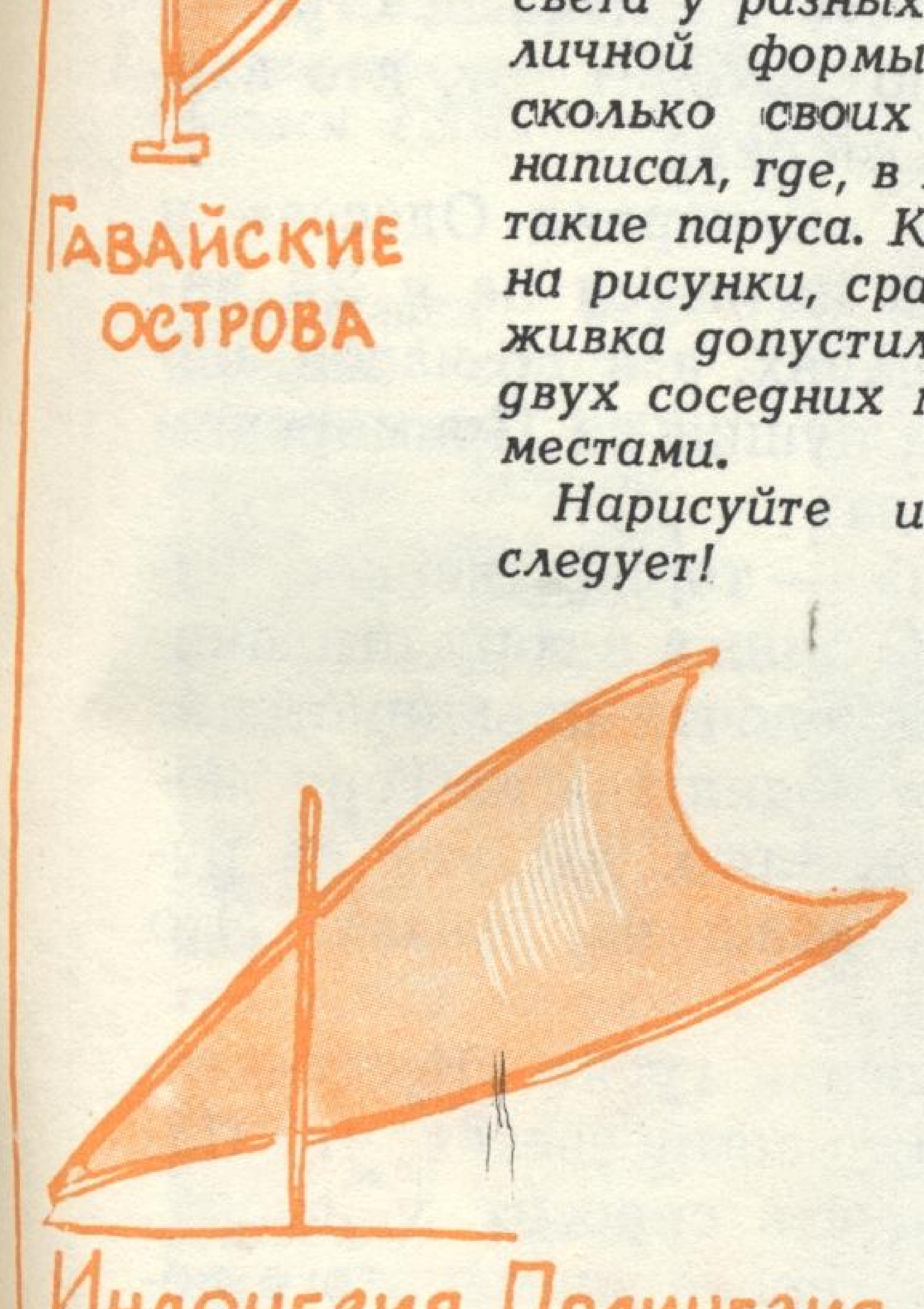
Мы собираем новую коллекцию: марки с изображением парусов. Пока что у нас таких марок не много. Живживка сказал, что в разных частях света у разных народов паруса различной формы. Он подарил нам несколько своих рисунков и на них написал, где, в какой стране он видел такие паруса. Капитан Перо, взглянув на рисунки, сразу заметил, что Живживка допустил ошибку. Подписи на двух соседних марках надо поменять местами.

Нарисуйте и подпишите все как следует!

Лупа и Пинцет.

Скандинавские страны

Индонезия. Полинезия.

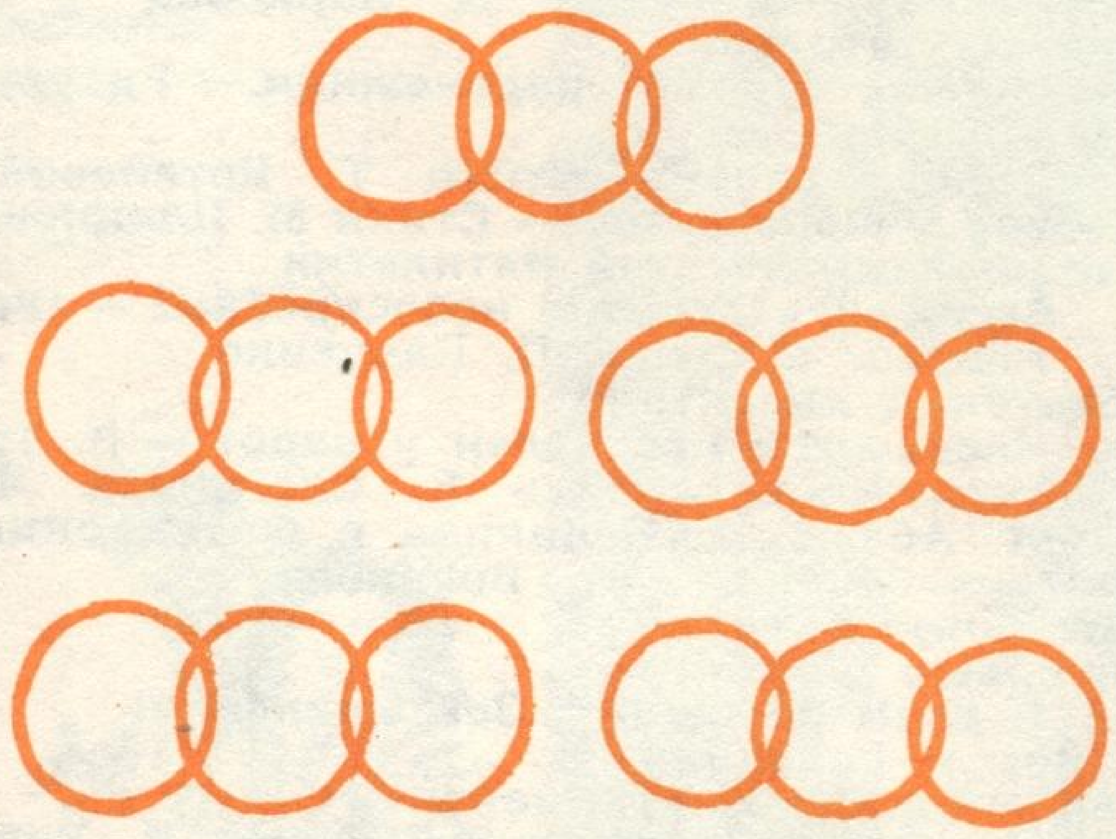

Новая Гвинея

За сколько минут?

Распалась цепь на пять частей!
Но я надеюсь, что легко ты
Соединишь их поскорей,
Проделав минимум работы.
Разрезать и спаять звено —
На это две минуты надо...
Учти, задание дано
Для очень вдумчивого взгляда.

Живживка.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 3

Игры деда Буквоеда

Почините строчку!

Иди скорее, рыбка есть!

Все на штурм!

Живживка сделал 27 шагов.

Игры Лупы и Пинцета

Пять Мадагаскаров

Мадагаскар-С стоит на месте.

Капитан Перо ищет помощника

Который час?

На первых часах — без десяти пять, на вторых — без двадцати пяти одиннадцать, на третьих — двадцать минут четвертого.

СОДЕРЖАНИЕ

●

Технический редактор **Е. Г. ЕВДОКИМОВА.**
Макет **А. М. ГРИШИНА.**

Адрес для писем: 101459, ГСП, Москва, А-15, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж. Телефон 253-30-73. Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 22/I 1977 г. А 09220.
Подписано к печати 25/II 1977 г. Формат 84×60¹/₈.
Усл. печ. л. 9,33. Учетно-изд. л. 11,24.
Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 708. Заказ № 107.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Н. РОСТОВЦЕВА

Кто весел, тот смеется, или что такое «ЮМОРИНА»

Посмотрите внимательно на юного морячка, который держит в руках спасательный круг с единственным словом «Юморина»... Посмотрели? Чуть-чуть подумали? Улыбнулись? Если улыбнулись, значит, вы поняли самое главное: «Юморина» — это прежде всего умение смеяться. Само слово «юморина» произошло от двух слов — юмор и море. А родилось это слово в 1973 году, когда в Одессе состоялся первый праздник юмора и шутки — «Юморина». Вот почему так молод морячок на эмблеме — ему же всего пятый год. Кстати, он совсем не изменился за пять лет. Вечная юность юмора помогает «хорошо сохраниться» всем, кто умеет смеяться.

Так что же все-таки такое «Юморина»?

Через несколько минут самолет приземлится в аэропорту Одессы, и стюардесса в салоне произнесет: «Вы прибываете в город, где умеют шутить и понимают шутку». Это «Юморина».

Вам вручают пригласительный билет. В нем такое требование: «При входе предъяви улыбку в развернутом виде!» Это «Юморина».

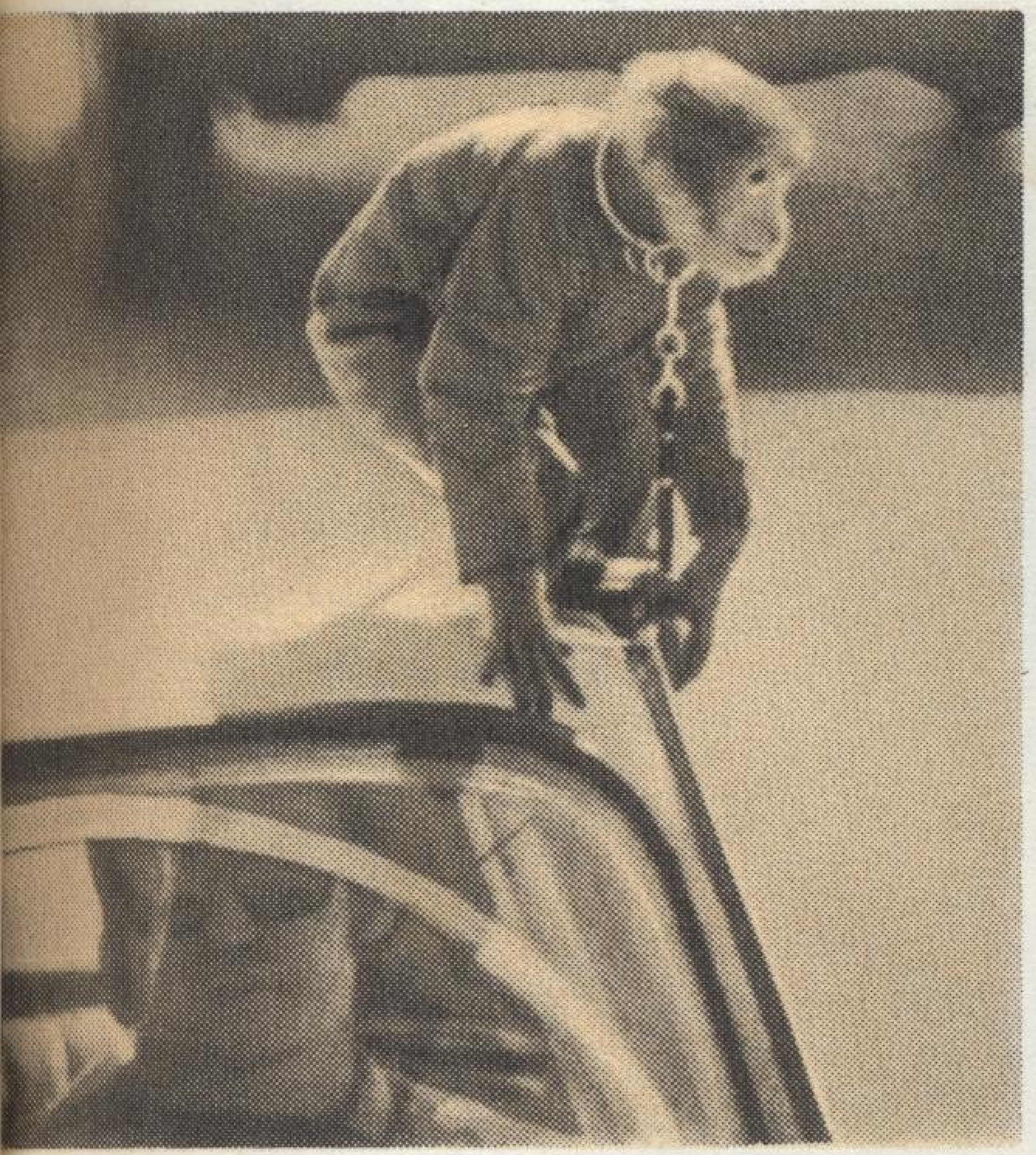
По Дерибасовской улице идет весело раскрашенный троллейбус № 1, рядом с дверью надпись: «Без улыбки не входить!» Это «Юморина».

Вы входите в троллейбус и слышите строгий голос водителя: «Хорошо выходит тот, кто входит последним!» Это «Юморина».

Вы открываете газету «Вечерняя Одесса» и читаете: «Первое апреля начнется не в 24 часа, как указано в календарях, а в 16 часов, одновременно с выстрелом пушки на Приморском бульваре». Это «Юморина».

На пляже «Дельфин» — торжественное закрытие сезона моржей. С пляжа в гору отправились участники конкурса «почти альпинистов». Условие конкурса такое: подняться на гору любым способом, кроме обычного. «Идут» на руках, идут на ходулях и даже на лыжах. Это «Юморина».

Веселая эстафета «Догони гуся». Комментатор заявляет: «Если кто-то сомневается, что Паниковский настоящий, пусть спросит у гуся». (Паниковский — один из героев знаменитого романа «Золотой теленок» И. Ильфа и Е. Петро-

Вы, конечно, узнали Паниковского, который украл гуся и этим всех надул... в том числе и гуся.

ва, известный, в частности, тем, что украл однажды гуся.

Не так-то легко их передразнить...

В кинотеатрах города, в рабочих клубах и Дворцах культуры идут выпуски киножурнала «Фитиль», перед началом сеансов выступают его авторы и редакторы.

Это не пожарник. Это таксист Ефим Выдомский. А каску он надел потому, что, съезжая на своем «Запорожце» по Потемкинской лестнице, боялся ГАИ... как огня!

Днем по улицам Одессы прогуливаются улыбающиеся Авдотья Никитична и Вероника Маврикиевна, Геннадий Хазанов и Евгений Петросян, многие артисты эстрады и цирка, а вечером они выходят на сцену Дворца спорта — и тогда уже улыбается, а чаще откровенно смеется зал. В филармонии народный артист СССР Зиновий Гердт вместе с кинорежиссером Петром То-

Предлагаем вам надписи, которые сделаны на этих машинах спереди: «Моя машина уже не боится кошек!», «Интересно, как я двигаюсь?!», «Линяю. Руками не трогать!», «Если светофор остановил тебя и взял три рубля — значит, это не светофор», «Кто вчера угнал мой «Лорен-Дитрих», верните хотя бы бибикалку».

Рисунки **А. ВОВИКОВОЙ**

доровским исполняет под гитару веселые куплеты собственного сочинения. Их сменяют артисты эстрады Роман Карцев и Виктор Ильченко, писатель-сатирик Михаил Жванецкий...

Праздник продолжается несколько дней.

В субботу по традиции стартует автопробег старых — нет, древних — автомашин на приз Антилопы-Гну и карнавальное шествие с участием самых веселых героев литературных произведений. В карнавальном шествии принимают участие и обитатели зоопарка: там уже несколько дней открыта выставка «Звери смеются».

Возглавляет колонну старых, заслуженных автомашин, главная цель которых добраться до финиша, не потеряв колеса, крылья или бамперы, начальник ГАИ города. Из головной машины звучит: «Граждане, освободите трассу — не подвергайте автомобили опасности!», «Шофер, помни: смех смехом, а тормоза тормозами», «Участник номер 32! Подберите отваливающийся карбюратор!», «Водители! Любите пешеходов! Они чем-то похожи на вас!»

Остроумные надписи на машинах ценятся так же высоко, как и умение водителя довести машину до финиша. Так же строго, как и радостно, толпы зрителей, стоящих на улицах, и любопытные, выглядывающие из окон, оценивают смехом фантазию участников. Но... нет, лучше один раз увидеть, чем много раз услышать. Поэтому приглашаем вас посмотреть веселый фотостенд «Переменки», который подготовили Леонид Сидорский и Ярослав Харечко — участники праздника.

Цена 25 коп.
Индекс 70694